

Нико Альвер

ГЕНЕРАЛЬСКИЙ ПЕРЕПОЛОХ

Генеральский переполох

Нико Альбер

Данное произведение является художественным. Все персонажи, события, организации, компании и описанные ситуации вымышлены либо использованы в художественной интерпретации. Любые совпадения с реально существующими или существовавшими людьми, организациями, компаниями, событиями или обстоятельствами являются случайными и непреднамеренными.

Оглавление

Пролог

Глава 1: Генеральская бессонница

Глава 2: Параллельная вселенная Анастасии

Глава 3: Вирус страха в гостиной

Глава 4: Лекция для посвященных

Глава 5: Ужин с инквизитором

Глава 6: Охота на ведьм

Глава 7: Прозрение отца

Глава 8: Эпидемия безумия

Глава 9: Начало расследования

Глава 10: Человек со справкой

Глава 11: Бизнес на страхе

Глава 12: Иностраннный агент в патриотической шкуре

Глава 13: Дивеевское братство и теневое управление

Глава 14: Экспертиза как оружие массового поражения

Глава 15: Четвертый Рейх

Глава 16: Манипуляция Президентом

Глава 17: Архитекторы войны

Глава 18: Тихий бунт генерала

Пролог

В кабинете пахло дорогой кожей, остывшим кофе и едва уловимым, но отчетливым запахом страха. Страх этот исходил не от хозяина кабинета — человека, чье имя произносили шепотом в коридорах власти, — а от папки, лежащей перед ним на столе. Обычная картонная папка с завязками, какие можно найти в любом канцелярском магазине, но содержимое её обладало свойством радия: оно было невидимым, но смертельно опасным.

За окном шумела Москва. Город, который никогда не спит, потому что боится пропустить момент, когда удача отвернется. Хозяин кабинета, грузный мужчина, медленно перелистывал страницы. Он не читал — он вдыхал текст, пробовал его на вкус. Это были не отчеты о прибылях и не сводки с фронта. Это были судьбы.

— Значит, говорите, они опасны? — спросил он, не поднимая глаз. Голос его был скрипучим, как несмазанная телега.

Напротив сидел человек с бегающими глазками и бороденкой, в которой, казалось, застряли крошки от вчерашнего ужина. Он ерзал на стуле, словно тот был раскален.

— Безусловно, Иван Петрович. Архипопасны. Они разрушают скрепы. Они подтачивают фундамент. Сегодня они поют мантры, а завтра продадут Родину за печенье Госдепа. У нас есть экспертиза.

Слово «экспертиза» прозвучало как выстрел с глушителем. Тихо, но наповал.

Иван Петрович хмыкнул. Ему было плевать на мантры, на скрепы и даже, по большому счету, на Родину, если та не приносила дивидендов. Но он понимал другое: власть — это не скипетр и держава. Власть — это право называть черное белым, а соседа — врагом. И человек напротив, этот суетливый профессор с безумным блеском в глазах, продавал ему именно это право. Индугенцию на ненависть.

— Хорошо, — Иван Петрович захлопнул папку. — Работайте. Но помните, Александр Леонидович: если ваша «сектоведческая» машина даст сбой и зажует не того, кого следует... мы вас не знаем. Вы — городской сумасшедший. Понятно?

— Помилуйте, — захихикал гость, и смешок этот был похож на рассыпавшийся горох. — Мы же профессионалы. Мы лечим души. Хирургическим путем.

Гость откланялся, пятясь к двери, как краб. Когда он вышел, Иван Петрович подошел к окну. Внизу, в лабиринте улиц, миллионы людей спешили по своим делам, любили, ссорились, воспитывали детей. Они не знали, что на каждого из них уже заготовлен ярлык. Что где-то в недрах серых зданий уже пишется диагноз их свободе. Что «хирурги» уже точат скальпели, и анестезии не будет.

В этом городе, где правда стала самой дефицитной валютой, начиналась игра. Игра, в которой пешки возомнили себя ферзями, а ферзи не заметили, как доска превратилась в эшафот. И где-то далеко, в одном из провинциальных городов, генерал-полковник Валерий Алексеевич, еще ничего не подозревая, допивал свой чай, глядя на портрет президента и думая о том, почему победа, которая должна быть «за нами», все никак не наступает.

Он еще не знал, что враг уже не у ворот. Враг уже в прихожей, и он пришел не с мечом, а с лекцией.

Глава 1: Генеральская бессонница

Генерал-полковник Валерий Алексеевич проснулся не от будильника, а от тяжести собственного звания. Оно, это звание, казалось, материализовалось за ночь в виде чугунной плиты, лежащей на груди, и давило, не позволяя сделать полноценный вдох. В спальне стояла та особенная, ватная тишина, какая бывает

только в домах очень больших начальников, где даже пылинки боятся оседать без письменного распоряжения.

Валерию Алексеевичу было пятьдесят два года. Возраст для генерала самый что ни на есть «сочный»: уже не мальчишка, которому нужно выслуживаться за каждую звездочку, но еще и не дряхлый старец, которого держат в президиумах как свадебного генерала, чтобы он красиво дремал под гимн. Нет, Валерий был в силе. Крепкий, с широким, словно вырубленным из мореного дуба лицом, на котором жизнь и служба оставили глубокие, но благородные борозды.

Он сел на кровати, опустил босые ноги на пушистый ковер. Ковер был персидский, дорогой, купленный еще в те времена, когда слово «импорт» произносилось с придыханием, а не с презрением. В углу комнаты мерцала лампадка перед иконой Георгия Победоносца. Генерал перекрестился — размашисто, привычно, как подписывал ведомости на выдачу горюче-смазочных материалов. «С нами Бог», — прошептал он, но фраза эта, обычно звучавшая как пароль для входа в новый день, сегодня отозвалась в голове странным, дребезжащим эхом.

В ванной комнате, глядя на свое отражение, Валерий Алексеевич привычно нацепил на лицо выражение государственной важности. Это была маска, сросшаяся с кожей. Даже чистя зубы, он выглядел так, словно принимал парад на Красной площади. Щетка двигалась четко, по уставу: влево-вправо, вверх-вниз. Порядок. В стране должен быть порядок, и начинаться он должен с ротовой полости отдельного гражданина.

На кухне уже хлопотала Инна Ивановна. Жена генерала — это не социальный статус, это воинское звание, причем пожизненное. Инна, женщина еще красивая той спокойной, уверенной красотой, которую дают деньги и отсутствие необходимости толкаться в общественном транспорте, жарила сырники. Запах ванили и жареного масла вступал в когнитивный диссонанс с телевизором, висевшим на стене.

Из плоского экрана, занимавшего полстены, лился поток расплавленного свинца. Ведущий ток-шоу, человек с лицом, искаженным праведным гневом, кричал о том, что коллективный Запад вот-вот рухнет под

тяжестью собственных грехов, и что наши ракеты — самые гуманные ракеты в мире.

— Доброе утро, Валера, — тихо сказала Инна, ставя перед мужем тарелку. Сырники были идеальной формы, румяные, один к одному, как солдаты почетного караула.

— Доброе, — буркнул генерал, не отрывая взгляда от экрана. Там показывали карту военной обстановки. Красные стрелки уверенно теснили синие. Или наоборот? Мелькали кадры разрушенных домов, черные остовы танков, грязный снег, перемешанный с землей и кровью.

Валерий Алексеевич взял вилку, но кусок в горло не лез. Внутри, где-то в районе солнечного сплетения, снова что-то зашевелилось, то, что он старательно травил коньяком и патриотическими лозунгами последние два года.

«Как же так?» — подумал он, глядя на дымящийся сырник. — «Ведь мы же... выполняем задачи безопасности. Мы же должны были помочь стабилизировать ситуацию. Почему они не сдаются? Почему они стреляют в ответ с такой яростью? Ведь нам говорили, что часть населения будет настроена доброжелательно. А встречают современным оружием».

Он отогнал эту мысль, как назойливую муху. Нельзя. Сомневаться — значит подрывать уверенность. Правительство знает, что делает. У них есть план. Большая стратегия, недоступная пониманию простых смертных, и даже его, генерал-полковника. Это как шахматы, где он, Валерий, — ладья.

— Настенька еще спит? — спросил он, чтобы перебить голос ведущего в голове.

— Ушла уже, — вздохнула Инна, присаживаясь напротив и подпирая щеку рукой. — У нее первая пара. Психология личности.

Валерий хмыкнул. Психология. В его время психологией занимался старшина роты с помощью табуретки и крепкого слова. И ведь работало! Люди вырастали крепкие, цельные, без всяких там депрессий и панических атак. А сейчас... Младшая дочь была его болью и его нежностью. Она жила в каком-то своем мире, где не было званий, рангов и геополитических интересов. Она

играла на гитаре, читала странные книги и смотрела на отца с той смесью любви и жалости, которая бесила его больше всего.

— Психологи... — проворчал он. — Лучше бы на инженера пошла. Стране нужны строители, а не мозгоправы. Скоро восстанавливать столько придется...

Он осекся. Восстанавливать. Значит, сначала разрушить.

— Валер, ты сегодня поздно? — Инна знала, что спрашивать бесполезно, но ритуал есть ритуал.

— Как получится. Дел неупрочот. Совещание в округе, потом селектор с Москвой.

Он допил кофе — крепкий, черный, без сахара. Горечь на языке немного привела его в чувство. Он встал, одернул китель. Звезды на погонах тускло блеснули в утреннем свете. Три большие звезды. Тяжелые. Каждая весит тонну ответственности.

Служебная «Ауди» с мигалкой ждала у подъезда. Водитель, прапорщик Толик, выскочил, чтобы открыть дверь, согнувшись в полупоклоне. Валерий Алексеевич плюхнулся на заднее сиденье, в прохладную кожу. Машина плавно тронулась, отсекая его от реальности тонированными стеклами.

За окном проплывал их город — серый, немного обшарпанный, но родной. Мелькали вывески магазинов, люди на остановках, кутающиеся в воротники. Обычные люди. Они ехали на заводы, в офисы, в школы. Они жили своей жизнью, ругали цены на ЖКХ, мечтали об отпуске в Турции (который теперь стал роскошью), растили детей.

Генерал смотрел на них и чувствовал странную отчужденность. Он любил этот народ. Искренне, до боли в сердце любил. Он готов был умереть за этих людей на остановке. Но парадокс заключался в том, что ради их блага, как ему объясняли сверху, нужно было отправлять их сыновей туда, где земля перемешана с металлом.

«Лес рубят — щепки летят», — всплыла в памяти поговорка. Жестокая, сталинская мудрость. Но кто дал право считать этих живых, теплых людей щепками?

— Толик, радио выключи, — буркнул он. Из динамиков неслась бодрая песня про то, как «мы пойдем и всех победим». Слишком бодрая для утра понедельника.

В кабинете было прохладно и пахло казенной бумагой. Огромный стол буквой «Т», портрет Президента над креслом, карта на стене, закрытая шторкой. Валерий Алексеевич прошел к столу, сел. Начался круговорот бумаг. Сводки, отчеты, разнарядки, доносы, просьбы. Бумажное море, в котором так легко утонуть и так уютно прятаться от реальности.

Ближе к обеду заглянул старый товарищ, генерал-майор в отставке Семен Аркадьевич, ныне советник губернатора. Семен был человеком циничным, умным и, в отличие от Валерия, не обремененным лишними моральными терзаниями.

— Ну что, стратег, как дела на фронтах борьбы с мировым империализмом? — Семен плюхнулся в кресло для посетителей, расстегивая пиджак.

— Работаем, Сеня, работаем, — Валерий отложил ручку. — Чай будешь? Или сразу коньяк?

— Обижаешь, начальник. Какой чай в наше тревожное время? Нервы лечить надо.

Валерий достал из сейфа пузатую бутылку армянского и два лимона. Разлил. Янтарная жидкость плеснулась в пузатые бокалы.

Они выпили. Тепло разлилось по жилам, немного ослабляя узел в груди.

— Слушай, Валер, — Семен покрутил бокал в руках. — А ты новости читал? Там опять пакет санкций выкатили. Теперь даже пуговицы для кальсон запретили ввозить. Смех, да и только. Думают, мы без их пуговиц воевать перестанем. Да мы на веревочках подвяжем, но до Ла-Манша дойдем, если приказ будет!

Он рассмеялся — громко, раскатисто. Валерий улыбнулся, но улыбка вышла кривой.

— До Ла-Манша... — повторил он задумчиво. — Сеня, а тебе не кажется, что мы как-то... долго идем? Третий год уже.

Семен перестал смеяться. Его маленькие, цепкие глазки внимательно уставились на друга.

— Ты это чего, Валер? Усомнился?

— Да не усомнился я, — Валерий махнул рукой, досадуя на свою откровенность. — Просто... Людей жалко. Пацанов наших. И тех... с той стороны. Ведь тоже русские, по сути. Говорят на одном языке, матерятся одинаково, водку пьют так же. Как так вышло, Сень? Как мы допустили, что брат на брата пошел?

Семен вздохнул, налил себе еще.

— Это не мы допустили, Валера. Ты же знаешь официальные объяснения. Вопросы безопасности, международная напряженность...

Валерий тяжело вздохнул.

— Иногда мне кажется, что мы в какой-то дурной сон попали. Что проснусь я сейчас лейтенантом в общаге, и ничего этого нет.

— Ты это брось, — Семен наклонился вперед, понизив голос. — Такие разговоры, Валера, до добра не доводят.

— Ладно, — Валерий отодвинул бокал. — Хватит лирики. Работать надо.

Когда Семен ушел, генерал долго стоял у окна. С высоты пятого этажа люди внизу казались маленькими точками. Муравьи. Кто из них «зомби», а кто «светлый воин»? Сверху не разобрать. Все одинаковые. Все хотят жить.

Вечером, вернувшись домой, Валерий застал семейную идиллию. Инна смотрела сериал про любовь, Настя сидела в кресле с книгой, заткнув уши наушниками.

— Папа пришел! — Инна встрепенулась, изображая радость.

Настя подняла глаза, кивнула и снова уткнулась в книгу. «Эрих Фромм. Бегство от свободы», — прочитал Валерий на обложке.

— Что читаем? — спросил он, снимая китель. Без кителя он сразу стал меньше, домашнее, уязвимее.

— Учебная литература, пап, — ответила Настя, снимая один наушник. — Изучаем механизмы авторитаризма и конформизма.

Валерий почувствовал укол.

— Это ты на что намекаешь? — нахмурился он. — На отца родного?

— Я не намекаю, я учусь, — спокойно ответила дочь. — Фромм пишет о том, почему люди добровольно отказываются от своего «я» и растворяются в массе. Очень актуально, не находишь?

— Актуально... — передразнил он. — Ты бы лучше историю учила. Как нашу страну веками пытались на колени поставить. А мы стояли и стоять будем. Потому что мы — сила. А твой Фромм — немец. Что он может понимать в русской душе?

— Он американский психолог немецкого происхождения, — поправила Настя. — И он писал про фашизм. Про то, как целая нация сошла с ума.

В комнате повисла тишина. Инна испуганно переводила взгляд с мужа на дочь.

— Ты слова-то выбирай, — тихо сказал Валерий. — Фашизм — это там, где люди действительно используют символику ненависти и агрессии. А мы считаем, что боремся с угрозами безопасности.

— Боретесь... — Настя грустно улыбнулась. — Ладно, пап. Не будем. Ты устал, я вижу. Ужин на столе.

Она встала и ушла в свою комнату, плотно закрыв дверь. Валерий остался стоять посреди гостиной, чувствуя себя оплеванным. Собственная дочь. Плоть от плоти. И такие мысли. Откуда? Университет? Интернет? Или это он, отец, что-то упустил, пока строил карьеру и защищал Родину?

За ужином он молчал. Ел механически, не чувствуя вкуса. Инна пыталась разрядить обстановку, рассказывая какие-то сплетни про соседей, про цены на рынке, про то, что у Петровых сын вернулся с ранением, но зато с медалью и выплатами, машину купили...

— Машину... — пробормотал Валерий. — Слишком дорогая цена за любые компенсации.

— Что? — не расслышала Инна.

— Ничего. Спасибо, вкусно.

Ночью бессонница вернулась. Она сидела в углу спальни, как старая злая старуха, и ухмылялась. Валерий лежал, глядя в потолок, и слушал дыхание спящей жены.

В голове крутились обрывки разговоров, фразы из телевизора, цитаты из Фромма, которого он не читал, но уже ненавидел.

«Победа будет за нами». Конечно, будет. Иначе зачем все это? Зачем тысячи гробов? Зачем слезы матерей? Зачем этот бесконечный страх, который пропитал воздух в стране, как запах дешевых сигарет? Мы не можем проиграть. Потому что если мы не правы... то тогда мы — чудовища. А мы не можем быть чудовищами. Мы же спасители. Мы же Достоевского читали. «Слезинка ребенка» и все такое.

Он встал, стараясь не скрипеть кроватью, и вышел на балкон. Город спал. Где-то вдалеке выла сирена — то ли скорая, то ли полиция. Холодный воздух остудил разгоряченное лицо.

Валерий достал сигарету. Он бросил курить пять лет назад, по приказу врачей, но пачка «на черный день» всегда лежала в тайнике на балконе. Закурил. Едкий дым заполнил легкие, принося минутное облегчение.

Он посмотрел на небо. Звезд не было видно из-за низкой облачности. Небо было черным, глухим, равнодушным.

Тишина. Только ветер шелестел в тополях, да где-то лаяла собака.

Валерий затушил окурок о перила. Знака не будет. Генералам знаки не положены. Им положены приказы и ответственность.

Он вернулся в комнату, прошел мимо зеркала. В полумраке его отражение показалось ему чужим. Какой-то усталый, пожилой мужчина в трусах и майке. Где тот грозный генерал, от взгляда которого трепещут полковники? Нет его. Есть только Валера, который очень хочет спать, но боится закрыть глаза, потому что во сне к нему приходят те, кого он отправил туда, откуда не возвращаются. И они не кричат, не обвиняют. Они просто стоят и смотрят. Молча. И это молчание страшнее любого трибунала.

На тумбочке завибрировал телефон. Пришло сообщение в закрытом чате. Срочная сводка. Валерий взял телефон, свет экрана ударил по глазам. Он

положил телефон экраном вниз. Завтра снова в бой. Снова надевать маску, снова говорить правильные слова, снова верить в то, во что верить становилось все труднее.

Валерий Алексеевич лег, накрылся одеялом с головой, словно в детстве, прячась от бабайки. Только теперь бабайка был не под кроватью. Он был внутри. И от него не спрятаться.

В соседней комнате Настя тоже не спала. Она сидела на подоконнике, обхватив колени руками, и смотрела на те же пустые улицы. В ее наушниках играл «Сплин»: «Мы не знали друг друга до этого лета, мы болтались по свету, земле и воде...». Она думала об отце. Она любила его, этого большого, сильного, но такого заблудившегося человека. Она видела, как его съедает система, которой он служит. Она хотела ему помочь, но не знала как. Психология учит понимать, но не учит спасать тех, кто не хочет быть спасенным.

Дом генерала погрузился в тревожный, липкий сон, похожий на забытие перед операцией. А где-то далеко, в Москве, в кабинетах, обитых дубовыми панелями, уже готовились новые разнарядки, новые списки врагов и новые лекции о вреде инакомыслия. Маховик раскручивался, и его шестеренки требовали свежей смазки.

На столе в кабинете Валерия, забытая среди бумаг, лежала газета. На первой полосе крупным шрифтом был напечатан заголовок: «Духовная безопасность — приоритет государства». А чуть ниже, мелким шрифтом, анонс: «В город Н. прибывает известный эксперт Александр Дворкин с циклом лекций».

Но Валерий этого еще не видел. Он спал и видел сон, в котором он, маленький мальчик, бежит по полю ржи, а за ним гонится огромная, черная тень, и он никак не может убежать, потому что ноги вязнут в земле, которая почему-то пахнет не хлебом, а порохом.

Глава 2: Параллельная вселенная Анастасии

Университетская аудитория номер 305 пахла мелом, дешевым парфюмом и безнадежностью, свойственной всем казенным учреждениям, где юные души пытаются втиснуть в прокрустово ложе государственных стандартов. Анастасия Валерьевна, студентка третьего курса психологического факультета, сидела на «галерке» — месте, традиционно отведенном для диссидентов, влюбленных и тех, кто просто хотел доспать свои законные полтора часа.

Лектор, сухопарый мужчина с лицом, напоминающим засушенную воблу, монотонно бубнил о бихевиоризме. Слова «стимул» и «реакция» падали в тишину аудитории, как камни в болото, не вызывая даже кругов на воде. Настя рисовала в тетради странные узоры — переплетение линий, спиралей и глаз. Это было не просто машинальное черкание, а попытка структурировать хаос, царивший в её собственной голове.

Психология. Странный выбор для дочери генерал-полковника, как шептались за её спиной однокурсники. Они, конечно, не знали всей правды. Они видели в ней «золотую молодежь», девочку, у которой жизнь расписана по нотам, как партитура государственного гимна. Им и в голову не приходило, что Настя пошла на этот факультет не ради диплома и не ради того, чтобы лечить чужие души. О нет. Её цель была куда более эгоистичной и, пожалуй, трагичной в своей сути. Она пришла сюда, чтобы понять отца.

Валерий Алексеевич был для неё не просто папой. Он был явлением природы, стихией, монументом, отлитым из бронзы и поставленным посреди гостинной. Его любовь была тяжелой, как танковая броня. Она защищала, безусловно, но под ней было трудно дышать. С самого детства Настя ощущала на себе этот груз — быть дочерью Героя, дочерью Командира. Это означало не просто хорошо учиться и не курить за гаражами. Это означало «соответствовать». Чему именно — никто толком не объяснял, но несоответствие каралось не криком, не ремнем, а тем самым ледяным молчанием, от которого в жилах стыла кровь.

Изучая Фрейда, Юнга, Адлера, она пыталась разобрать отца на винтики. Найти тот самый механизм, который превратил живого человека в функцию. Она искала ключи к его авторитарности, к его железобетонной уверенности в собственной правоте, к этой пугающей способности делить мир на «своих» и «врагов». Она надеялась, что если поймет, как он устроен, то сможет, наконец, перестать его бояться. Или, что еще важнее, перестать чувствовать вину за то, что она — не такая.

А она была катастрофически, преступно не такой.

Звонок прозвенел, как сигнал к эвакуации. Студенты посыпались из аудитории горохом. Настя медленно собрала вещи. Её ждал другой мир. Мир, о котором в доме генерала не знали, а если бы узнали — сочли бы блажью или, того хуже, диверсией.

Она вышла на улицу, вдохнула сырой осенний воздух провинциального города. Здесь, за воротами университета, она могла снять невидимый корсет «генеральской дочки». Она надела наушники — большие, накладные, отгораживающие от шума проспекта, — и включила музыку. Не патриотические марши, которые любил отец, и не сладкую попсу, которую слушала мама. В её ушах зазвучал тягучий, мистический фолк. Голос певицы, казалось, шел из-под земли, сплетаясь с гулом ветра.

Настя шла не домой. Ноги сами несли её в старый район города, где в полуподвальном помещении, гордо именуемом «Центр творческого развития “Лотус”», собирались такие же, как она — беглецы из реальности.

Это было странное место. Стены, выкрашенные в персиковый цвет, пахли сандаловыми палочками и травяным чаем. Здесь не спрашивали, кто твой отец и какая у него зарплата. Здесь спрашивали: «Как звучит твоя душа сегодня?». Для человека со стороны, особенно для человека в погонах, это прозвучало бы как бред сумасшедшего. Но для Насти это был единственный вопрос, который имел значение.

В углу комнаты стояло старое, расстроенное пианино «Красный Октябрь». Настя подошла к нему, как к старому другу. Подняла крышку. Клавиши, пожелтевшие от времени, напоминали улыбку курильщика, но звук... Звук был живым. Она села на скрипучий табурет и коснулась клавиш.

Музыка была её настоящим языком. Там, где слова застревали в горле, где логика пасовала перед абсурдом бытия, начиналась музыка. Она играла что-то свое, импровизированное. В этих звуках была и тоска по пониманию, и страх перед будущим, и та нежная, щемящая любовь к миру, которую ей приходилось прятать дома. Дома эмоции считались слабостью. Здесь они были силой.

— Красиво, — раздался тихий голос за спиной.

Настя не вздрогнула. Она знала, кто это. Миша, студент консерватории, лохматый парень в растянутом свитере, который вечно таскал с собой флейту.

— Это про дождь? — спросил он, присаживаясь на подоконник.

— Это про клетку, — ответила Настя, не переставая играть. — Про золотую клетку, в которой очень удобно, но очень тесно.

Миша кивнул. Ему не нужно было объяснять. В этом кругу все были немного «раненные» реальностью. Кто-то бежал от деспотичных родителей, кто-то от серости офисных будней, кто-то от собственной пустоты. Они называли себя «искателями». Звучало пафосно, но, по сути, было верно. Они искали смыслы там, где остальные видели только ценники.

Вечером у них было занятие по йоге. Настя переоделась в просторные льняные штаны и футболку. В зале приглушили свет. Инструктор, женщина с добрым лицом и невероятно гибким телом, говорила о дыхании, о потоках энергии, о том, что тело — это храм.

Настя выполняла асаны, чувствуя, как уходит напряжение из мышц. «Собака мордой вниз», «Поза воина», «Шавасана». В эти моменты она переставала быть Анастасией Валерьевной. Она становилась просто дыханием. Вдохом и выдохом. Никаких званий, никаких ожиданий, никакой геополитики. Только здесь и сейчас.

После йоги они пили чай. Это был особый ритуал. Заваривали травы, которые кто-то привез с Алтая: чабрец, душицу, иван-чай. Сидели в кругу, на подушках, и говорили. О чем? О книгах Гессе и Кастанеды, о вегетарианстве, о том, как важно сохранять внутренний свет, когда вокруг сгущается тьма.

— Мы собираемся в субботу в лес, — сказала Света, девушка с глазами олененка Бэмби. — Будем провожать осень. Костер, гитара, хороводы. Настя, ты с нами?

Настя замялась. Суббота. Отец будет дома. Сказать, что она едет в лес водить хороводы? Он посмотрит на неё как на умалишенную. Или, что хуже, начнет читать лекцию о том, что в лесу сыро, клещи и вообще «нормальные люди делом занимаются».

— Я постараюсь, — уклончиво ответила она. — Скажу, что у нас семинар по экопсихологии.

Все засмеялись. Ложь во спасение собственной свободы была здесь привычным делом.

Эти люди — Света, Миша, еще десяток ребят — были для Насти глотком кислорода. Они были наивны, да. Они верили в то, что мир можно изменить, если просто стать добрее. Они верили в силу коллективной медитации и в то, что деревья умеют разговаривать. С точки зрения циничного мира её отца, они были слабаками, витающими в облаках. Но Настя видела в них то, чего так не хватало в её «генеральской» жизни: искренность. Отсутствие двойного дна.

Они часто выезжали на природу. Там, среди сосен, они чувствовали себя свободными. Водили хороводы — не как языческий обряд, а как способ почувствовать плечо друга, ощутить единство. Это было похоже на детскую игру, но в этой игре было больше смысла, чем во всех взрослых совещаниях, на которых решались судьбы мира. Когда они стояли в кругу, держась за руки, и пели простые песни, Насте казалось, что никакой войны нет. Что нет ненависти, нет границ, нет «наших» и «не наших». Есть только люди, небо и земля под ногами.

Но время неумолимо. Стрелки часов приближались к семи. Время возвращаться в реальность.

Настя переделалась, спрятала льняные штаны в рюкзак, снова надела маску приличной студентки. Дорога домой была похожа на погружение в батискафе. Давление нарастало с каждым метром.

Дом встретил её запахом жареного мяса и звуками телевизора. Это был неизменный фон их жизни. Телевизор работал всегда, даже когда его никто не смотрел. Он был как вечный огонь — символ присутствия государственной воли в отдельно взятой ячейке общества.

— Я дома, — крикнула она из прихожей, стараясь, чтобы голос звучал бодро.

— Мой руки, ужинать будем, — отозвалась мама.

Ужин в семье генерала был не просто приемом пищи. Это было священнодействие, регламентированное негласным уставом. Отец сидел во главе стола. Он уже переоделся в домашнее, но даже в спортивном костюме он выглядел так, будто готов в любой момент отдать приказ о наступлении.

Настя села на свое место. Перед ней дымилась тарелка с картошкой и котлетой. Еда была вкусной, сытной, «правильной». Никакого вегетарианства, никаких экспериментов.

— Как учеба? — спросил отец, не отрываясь от экрана телевизора, где очередной эксперт с пеной у рта доказывал, что Европа замерзнет без нашего газа.

— Нормально, пап. Сдали коллоквиум по возрастной психологии.

— Возрастной... — хмыкнул Валерий Алексеевич. — Это про то, как из детей людей делать? Полезно. А то сейчас молодежь пошла... хлипкая. Стержня нет.

Настя промолчала. Она знала этот тон. Сейчас начнется лекция о том, что «в наше время мы в двадцать лет уже взводами командовали».

— Валера, дай девочке поесть спокойно, — мягко вмешалась Инна Ивановна, подкладывая мужу салат.

— А я что? Я ничего. Я интересуюсь, — отец наконец оторвал взгляд от экрана и посмотрел на дочь. Взгляд был тяжелым, сканирующим. — Ты какая-то бледная, Настасья. Гуляешь мало?

— Гуляю, пап. Просто устала.

— В спортзал надо ходить. Или в бассейн. А то сидишь над своими книжками, спину портишь. В здоровом теле — здоровый дух.

«В здоровом теле — здоровый дух», — мысленно повторила Настя. Красивый лозунг. Только почему-то в этом доме дух часто чувствовал себя больным, несмотря на отличное физическое здоровье обитателей.

Она ела механически, стараясь не вслушиваться в то, что говорят по телевизору. Там говорили о врагах. О шпионах. О том, что кругом предатели, которые хотят разрушить наши традиционные ценности. Настя чувствовала, как внутри нарастает протест. Ей хотелось вскочить и крикнуть: «Папа, выключи это! Это же яд! Это же ложь!». Но она молчала. Потому что знала: это бесполезно. Отец верил телевизору больше, чем собственным глазам. Для него этот ящик был окном в мир, где все просто и понятно, где мы — Д'Артаньяны, а все остальные — гвардейцы кардинала.

— Кстати, — сказал отец, отрезая кусок котлеты. — Мне тут доложили, что в городе какие-то секты активизировались. Вербуют молодежь. Ты там смотри, осторожнее со своими новыми знакомствами.

Настя чуть не поперхнулась. Сердце пропустило удар.

— Какие секты, пап? О чем ты?

— Да разные. Кришнаиты всякие, йоги, солнцепоклонники. Мозги пудрят, квартиры отжимают. Дворкин, есть такой профессор, дело говорит. Враг не дремлет. Он теперь не только с оружием лезет, он в душу лезет. Через вот эти все... духовные практики.

Настя опустила глаза в тарелку. Йоги. Солнцепоклонники. Это он про неё? Про её друзей? Про Мишу с флейтой? Про Свету, которая плачет, если случайно наступит на муравья? Неужели он действительно верит, что эти безобидные ребята — угроза национальной безопасности?

— Я ни с кем таким не общаюсь, пап, — тихо соврала она. Ложь была липкой и неприятной, но необходимой. Как защитный камуфляж.

— Ну и молодец, — одобрительно кивнул генерал. — Я в тебе не сомневаюсь. Ты у меня умница. Наша порода.

«Наша порода». Эти слова должны были звучать как похвала, но для Насти они звучали как приговор. Быть «их породы» означало быть твердой, бескомпромиссной, прямой, как рельса. А она была... акварельной. Размытой. Текучей.

После ужина она поспешила укрыться в своей комнате. Это была её суверенная территория, единственный островок безопасности в океане отцовского авторитаризма. Здесь, за закрытой дверью, она могла быть собой.

Комната Насти была странным гибридом. С одной стороны — дорогая мебель, купленная родителями («чтобы все как у людей»), тяжелые шторы, добротный паркет. С другой — следы её тихого бунта. На полке рядом с учебниками стояли фигурки Ганеши и Будды, привезенные друзьями из Индии. На стене висела гитара, украшенная разноцветными фенечками. На столе — стопка нотных тетрадей, исписанных её бисерным почерком.

Она взяла гитару. Пальцы привычно легли на струны. Она не стала играть громко, чтобы не тревожить родителей. Просто перебирала аккорды, создавая тихий, вибрирующий кокон звука.

В этом звуке она пряталась. Пряталась от новостей про войну, от отцовских ожиданий, от маминой тревожной заботы. Она думала о том, как странно устроена жизнь. Вот есть её отец — сильный, умный, уважаемый человек. Он искренне хочет добра своей стране и своей семье. Но почему же от этого «добра» так хочется выть на луну? Почему его забота похожа на конвой?

Настя подошла к окну. Ночь опустилась на город, скрыв обшарпанные фасады и ямы на дорогах. Горели фонари, редкие машины проносились по проспекту. Где-то там, в темноте, жили её друзья. Они, наверное, сейчас сидят на чьей-то кухне, пьют чай и спорят о смысле жизни. Они свободны. А она сидит в золотой клетке, охраняемой генералом, и боится сделать лишний вдох.

Она вспомнила слова отца про секты. «Враг лезет в душу». Как же он ошибается. Враг не там, где поют мантры и водят хороводы. Враг — это страх. Страх быть собой. Страх задавать вопросы. Страх любить не то, что положено, а то, что просит сердце. И этот страх жил не в подвалах с благовониями. Он жил здесь, в этом просторном доме с высокими потолками, пропитывая собой ковры и портьеры.

Настя достала из ящика стола свой дневник. Толстая тетрадь в кожаном переплете. Она писала в ней не о событиях, а о чувствах.

«Сегодня папа снова говорил о врагах. Мне кажется, ему страшно. Он прячет этот страх за броней уверенности, за громкими словами, за погонами. Но я вижу. Я чувствую. Он боится, что мир, который он строил, рухнет. Что все, во что он верил, окажется иллюзией. И чтобы не видеть этого, он ищет врагов снаружи. А я... я боюсь, что однажды стану такой же. Что надену броню и забуду, как плакать. Господи, не дай мне очерстветь. Пусть лучше мне будет больно, но пусть я останусь живой».

Она закрыла тетрадь. В соседней комнате наконец-то стих телевизор. Слышны были шаги отца, звук закрываемой двери, щелчок выключателя. Дом погружался в сон.

Настя легла в кровать, но сон не шел. Она думала о субботе. О лесе. О костре. Ей так хотелось тепла — не от батареи центрального отопления, а живого, настоящего тепла человеческих сердец. Она знала, что поедет. Несмотря ни на что. Это был её маленький акт сопротивления. Её партизанская война за право быть личностью, а не функцией.

Она еще не знала, что этот невинный выезд в лес станет той самой искрой, из которой разгорится пламя, способное сжечь её хрупкий мир дотла. Она не знала, что где-то в Москве уже подписаны бумаги, запущены механизмы, и жернова системы уже начали медленно поворачиваться в её сторону. Она была просто девочкой, которая хотела играть на гитаре и верить в добро.

Но в мире её отца для таких девочек места не было предусмотрено.

За окном начал накрапывать дождь. Капли стучали по карнизу, выбивая ритм, похожий на азбуку Морзе. Точка, тире, точка. SOS. SOS. Но никто не слышал этого сигнала. Город спал, убаюканный ложью из телевизоров, и только ветер раскачивал деревья, словно пытаясь разбудить тех, кто еще способен проснуться.

Настя закрыла глаза и представила, что она — птица. Большая белая птица, парящая над серым городом, над военными частями, над кабинетами чиновников. Она летит туда, где встает солнце. Туда, где нет границ и

разнарядок. В свою параллельную вселенную, где любовь не требует доказательств, а вера не нуждается в врагах.

С этой мыслью она провалилась в сон, глубокий и тревожный, как воды темной реки. А на столе, освещенная тусклым светом уличного фонаря, осталась лежать открытая книга по психологии. Глава называлась «Механизмы психологической защиты: отрицание и проекция». Закладка лежала на странице, где описывалось, как человек приписывает свои собственные подавленные желания и страхи окружающему миру, превращая его в зеркало своего внутреннего ада.

Книга молчала. Но она знала все.

Глава 3: Вирус страха в гостиной

В доме генерал-полковника Валерия Алексеевича, обычно напоминавшем хорошо отлаженный часовой механизм швейцарской фирмы, где каждая секунда знала свое место, а пылинки совершали посадку строго по расписанию, наступила эпоха великого переселения народов. Эпоха эта по уровню производимого шума и суеты вполне могла соперничать с небольшим цыганским табором, решившим разбить лагерь в фойе Большого театра.

Причиной тектонического сдвига в размеренной жизни семьи стал визит родственников. Сватья, Вероника Абрамовна, мать жены сына, прибыла не одна, а в комплекте с мужем, Семеном Ильичом, и багажом, объем которого наводил на мысли, что гости планируют не недельную побывку, а основательную колонизацию с последующим провозглашением автономии в отдельно взятой гостевой комнате.

Вероника Абрамовна была женщиной корпулентной, с лицом, на котором застыло выражение вечной бдительности, свойственное вахтерам режимных объектов и классным дамам дореволюционных гимназий. Ее

прическа — монументальное сооружение, укрепленное лаком такой фиксации, что оно могло бы выдержать прямое попадание метеорита, — возвышалась над суетой брэнного мира, как сторожевая башня. Семен Ильич же, напротив, представлял собой существо эфирное, тихое и почти прозрачное. Он перемещался по дому, стараясь не скрипеть паркетом, и единственной его функцией, казалось, было кивать в такт словам супруги и переносить тяжести.

— Валерий Алексеевич, голубчик! — гремела Вероника Абрамовна, едва переступив порог и заполняя собой все пространство прихожей. — А мы к вам с гостинцами! Вот, грибочки маринованные, сами собирали, в экологически чистой зоне, подальше от вышек этих проклятых, 5G которые. Огурчики, помидорчики... А это сало, Семен сам солил, по особому рецепту, чтобы никакой химии! Сейчас ведь в магазинах что? Отрава одна! Нас травят, Валера, целенаправленно травят, чтобы генофонд извести!

Генерал, привыкший к четким докладам и лаконичным формулировкам, почувствовал, как у него начинает дергаться левое веко. Он вежливо улыбнулся — улыбкой, которую обычно приберегал для иностранных делегаций из недружественных стран, — и принял из рук сватки трехлитровую банку с мутной жидкостью.

— Рады, очень рады, — произнес он, стараясь, чтобы голос звучал радушно, а не как приказ о расстреле. — Проходите, располагайтесь. Инна! Встречай гостей!

Инна Ивановна, жена генерала, выпорхнула из кухни, вытирая руки о передник. В ее глазах читалась та же смесь обреченности и гостеприимства, с какой жители прибрежных деревень встречают сезон тайфунов.

Вечер первого дня прошел под знаком обустройства. Чемоданы распаковывались, банки расставлялись по полкам, вытесняя генеральские запасы элитного алкоголя, а пространство дома стремительно насыщалось запахом валерьянки, нафталина и тревоги. Вероника Абрамовна не просто жила — она вела непрерывную разведку боем.

— Инночка, а почему у вас шторы такие тонкие? — вопрошала она, инспектируя спальню. — С улицы же все видно! А сейчас дроны летают, спутники висят. Они же все снимают, все фиксируют! Надо бы поплотнее,

блэкаут, чтобы ни лучика. Береженого Бог бережет, а небрежёного снайпер стережет, как говорится.

Валерий Алексеевич, услышав эту народную мудрость в интерпретации сватьи, только крикнул и удалился в свой кабинет, сославшись на срочные документы. Но даже за дубовой дверью он чувствовал, как в его доме поселяется нечто чужеродное. Это был не просто шумный гость. Это был вирус. Вирус страха, упакованный в цветастый халат и домашние тапочки.

Настоящее представление началось на следующий день, когда вся семья собралась в гостиной перед телевизором. Для Вероники Абрамовны телевизор был не бытовым прибором, а алтарем, оракулом и единственным окном в реальность. Она не смотрела новости — она в них участвовала. Она кивала ведущему, спорила с экспертами, ахала, хваталась за сердце и комментировала каждое слово с такой страстью, словно от ее реакции зависел исход геополитического противостояния.

На экране мелькали кадры хроники: горящие танки, серьезные лица политиков, карты с красными и синими стрелками. Ведущий, молодой человек с безупречным пробором и стальными нотками в голосе, рассказывал о коварных планах Запада.

— Вот! Я же говорила! — воскликнула Вероника Абрамовна, указывая пальцем, унизанным дешевыми кольцами, в экран. — Посмотрите на их глаза! Это же не люди! Это биороботы! Им там что-то в воду подмешивают, чтобы они ненавидели все русское. Семен, ты слышишь? Подмешивают!

Семен Ильич, сидевший в углу дивана и пытавшийся разгадывать кроссворд, покорно кивнул:

— Слышу, Вероника, слышу. Подмешивают.

— А у нас? — не унималась сватья, поворачиваясь к Инне. — Ты думаешь, у нас воду не травят? Инна, ты фильтры когда меняла? Я читала в одной газете, очень надежной, что диверсанты могут через водопровод запускать специальные бактерии. Они вызывают апатию и желание слушать джаз. А потом — раз! — и человек Родину продал.

Валерий Алексеевич, сидевший в кресле с газетой, опустил лист и посмотрел на родственницу поверх очков.

— Вероника Абрамовна, — сказал он с той снисходительной интонацией, с какой психиатр разговаривает с буйным пациентом. — Водозабор охраняется Росгвардией. Там мышь не проскочит, не то, что диверсант с пробиркой. А джаз, между прочим, и в Советском Союзе играли.

— Ой, Валера, ты такой наивный! — отмахнулась она, словно генерал был не боевым офицером, а первоклассником. — Росгвардия... Да они же там все купленные! Или загипнотизированные. Сейчас такие технологии, психотронное оружие! Направят луч — и все, стоит солдатик, глазами хлопает, а враг проходит. Я вот вчера в магазине была, так там кассирша на меня так посмотрела... Глаза стеклянные, зрачки расширенные. Точно под воздействием! Я ей говорю: «Девушка, у вас молоко прокисло», а она мне: «Пакет нужен?». Это же код! «Пакет» — это значит «упаковываемся», «готовимся».

Инна Ивановна тревожно посмотрела на мужа, потом на сватью.

— Вероника, ну какой код? Просто пакет...

— Просто так даже кошки не рождаются! — отрезала Вероника Абрамовна. — Бдительность потеряли! Расслабились! А враг не дремлет. Он уже здесь, среди нас. Мимикрирует.

В этот момент на экране начался сюжет о новой молодежной субкультуре. Показывали подростков в странных костюмах, с крашеными волосами, которые собирались в парках и танцевали. Ведущий говорил что-то о «потере ориентиров» и «тлетворном влиянии».

Вероника Абрамовна подалась вперед, словно гончая, почуявшая дичь. Ее лицо налилось праведным гневом.

— Вот они! — прошипела она. — Посмотрите на эти рожи! Это же сатанисты! Чистой воды сатанисты! Они же не просто танцуют, они знаки подают. Вон, видите, рукой махнул? Это призыв демонов! А волосы зеленые? Это чтобы слиться с природой, когда партизанить начнут против нас.

— Вероника Абрамовна, это косплей, — попытался вставить слово Валерий. — Дети в персонажей мультиков переодеваются. Играют.

— Играют?! — взвизгнула сватья. — Сегодня они в мультиках играют, а завтра пойдут школы взрывать! Это все звенья одной цепи, Валера! Сначала мультики эти японские, где глаза на пол-лица, потом интернет, потом наркотики, а потом — предательство! Это технология расчеловечивания! Я статью читала, один профессор писал, очень умный человек. Он говорит, что все эти увлечения — это воронка. Затягивает душу, высасывает мозг, и остается пустая оболочка, в которую можно любую программу загрузить. Хоть убийство, хоть разврат.

Она обвела комнату горящим взглядом, ища поддержки. Семен Ильич спрятался за кроссвордом. Инна Ивановна нервно теребила край скатерти. Генерал чувствовал, как в нем закипает глухое раздражение. Ему, человеку, привыкшему оперировать фактами, картами и разведданными, было физически больно слушать этот бред. Но самое страшное было не в словах Вероники, а в том, как они действовали на Инну.

— Валера, — тихо сказала жена, когда началась реклама. — А может, и правда? Вон у соседей, у Петровых, сын тоже волосы покрасил. И ходит какой-то смурной. Может, проверить его? Вдруг он в какой группировке?

— Инна! — рявкнул генерал, не сдержавшись. — Ты-то куда? Петровых сын в институте искусств учится, он художник! Ему положено быть смурным и крашеным! Прекрати истерику.

— А ты на жену не кричи! — вступилась Вероника Абрамовна, воинственно поправляя шаль. — Она мать, она сердцем чует беду. А ты, Валера, в своих штабах засиделся, жизни не видишь. Думаешь, если у тебя погоны, так ты все знаешь? Враг хитер. Он не в лоб идет, он с тыла заходит. Через культуру, через еду, через вот эти вот... — она неопределенно махнула рукой в сторону окна, — ...йоги всякие.

В этот момент входная дверь хлопнула, и в гостиную вошла Анастасия. Она только что вернулась с учебы, уставшая, с рюкзаком за плечами и наушниками на шее. Ее появление подействовало на Веронику Абрамовну как красная тряпка на быка.

— А вот и наша студентка! — елеинным голосом пропела сватья, но глаза ее оставались холодными и колючими, как осколки льда. — Явилась, не запылилась. Где была, деточка?

— В университете, тетя Вероника, — вежливо ответила Настя, снимая обувь. — Пары были допоздна.

— Пары... — протянула Вероника, сканируя девушку с ног до головы. — А что это у тебя глаза такие красные? Плакала? Или курила что-то запрещенное?

— Устала просто. Много читали.

— Читали они... — Вероника Абрамовна повернулась к Инне и громким шепотом, который был слышен даже на лестничной клетке, произнесла: — Инна, ты посмотри на нее. Бледная, круги под глазами, взгляд бегающий. Типичные признаки!

— Признаки чего? — не выдержала Настя, проходя в комнату.

— Того самого! — многозначительно подняла палец вверх Вероника. — Зомбирования! Сейчас в университетах знаешь кто преподает? Либералы! Агенты влияния! Они вам там мозги промывают своей психологией, Фрейдами всякими. Учат родителей не уважать, традиции топтать. Я вот смотрю на тебя, Настенька, и вижу: нет в тебе света. Потухла ты. А почему? Потому что душу твою кто-то ест.

Настя замерла посреди комнаты. Ей хотелось рассмеяться, но смех застрял в горле. Это было настолько абсурдно, что становилось страшным. Перед ней сидела не просто вздорная родственница. Перед ней сидело воплощение того самого коллективного безумия, о котором писал Фромм. Человек, добровольно отказавшийся от разума в пользу простых и страшных ответов.

— Тетя Вероника, — сказала Настя очень спокойно, стараясь дышать ровно, как учили на йоге. — Мою душу никто не ест. Я просто учусь. И я очень хочу есть. Мама, ужин есть?

— Есть, доченька, на кухне, — суетливо ответила Инна, виновато глядя на дочь.

Настя ушла на кухню, чувствуя спиной тяжелый, сверлящий взгляд.

— Вот видите? — торжествующе прошептала Вероника Абрамовна, как только дверь за Настей закрылась. — Ушла. От разговора ушла. Глаза прячет. Агрессия скрытая. Точно вам говорю — попала девка. Ох, попала! Надо спасать, пока не поздно.

— Да прекратите вы! — Валерий Алексеевич швырнул газету на стол. — Вероника Абрамовна, имейте совесть! Настя — нормальная девочка. Отличница. Музыкой занимается. Какое зомбирование? Вы пересмотрели телевизор.

— Я пересмотрела?! — Вероника Абрамовна всплеснула руками, и ее бюст колыхнулся, как желе. — Я жизнь знаю! Я людей насквозь вижу! А ты, Валера, слеп. Ты думаешь, если у тебя пистолет в кобуре, ты защищен? Нет! Самая страшная война — она вот здесь, — она постучала пальцем по лбу. — За умы война идет. И мы ее проигрываем, потому что такие, как ты, отмахиваются. «Бред», «истерика»... А когда дочка твоя придет и скажет, что она теперь не Настя, а какая-нибудь «Сестра Лучезарная» и квартиру на гуру переписала, тогда ты по-другому запоешь! Но поздно будет!

В комнате повисла тишина. Тягучая, липкая, неприятная. Словно кто-то разбил банку с гнилью, и запах этот начал медленно расползаться по углам, пропитывая дорогие ковры и тяжелые портьеры.

Валерий Алексеевич смотрел на сватью и с ужасом понимал, что ее слова, какими бы безумными они ни были, падают на благодатную почву. Он видел, как изменилось лицо Инны. Как в ее глазах зажегся тот самый огонек страха, который так легко раздуть в пожар. Инна была женщиной мягкой, внушаемой. Она любила дочь, но еще больше она боялась «не соответствовать», бояться «беды», боялась всего непонятного. А Вероника Абрамовна мастерски превращала непонятное в смертельно опасное.

— Давайте чай пить, — робко предложил Семен Ильич из своего угла, пытаясь разрядить обстановку. — С вареньем.

Но чай уже не мог ничего исправить. Механизм был запущен.

Позже, когда все разошлись по комнатам, Валерий долго не мог уснуть. Он лежал и слушал, как за стеной, в гостевой комнате, бубнит телевизор. Вероника Абрамовна не выключала его даже ночью. Она спала под бормотание новостей, подпитываясь ими, как вампир кровью.

Генерал думал о том, как странно устроен мир. Он, боевой генерал, имеющий в подчинении людей, танки, ракеты, оказался совершенно незащищен перед одной глупой, вздорной бабой, вооруженной пультом от телевизора и непоколебимой уверенностью в своей правоте. Она принесла в его дом войну. Не ту, где стреляют и взрывают, а ту, где подозревают и ненавидят.

Он вспомнил слова из какой-то статьи, которую ему недавно показывали в аналитическом отделе. Там говорилось о том, что общество превращается в лагерь, где любое инакомыслие карается, а несогласные получают ярлыки. Тогда он посчитал это либеральной чушью. Но сейчас, глядя на то, как Вероника Абрамовна всего за два дня превратила его уютный дом в филиал сумасшедшего дома, он начал сомневаться.

Ведь она не сама это придумала. Эти фразы про «биороботов», про «коды», про «сатанистов» — она их где-то взяла. Кто-то вложил их ей в голову. Кто-то научил ее видеть врага в кассирше супермаркета и в собственной племяннице. Кто-то очень умело и цинично играл на ее страхах, превращая обычную обывательскую глупость в оружие массового поражения.

Валерий встал, прошел на кухню, налил воды. На столе лежала забытая Вероникой газета. Желтая, дешевая пресса. Заголовок на развороте кричал крупными буквами: «ОНИ УЖЕ ЗДЕСЬ. КАК РАСПОЗНАТЬ СЕКТАНТА В СВОЕЙ СЕМЬЕ». А ниже, мелким шрифтом, была ссылка на какого-то эксперта. Фамилия показалась знакомой, но он не стал вчитываться. Скомкал газету и швырнул ее в мусорное ведро.

— Мусор, — пробормотал он. — Просто мусор в головах.

Но он ошибался. Это был не просто мусор. Это были споры. И они уже начали прорасти.

На следующее утро за завтраком Инна Ивановна вела себя странно. Она то и дело бросала на Настю тревожные взгляды, а когда дочь потянулась за солью, Инна вдруг перехватила ее руку и начала внимательно рассматривать ладонь.

— Мам, ты чего? — удивилась Настя.

— Ничего, ничего... — пробормотала Инна, отпуская руку. — Просто... линии смотрю. Вероника говорит, что у сектантов линии жизни меняются. Прерываются.

Настя поперхнулась чаем. Валерий с грохотом опустил чашку на блюдце.

— Так, — сказал он ледяным тоном. — Веронику Абрамовну — в сад. То есть, в музей. Или на экскурсию. Чтобы духу ее здесь до вечера не было. Инна, ты взрослая женщина, жена генерала! Какие линии? Какие сектанты? Ты себя слышишь?

— Валера, но ведь дыма без огня не бывает! — воскликнула Инна, и в ее голосе зазвенели истерические нотки. — Вероника рассказывала случай, в соседнем городе... Там тоже девочка, студентка, отличница... А потом нашли в лесу, в балахоне, молилась пню! И все, человека нет! Овощ!

— Молилась пню... — повторил Валерий, чувствуя, как реальность начинает расползаться по швам, превращаясь в дурной анекдот. — Инна, наша дочь молится только перед экзаменами, и то — шпаргалкам. Прекрати.

Но Инна не прекратила. Зерно сомнения, брошенное Вероникой, упало на благодатную почву материнской тревоги. Весь день, пока Валерий был на службе, а Настя в университете, в доме шла «обработка». Вероника Абрамовна, как опытный политрук, вела разъяснительную работу. Она доставала из своих бездонных запасов памяти истории одна страшнее другой.

— Вот, помню, писали про Гербалайф, — вещала она, нарезая сало. — Вроде бы порошки для похудения, да? А на самом деле — психотропные вещества! Люди квартиры продавали, чтобы эти банки купить! А соседи ваши, я видела, какие-то коробки таскали. Не иначе, тоже втянулись. Надо бы участковому сообщить. Пусть проверит.

— Неудобно как-то, Вероника, — сомневалась Инна. — Люди приличные...

— Приличные! — фыркала сватья. — Чикатило тоже был приличный! Учитель! Семьянин! Враг маскируется, Инна! Бдительность — наше оружие. Лучше перебдеть, чем недобдеть. Вот напишем заявление, пусть проверят. Если

они честные люди — им бояться нечего. А если враги — так нам еще медаль дадут за содействие.

К вечеру атмосфера в доме стала невыносимой. Воздух был наэлектризован подозрением. Даже кот Барсик, обычно флегматичный и ленивый, передвигался по дому перебежками, прижимая уши, словно ожидая авианалета.

Валерий вернулся домой поздно, уставший и злой. На службе был тяжелый день — очередные разнарядки, очередные потери, которые нужно было красиво оформить в отчетах. Он мечтал о тишине, о горячем душе и, может быть, о рюмке коньяка.

Но вместо тишины его встретил встревоженный взгляд жены и торжествующая физиономия Вероники Абрамовны.

— Валера, нам надо серьезно поговорить, — сказала Инна, нервно теребя пуговицу на халате.

— О чем? — устало спросил он, снимая китель.

— О Насте. Вероника нашла у нее в комнате... странные вещи.

— Вы рылись в вещах моей дочери? — Валерий медленно повернулся к сватье. Его голос стал тихим и опасным.

— Не рылась, а проводила инспекцию! — ничуть не смутилась Вероника. — Я пыль вытирала. И нашла! Вот!

Она торжествующим жестом выложила на стол маленькую бронзовую фигурку слона с четырьмя руками и пачку ароматических палочек.

— Это Ганеша, — сказала она, словно произносила имя дьявола. — Индийский идол! Бог богатства и устранения препятствий. А это — благовония! Ими они окуривают помещение, чтобы войти в транс! Валера, это доказательства! Наша Настя — кришнаитка! Или буддистка! В общем, сектантка!

Валерий смотрел на маленького слоника, потом на палочки, пахнущие сандалом. Потом перевел взгляд на жену, которая смотрела на него с ужасом и надеждой, что он сейчас все решит, всех спасет и прогонит демонов.

И вдруг ему стало смешно. Горько, зло, истерически смешно.

— Ганеша... — прохрипел он. — Слон... Вероника Абрамовна, вы в своем уме? Это сувенир! Ей Мишка подарил, однокурсник, он в Гоа ездил с родителями.

— Сувенир — это матрешка! — отрезала Вероника. — А это — идол! Чужеродный элемент! С этого все и начинается, Валера. Сначала слоник, потом йога, потом отказ от мяса, а потом — предательство Родины! Ты генерал или кто? Ты должен пресечь! Железной рукой!

Валерий закрыл глаза. Он чувствовал, как вирус страха, принесенный этой женщиной, проникает и в него. Не потому, что он верил в опасность слоника. А потому, что он видел, как легко, как пугающе легко нормальные люди превращаются в инквизиторов. Как просто посеять зерно ненависти. Достаточно просто сказать: «Они не такие, как мы. Они чужие». И все. Логика отключается. Включается инстинкт стаи.

— Уберите это, — сказал он глухо. — И чтобы я больше не слышал про секты. Настя придет — я сам с ней поговорю. Спокойно. Без истерик.

— Ну-ну, — поджала губы Вероника Абрамовна, убирая «улики» в карман передника. — Поговори. Либеральничай дальше. А когда проснемся в стране, захваченной йогами, не говори, что я не предупреждала.

Она удалилась в свою комнату, гордо неся свое необъятное тело, как знамя борьбы за чистоту нравов. Семен Ильич посеменил за ней, виновато улыбнувшись генералу.

Валерий остался один в гостиной. Он подошел к окну. Город за окном жил своей жизнью, мерцал огнями, шумел машинами. Где-то там, в этом городе, ходила его дочь. Нормальная, живая, ищущая себя девочка. А здесь, в его крепости, сидел враг. И этот враг был не шпионом НАТО, не террористом. Это была просто глупая, напуганная телевизором тетка, которая искренне считала, что спасает мир, разрушая его.

«Господи, — подумал генерал. — Если такие, как она — это наша опора, то на чем мы стоим? На страхе? На невежестве? На ненависти к слоникам?»

Он не знал ответа. Но он точно знал одно: спокойная жизнь в этом доме закончилась. Вирус был выпущен из пробирки, и вакцины от него у генерала не было.

Глава 4: Лекция для посвященных

Разнарядка упала на стол генерал-полковника Валерия Алексеевича с тем глухим, безапелляционным звуком, с каким падают крышки гробов или приговоры трибунала. Бумага была плотной, казенной, с гербовой печатью и красной полосой по диагонали, означавшей высший приоритет исполнения.

«Обеспечить стопроцентную явку руководящего состава», — гласил текст, набранный жирным шрифтом, не терпящим возражений. — «Тема: “Духовная безопасность и противодействие деструктивным культам в условиях специальной военной операции”. Докладчик: профессор А.Л. Дворкин».

Валерий поморщился, словно у него внезапно разболелся зуб. За окном штаба моросил мелкий, противный дождь, превращая плац в зеркало, отражающее свинцовое небо. Где-то там, за сотни километров, горели «Леопарды» и вязли в грязи пехотные батальоны, требовались снаряды, солярка, медикаменты и, главное, трезвые решения. А его, боевого генерала, чье время стоило дороже обогащенного урана, заставляли идти слушать лекцию о каких-то сектах.

— Товарищ генерал, машина подана, — в дверях возник адъютант, молодой лейтенант с глазами преданного спаниеля.

— Иду, — буркнул Валерий, пряча бумагу в сейф. — Сектоведы, мать их... Враг у ворот, а мы ведьм ловим.

Зал Дома Офицеров, куда согнали цвет местного гарнизона, пах старым паркетом, пыльными порттьерами и густым, концентрированным запахом мужского пота, смешанного с одеколоном «Шипр» и дорогим табаком. Здесь

собрались полковники, майоры, представители ФСБ и прокуратуры — люди серьезные, тертые жизнью, привыкшие оперировать фактами, картами и статьями уголовного кодекса. Они сидели в мягких креслах, тихо переговариваясь, шурша блокнотами и поглядывая на часы. В воздухе висело глухое, сдерживаемое раздражение. У каждого горели сроки, отчеты, планы, но дисциплина есть дисциплина. Сказано «духовная безопасность» — значит, будем просвещаться, даже если для этого придется пропустить обед и совещание по тыловому обеспечению.

Валерий прошел в первый ряд, отведенный для высшего начальства. Пожал несколько рук — сухих, крепких, влажных, разных. Рядом с ним приземлился полковник Журавлев из контрразведки, человек с лицом, похожим на печеное яблоко, и глазами, в которых никогда ничего не отражалось, кроме служебной инструкции.

— Что за птица этот Дворкин? — вполголоса спросил Журавлев, открывая ежедневник. — Из Москвы прислали?

— Вроде того, — ответил Валерий, устраиваясь поудобнее в жестком кресле. — Говорят, большой специалист по врагам народа. Нового типа.

— Врагов у нас и так хватает, — хмыкнул контрразведчик. — Без всяких сект.

Свет в зале мигнул и погас, оставив гореть только софиты над сценой. Разговоры стихли. Из-за кулис, семенящей походкой, вышел человек.

Первое впечатление Валерия было — недоумение. Он ожидал увидеть кого-то монументального, под стать заявленной теме. Кого-то вроде ветхозаветного пророка или, на худой конец, сурового инквизитора в черном плаще. Но на сцену выкатился худой мужчина с всклокоченной бородой, в мешковатом пиджаке, который сидел на нем так, словно был куплен на вырост или снят с чужого плеча. Его глаза бегали по залу, не останавливаясь ни на ком конкретно, а руки совершали странные, хаотичные движения, будто он отмахивался от невидимых мух.

Но самое странное было не в нем. Следом за лектором на сцену поднялись двое священнослужителей в полном облачении. Рясы, кресты,

серьезные, скорбные лица. Они сели по краям стола президиума, словно почетный караул у гроба, и сложили руки на животах.

«Цирк, — подумал Валерий. — Натуральный цирк с конями. Мы тут войну планируем или молебн служим?»

Дворкин подошел к трибуне, поправил микрофон, который издал противный визг, и начал говорить.

— Уважаемые... хм... защитники Отечества! — голос у него был высокий, срывающийся, с какой-то странной, дерганой интонацией. Он говорил, проглатывая окончания слов, иногда заикаясь, словно мысль не успевала за языком, или, наоборот, язык спотыкался о слишком сложные конструкции лжи. — Мы собрались здесь, чтобы обсудить страшную угрозу. Угрозу, которая страшнее танков «Абрамс» и ракет «Хаймарс». Это угроза нашим душам!

Валерий скосил глаза на Журавлева. Тот сидел с каменным лицом, но ручка в его пальцах замерла.

— Тоталитарные секты! — выкрикнул Дворкин, и слюна брызнула на микрофон. — Они везде! Они пронизывают наше общество, как раковая опухоль! Вы думаете, враг — это тот, кто стреляет в вас из окопа? Нет! Враг — это тот, кто предлагает вашим детям бесплатные курсы английского! Тот, кто зовет вашу жену на йогу! Тот, кто продает вам биологически активные добавки!

Генерал почувствовал, как внутри начинает закипать раздражение. Йога. Опять эта йога. Сначала Вероника Абрамовна дома, теперь этот профессор здесь. Сговорились они, что ли?

— Они используют психотехники! — вещал Дворкин, размахивая руками так, что казалось, он сейчас взлетит. — Бомбардировка любовью! Слышали такой термин? Вам улыбаются, вам говорят, что вы особенный, вас окружают заботой... А на самом деле — это крючок! Это наживка! Как только вы расслабитесь, как только вы поверите — всё! Ваша воля подавлена! Вы — раб! Вы — зомби! Вы готовы переписать квартиру, предать Родину, убить мать родную по приказу гуру!

В зале стояла тишина. Но это была не та почтительная тишина, с которой слушают мудрого командира. Это была тишина замешательства. Офицеры,

прошедшие горячие точки, видевшие кровь и грязь, пытались сопоставить свой опыт с тем, что нес этот человек. «Бомбардировка любовью»? В их мире бомбардировали фугасными снарядами.

— Вот, например, кришнаиты! — Дворкин ткнул пальцем в зал, словно выискивая среди майоров скрытого поклонника Вишну. — Вы думаете, это безобидные чудаки в простынях? Ха! Это агенты влияния! Они кормят людей своей идоложертвенной пищей! Печенье! Каша! Вы съели печенье — и всё, вы инициированы! В вас вошел демон! Они строят свою империю! Пищевую! Политическую!

Валерий вспомнил, как однажды в девяностых, будучи еще капитаном, он купил у кришнаитов на вокзале книжку с красивыми картинками, просто чтобы отвязаться. Книжку он потом забыл в поезде, а печенье, которым его угостили, было вкусным. И ничего, демоны вроде не вселились. Или вселились, но затаились на тридцать лет?

— А неопятидесятники? — продолжал нагнетать лектор. — Это же вообще пятая колонна! Они говорят на иных языках! Они входят в транс! Это чистой воды оккультизм, замешанный на американских методичках ЦРУ! Каждый их пастор — это потенциальный шпион! Каждый прихожанин — это спящая ячейка террористов!

Дворкин говорил долго. Его речь была похожа на лоскутное одеяло, сшитое из страхов, передергиваний и откровенной паранойи. Он мешал в одну кучу мормонов, саентологов, психологов, вальдорфские школы, сетевой маркетинг и кружки по вязанию. Логика была проста и убийственна: всё, что не контролируется им лично и его «экспертным советом», — это секта. Всё, что отличается от стандарта, — это угроза.

Валерий смотрел на него и ловил себя на странной мысли. Этот человек на трибуне напоминал ему персонажа из классической литературы. Хлестаков? Нет, Хлестаков был просто враль и пустышка. Этот был опаснее. Это был Фома Опискин из «Села Степанчиково». Мелкий тиран, упивающийся своей властью над умами, манипулятор, превращающий свои комплексы в государственную идеологию.

«Посмотрите на него, — думал генерал, разглядывая дергающееся лицо профессора. — У него же глаза безумные. Горячие, но холодные. Он же сам верит в то, что говорит. Или не верит? Может, это просто бизнес? Гранты, бюджеты, влияние...»

Он перевел взгляд на священников. Те сидели неподвижно, как истуканы. Зачем они здесь? Чтобы легитимизировать этот бред? Чтобы показать, что Церковь и этот бесноватый профессор — одно целое? Странный симбиоз. Неестественный. Как если бы к танку приделали кадило вместо пушки.

— Александр Леонидович, — вдруг раздался голос из зала. Поднялся молодой майор, видимо, еще не утративший способности задавать вопросы. — Разрешите вопрос?

Дворкин замер, недовольно прищурившись. Вопросы сбивали его с ритма, нарушали гипнотический поток речи.

— Слушаю вас, — процедил он.

— Вы говорите, что все эти организации — агенты Запада. Но вот у нас в части есть ребята, мусульмане, буддисты. Они тоже под подозрением? Где грань между традиционной религией и сектой? Кто эту грань определяет?

Дворкин улыбнулся. Улыбка вышла кривой, снисходительной, как у взрослого, объясняющего ребенку, почему нельзя совать пальцы в розетку.

— Грань, молодой человек, определяем мы! Эксперты! — он поднял палец вверх. — Традиционные религии — это те, которые исторически укоренены в нашей почве. Которые лояльны государству. А все эти новообразования... Это вирусы! И не надо путать! Мусульмане — это наши братья, если они правильные мусульмане. А если они начинают читать не те книги, слушать не тех проповедников — они становятся ваххабитами! Сектантами! И наша задача — выявлять их на ранней стадии!

— То есть, вы предлагаете нам следить за вероисповеданием личного состава? — уточнил майор. — Устраивать допросы? Проверять, кто какие книги читает?

— Не просто предлагаю! — взвизгнул Дворкин. — Я настаиваю! Это вопрос выживания нации! Если вы увидите, что офицер замкнулся, перестал

пить водку с товарищами, начал говорить о духовном самосовершенствовании — это сигнал! Тревога! Значит, его уже обрабатывают! Значит, он уже не наш!

По залу прошел шелест. «Перестал пить водку» — это был сильный аргумент. В системе координат Дворкина здоровый образ жизни становился подозрительным признаком, а бытовое пьянство — доказательством лояльности и душевного здоровья.

Валерий почувствовал, как его передернуло. Какая чудовищная подмена понятий. Получается, идеальный гражданин — это тот, кто не думает, не ищет, не стремится стать лучше, а просто плывет по течению и выполняет приказы? А любой поиск смысла — это преступление?

Он посмотрел на Журавлева. Полковник контрразведки уже не просто слушал. Он строчил в блокноте, не поднимая головы. Его лицо, обычно непроницаемое, теперь выражало какую-то хищную заинтересованность.

— Интересно девки пляшут, — пробормотал Журавлев, не отрываясь от письма. — А ведь он прав, Валера. В корне прав. Мы тут расслабились, а они нам мозги крутят. У меня вот в отделе лейтенант один, Петров. Тоже всё с книжками ходит, мясо не ест. Говорит — вредно. А я думаю — с чего бы это? Русский офицер — и без мяса? Подозрительно. Надо бы его проверить. Пробыть контакты. Вдруг он уже завербован?

Валерий похолодел. Он знал Журавлева двадцать лет. Это был умный, циничный, но справедливый мужик. И вот, на его глазах, за каких-то сорок минут, этот мужик превращался в параноика. Вирус, о котором говорил Дворкин, действительно существовал. Только исходил он не от мифических сектантов, а от самого лектора. Это был вирус подозрительности, вирус поиска врага среди своих.

Дворкин тем временем вошел в раж. Он рассказывал ужасы про то, как сектанты похищают людей, как они расчлняют детей (тут он сделал театральную паузу, и священники скорбно перекрестились), как они проникают во власть.

— Они уже здесь! — шептал он в микрофон, и этот шепот грохотал в динамиках, как камнепад. — Может быть, они сидят среди вас! Может быть, ваш

сосед справа — уже не ваш сосед, а адепт культа! Бдительность! Тотальная бдительность! Никому нельзя верить!

Валерий оглянулся. Он видел лица коллег. Некоторые, как и он, сидели с выражением безгливости и скуки. Но многие... Многие слушали с открытыми ртами. В их глазах загорался тот самый нездоровый огонек, который так любила Вероника Абрамовна. Огонек охотника на ведьм. Им дали простое объяснение всех проблем. Почему война затянулась? Сектанты мешают. Почему молодежь не хочет идти в армию? Сектанты сбили с пути. Почему жена ушла? Сектанты охмурили.

Это было гениально и страшно. Дворкин продавал им индульгенцию на ненависть. Он снимал с них ответственность за собственные ошибки и перекладывал её на невидимого, но вездесущего врага.

Лекция закончилась через два часа. Дворкин, мокрый от пота, с красным лицом, тяжело дышал, опираясь на трибуну. Зал взорвался аплодисментами. Хлопали не все, но многие хлопали искренне, яростно, словно пытаясь этими хлопками прибить невидимых бесов.

Валерий встал, разминая затекшие ноги. Ему хотелось выйти на воздух, закурить, выпить стакан водки — сделать что угодно, лишь бы перебить этот липкий привкус безумия.

В фойе, у гардероба, царило оживление. Офицеры, обычно сдержанные, теперь возбужденно переговаривались.

— Ты слышал про Гербалайф? — говорил один майор другому. — А у меня теща этим занимается! Точно, она! Я-то думаю, чего она такая активная, всё банки эти таскает. А это секта! Надо с ней разобраться. Жестко.

— А вальдорфские школы? — вторил ему другой. — У меня племянница туда ходит. Там же кукол без лиц делают! Дворкин сказал — это чтобы душу стереть! Кошмар! Надо сестре позвонить, пусть забирает девку оттуда немедленно!

Валерий надел шинель, чувствуя себя чужим на этом празднике мракобесия. К нему подошел Журавлев, застегивая пуговицы на пальто.

— Ну что, Валера, впечатляет? — спросил он, и глаза его блестели. — Глубоко копает мужик. Системно. Я вот думаю, надо бы нам в управлении провести чистку. Профилактическую. Всех, кто замечен в этих... нетрадиционных увлечениях — на карандаш. И родственников их проверить.

— Ты серьезно, Паша? — тихо спросил Валерий, глядя ему прямо в глаза. — Ты хочешь начать охоту на ведьм в собственном штабе? Когда у нас реальных диверсантов ловить надо?

— А это и есть диверсанты! — горячо возразил Журавлев. — Ментальные диверсанты! Они страшнее. Они изнутри грызут. Дворкин дело говорит: если мы сейчас тыл не зачистим, фронт рухнет. Духовный фронт!

— Духовный фронт... — повторил Валерий с горечью. — Смотри, Паша, как бы мы на этом фронте друг друга не перестреляли. Со страху.

Он вышел на улицу. Дождь кончился, но воздух был сырым и холодным. Валерий глубоко вдохнул, пытаясь проветрить легкие.

У служебной машины его ждал водитель.

— Домой, товарищ генерал? — спросил Толик.

— Нет, — Валерий посмотрел на серое здание Дома Офицеров, из дверей которого вываливалась толпа людей в погонах, зараженных новой, страшной идеей. — Давай сначала по городу проедем. Кружок. Мне надо... подумать.

Машина тронулась. Валерий смотрел в окно на мокрые улицы, на прохожих, спешащих по своим делам. Он думал о том, что только что произошло. На его глазах, в центре России, в XXI веке, человек с явными признаками психической нестабильности (эти руки, это заикание, эта фиксация на врагах — любой курсант медвуза поставил бы диагноз) читал лекцию элите вооруженных сил. И элита слушала. И элита верила.

Почему? Потому что они глупые? Нет. Потому что им страшно. Им нужен враг, которого можно потрогать, которого можно обвинить во всех бедах. И Дворкин дал им этого врага. Он дал им простое, понятное, черно-белое объяснение сложного мира.

Но самое страшное было не в этом. Самое страшное было в том, что Валерий понимал: этот механизм уже не остановить. Джинн выпущен из

бутылки. Журавлев придет в управление и начнет проверять лейтенанта-вегетарианца. Майор придет домой и устроит скандал теще из-за банок с витаминами. Другой запретит племяннице ходить в школу.

Волна пошла. И эта волна, запущенная одним странным человеком с трибуны, накроет тысячи судеб.

Валерий достал телефон. Ему пришло сообщение от жены: «Валера, купи хлеба. И Вероника просила узнать, нет ли у тебя знакомых в полиции, чтобы проверить соседей».

Генерал закрыл глаза и откинул голову на подголовник. Безумие из телевизора встретилось с безумием из лекционного зала. Они нашли друг друга. И теперь он, генерал-полковник Валерий Алексеевич, оказался в осаде. В своем собственном доме, в своей собственной стране.

— Толик, — хрипло сказал он. — Включи музыку. Что-нибудь... человеческое. Высоцкого давай.

Из динамиков захрипел голос барда: «Я не люблю, когда мне лезут в душу, тем более, когда в нее плюют...»

— Вот именно, — прошептал генерал. — Плюют. И называют это духовной безопасностью.

Он смотрел на мелькающие огни города и чувствовал, как внутри нарастает холодная, злая решимость. Он не знал еще, что будет делать. Но он точно знал, что не позволит этому липкому страху сожрать его семью и его разум. Пусть Журавлев пишет списки. Пусть Вероника ищет сатанистов в пакетах с молоком. А он, Валерий, будет думать. И наблюдать.

Потому что у любого безумия есть источник. И у этого источника есть имя, фамилия и, скорее всего, история болезни.

Машина свернула на проспект, оставляя позади Дом Офицеров, над которым, казалось, сгущались невидимые тучи. Лекция для посвященных закончилась, но настоящий спектакль только начинался. И роль в нем Валерию была уготована совсем не зрительская.

В кармане генеральской шинели лежала визитка, которую ему сунул в руку какой-то прыткий помощник Дворкина на выходе. На белом картоне

золотыми буквами было вытеснено: «Центр религиоведческих исследований во имя священномученика Ириния Лионского. Президент — профессор А.Л. Дворкин. Помощь пострадавшим от деструктивных культов».

Валерий достал визитку, повертел её в руках. «Помощь пострадавшим». Какая ирония. Главный пострадавший здесь — это здравый смысл. И ему помощь уже вряд ли придет.

Он сжал картонку в кулаке, сминая золотые буквы, и сунул этот комочек обратно в карман. Как улику. Как напоминание о том, что враг иногда носит не натовский камуфляж, а мешковатый пиджак и маску спасителя отечества.

Глава 5: Ужин с инквизитором

Ужин в доме генерал-полковника Валерия Алексеевича в тот вечер напоминал не семейную трапезу, а заседание военного трибунала, где приговор был вынесен еще до начала слушаний, а подсудимый даже не подозревал о своей роли. Стол был накрыт с той избыточной, купеческой щедростью, которая свойственна людям, пытающимся едой заглушить тревогу: хрусталь звенел, салатницы ломились от майонезных гор, а в центре возвышалась утка с яблоками, своим румяным боком словно намекая на благополучие, которого в воздухе катастрофически не хватало.

Вероника Абрамовна, облаченная в люрекс, сидела по правую руку от хозяина дома, напоминая собой бронепоезд на запасном пути — пары разведены, но орудия расчехлены. Её муж, тихий Семен Ильич, привычно мимикрировал под обои, сосредоточенно пережевывая огурец, стараясь производить как можно меньше шума, дабы не привлечь внимание супруги. Инна Ивановна, жена генерала, суежилась больше обычного, то и дело поправляя салфетки и бросая испуганные взгляды на дочь.

Анастасия сидела напротив тетки. Она только что вернулась с учебы, переоделась в домашнее худи и выглядела как человек, случайно попавший на чужой праздник жизни. В её глазах читалась усталость и то вежливое

отстранение, с которым интеллигентные люди обычно терпят неизбежное зло в виде дальних родственников.

Но главным героем вечера был не генерал и не утка. Главным был телевизор. Огромная плазменная панель, висевшая на стене, работала в режиме нон-стоп, извергая в пространство гостиной потоки тревожного синего света и истерических интонаций. Шло популярное ток-шоу «Грань истины», где обсуждали врагов внутренних, внешних и тех, кто еще не определился.

— Сделай погромче, Валера, — попросила Вероника Абрамовна, отправляя в рот кусок утки. — Там сейчас важное скажут. Анонсировали эксперта из Москвы. Говорят, профессор, светило!

Валерий Алексеевич, который до этого момента вяло ковырял вилкой в тарелке, размышляя о том, почему тыловое обеспечение опять сорвало поставки зимней формы, послушно нажал кнопку пульта. Громкость увеличилась, и голос ведущего заполнил комнату, заглушая звон приборов.

— Сегодня у нас в студии человек, который знает всё о том, как крадут наши души! — возопил ведущий, делая страшные глаза. — Президент Центра религиозно-исследовательских исследований, профессор Александр Леонидович Дворкин!

На экране появился он. Тот самый человек, которого Валерий видел совсем недавно в Доме Офицеров. Те же бегающие глазки, та же всклокоченная борода, тот же мешковатый пиджак, который, казалось, жил своей отдельной жизнью. Но здесь, в студии, под светом софитов, он выглядел иначе. Если на лекции он казался городским сумасшедшим, то здесь, благодаря магии телевидения, он превратился в пророка. Камера брала крупные планы, музыка нагнетала напряжение, а ведущий смотрел на него с подобострастием ученика перед гуру.

— Александр Леонидович, — вкрадчиво спросил ведущий. — Неужели угроза так велика? Мы привыкли думать, что секты — это где-то далеко, в девятиностях...

Дворкин на экране нервно дернул плечом и, глядя прямо в объектив (а казалось — прямо в душу Веронике Абрамовне), заговорил своим характерным, срывающимся голосом: — Это величайшее заблуждение! Враг мутировал! Он больше не ходит по улицам в оранжевых простынях. Он стал невидимым. Он

проникает в ваши дома через интернет, через курсы личностного роста, через безобидные, казалось бы, увлечения!

Вероника Абрамовна замерла с вилкой у рта. Кусок утки так и не достиг цели. Она подалась вперед, словно гончая, почуявшая след.

— Вот! — выдохнула она. — Слышите? Невидимый враг!

Дворкин тем временем продолжал нагнетать. На экране мелькали кадры: молодые люди сидят в позе лотоса, кто-то играет на гитаре у костра, девушки в длинных юбках водят хороводы на поляне. Картинка была светлой, солнечной, но тревожная музыка за кадром и комментарии профессора превращали эту идиллию в фильм ужасов.

— Посмотрите на это! — визжал Дворкин, тыча пальцем в экран, где показывали занятия йогой. — Вы думаете, это гимнастика? Вы думаете, это здоровье? Нет! Это религиозная практика индуизма! Каждая асана — это поклонение языческому божеству! Когда ваша дочь или внучка встает в «позу собаки», она открывает свои чакры для демонических сущностей! Это духовная измена Родине!

Валерий Алексеевич поперхнулся вином. Он вспомнил лекцию. Там тоже было про йогу, но здесь, в домашней обстановке, это звучало еще более дико. Он посмотрел на Анастасию. Дочь сидела с каменным лицом, но её пальцы, сжимавшие ножку бокала с соком, побелели.

— А вот это! — Дворкин переключился на кадры с хороводами. — Неоязычество! Они называют это «возрождением традиций», «единением с природой». А на самом деле — это деструктивный культ! Они уводят молодежь в леса, отрывают от семьи, от государства. Там, в лесу, под видом песен и плясок, происходит перекодирование сознания. Человек перестает быть гражданином, он становится биомассой, управляемой гуру!

Вероника Абрамовна медленно повернула голову в сторону Анастасии. В её взгляде, обычно просто любопытном и вздорном, теперь горел холодный огонь инквизиции. Телевизор дал ей не просто информацию — он дал ей санкцию. Он дал ей язык, на котором можно было выразить её смутную тревогу и неприязнь к непонятному образу жизни Насти.

— Настя, — голос тетки прозвучал неестественно ласково, с той змеиной мягкостью, которая предшествует укусу. — А ты ведь, кажется, говорила, что вы с ребятами в лес ездили?

В комнате повисла тишина. Даже Семен Ильич перестал жевать. Только Дворкин на фоне продолжал вещать о «психологическом насилии» и «зомбировании».

— Ездили, тетя Вероника, — спокойно ответила Анастасия, не поднимая глаз от тарелки. — Мы закрывали туристический сезон. Пели песни у костра.

— Песни... — протянула Вероника Абрамовна, и в этом слове было столько яда, что им можно было отравить полк. — А хороводы водили?

— Водили. Это весело и объединяет.

— Объединяет! — торжествующе взвизгнула Вероника, поворачиваясь к Инне. — Ты слышала, Инна? Объединяет! Профессор только что сказал: это перекодирование! Они там в лесу демонов призывают, а она говорит — весело!

— Вероника, прекрати, — попытался вмешаться Валерий. Ему было неловко. Он чувствовал себя капитаном корабля, на котором начался бунт сумасшедших. — Ну какие демоны? Девчонка воздухом дышала.

— Валера, ты слеп! — перебила его сватья, и её лицо пошло красными пятнами. — Ты посмотри на экран! Там умный человек говорит, профессор! Он жизнь положил на борьбу с этой заразой. Он говорит: йога — это секта. Настя, ты йогой занимаешься?

Анастасия подняла голову. В её взгляде была смесь жалости и брезгливости.

— Занимаюсь. Это полезно для спины. И для нервов, кстати, тоже. Вам бы, тетя Вероника, тоже не помешало. Шавасана очень успокаивает.

— Ты мне не хами! — Вероника стукнула ладонью по столу. Хрусталь жалобно звякнул. — Я жизнь прожила! Я знаю, что такое «полезно»! Картошку копать — полезно! А узлом завязываться и мантры бормотать — это сатанизм! Инна, ты почему молчишь? Твоя дочь призналась, что она в секте!

Инна Ивановна, бледная как полотно, переводила взгляд с разъяренной родственницы на дочь. Она была женщиной слабой, зависимой от чужого мнения. Авторитет телевизора для неё был непререкаем. Если по Первому каналу сказали, что йога — это зло, значит, так оно и есть. А если это подтвердила Вероника Абрамовна, женщина пробивная и опытная, то сомнений быть не могло.

— Настенька, — дрожащим голосом произнесла мать. — А вы там... правда ничего не пили? Никаких чаев специальных?

Этот вопрос ударил Анастасию сильнее, чем крики тетки. Предательство матери. Тихий, трусливый удар в спину.

— Мама, — тихо сказала Настя. — Мы пили чай с чабрецом. Из термоса. Ты сама мне этот термос дарила.

— А что в чабрец подмешали? — не унималась Вероника. — Дворкин сказал: психотропные вещества! Чтобы волю подавить! Вот посмотри на неё, Инна. У неё же глаза стеклянные! Она же не реагирует! Нормальный человек бы уже кричал, оправдывался, а она сидит, как замороженная. Это типичная реакция зомби! Отсутствие критического мышления!

— У меня как раз с критическим мышлением всё в порядке, — холодно парировала Анастасия. — В отличие от тех, кто верит говорящим головам в ящике. Вы знаете, что такое проекция, тетя Вероника? Это когда человек приписывает другим свои собственные страхи и недостатки. Вы боитесь мира, вы его не понимаете, поэтому вам проще назвать всё непонятное сектой. Это защитный механизм психики. Примитивный, но действенный.

— Ты посмотри, как заговорила! — всплеснула руками Вероника. — Терминами сыплет! Зазубрила методичку! Валера, это же не твоя дочь говорит! Это в ней бес говорит! Или гуру ихний! Они же их учат, как отвечать, как родителям дерзить, как от семьи отрываться!

На экране телевизора Дворкин в этот момент как раз перешел к теме семьи.

— Главная цель тоталитарной секты, — вещал он, и его голос вибрировал от праведного гнева, — разрушить традиционную семью! Сектант должен

порвать все связи с родными, объявить их врагами, «непросветленными». Если ваш ребенок стал скрытным, если он критикует ваши ценности, если он говорит, что вы «не понимаете» — бейте тревогу! Вы теряете его!

— Вот! — Вероника ткнула пальцем в сторону Насти, словно вынося приговор. — Слово в слово! Она нас критикует! Она нас не уважает! Она считает нас дураками, которые телевизору верят! Валера, ты слышишь? Она уже отеклась от нас!

Валерий Алексеевич сидел, сжимая кулаки под столом. Он смотрел на Дворкина. Он узнал его.

— Я видел этого человека, — глухо произнес генерал.

В комнате на секунду стало тихо. Вероника Абрамовна просияла.

— Вот! Валера видел! Где? В Кремле? На совещании?

— В Доме Офицеров, — медленно проговорил Валерий, не сводя глаз с экрана. — Он нам лекцию читал. По разнарядке.

— Ну! — восторжествовала Вероника. — Раз генералам лекции читает, значит, государственный человек! Значит, правда каждое слово! А ты, Настя, споришь! С государством споришь! С отцом споришь!

Валерий поморщился. Ему хотелось сказать, что лекция была бредом сумасшедшего. Что его офицеры плевались. Что этот Дворкин выглядел как пациент, сбежавший из палаты номер шесть. Но он не мог. Не мог при жене и родственниках признать, что государственная машина, которой он служит, допустила сбой и прислала к ним идиота. Это подорвало бы его собственный авторитет. Авторитет власти.

— Он говорил... странные вещи, — уклончиво сказал генерал. — Слишком эмоционально.

— Эмоционально — потому что душа болит! — отрезала Вероника. — За Россию болит! А у тебя, Настя, душа не болит? Ты вот сидишь тут, утку ешь, а там, — она махнула рукой куда-то в неопределенное пространство, — наши мальчики кровь проливают! А ты хороводы водишь! Это же кощунство! Это пляски на костях!

Анастасия резко встала. Стул с грохотом отъехал назад.

— Хватит, — сказала она. Голос её дрожал, но она держалась. — Я не буду это слушать. Вы смешали всё в одну кучу: войну, йогу, патриотизм, мою учебу. Это каша. Ядовитая каша. И вы едите её ложками прямо из телевизора. Приятного аппетита.

Она развернулась и пошла к выходу.

— Стоять! — рявкнула Вероника. — Куда пошла? К своим? Инструкции получать? Инна, не пускай её! Она сейчас позвонит куратору, и её увезут! В ашрам! В рабство!

Инна Ивановна вскочила, опрокинув бокал с вином. Красное пятно начало расползаться по белоснежной скатерти, как кровь.

— Настя, доченька, подожди! Давай поговорим! Тетя Вероника просто волнуется...

— Она не волнуется, мама, — Настя обернулась в дверях. — Она ненавидит. Она ненавидит всё, что не похоже на неё. И самое страшное, что вы ей верите. Папа, — она посмотрела на отца. — Ты же умный человек. Ты же офицер. Неужели ты не видишь, что это бред? Что этот человек на экране — манипулятор? Он стравливает людей. Он натравливает мать на дочь. Разве это «духовная безопасность»? Это гражданская война, папа. Прямо здесь, на кухне.

Валерий молчал. Он смотрел на дочь и видел в её глазах слезы, которые она гордо сдерживала. Он хотел встать, обнять её, сказать: «Пошли они все к черту, ты моя дочь, и я тебя никому не отдам». Но тяжесть погон, тяжесть привычки быть «как надо», тяжесть этого проклятого ужина придавила его к стулу.

— Иди к себе, Анастасия, — сказал он тяжело. — Мы поговорим позже. Без эмоций.

Настя горько усмехнулась.

— Без эмоций... Хорошо, товарищ генерал-полковник.

Она вышла. Дверь в её комнату закрылась с тихим, но отчетливым щелчком.

В гостиной повисла тяжелая пауза. Слышно было только бормотание телевизора, где Дворкин уже рассказывал о том, как сектанты переписывают квартиры на своих лидеров.

— Упустили девку, — зловещим шепотом произнесла Вероника Абрамовна, наливая себе водки. — Глаза видели? Бешеные. Точно под воздействием. Валера, надо действовать. Я читала, есть центры специальные. Реабилитационные. Там выбивают эту дурь. Депрограммирование называется. Дорого, конечно, но разве на ребенке экономят?

— Замолчите, — тихо сказал Валерий.

— Что? — не поняла Вероника.

— Замолчите! — рявкнул он так, что зазвенели стекла в серванте. — Хватит! В моем доме — никаких депрограммирований! Никаких сект! Ешьте утку!

Он встал, бросил салфетку на стол прямо в пятно от вина и вышел из комнаты. Ему нужен был воздух. Ему нужно было покурить.

На балконе было холодно. Ветер швырял в лицо мелкие капли дождя. Валерий закурил, жадно затягиваясь. Руки у него дрожали.

Что это было? Как это произошло? Всего час назад у него была нормальная семья. Да, со своими сложностями, с недопониманием, но семья. А теперь? Теперь его дом превратился в поле боя. И враг не высадился с парашютом, не приехал на танке. Враг вошел через плазменную панель и поселился в голове у его сваты.

Он вспомнил слова Насти: «Это гражданская война, папа. Прямо здесь, на кухне».

Она была права. Черт возьми, она была права. Этот Дворкин, этот «эксперт», он не объединял общество перед лицом опасности. Он раскалывал его. Он превращал безобидную йогу в преступление, а любовь к природе — в измену Родине. Зачем? Кому это выгодно?

Валерий смотрел на ночной город. Где-то там, в темноте, горели окна других домов. И он с ужасом подумал: а сколько еще таких ужинов происходит прямо сейчас? Сколько еще Вероник Абрамовн сидят перед телевизорами,

слушают этого бесноватого профессора и с ненавистью смотрят на своих детей, внуков, соседей?

«Он приравнивает безобидные увлечения к деструктивным культам», — пронеслось в голове. Это же абсурд. Если следовать этой логике, то половину страны надо сажать. Тех, кто читает гороскопы. Тех, кто лечится травами. Тех, кто просто думает иначе.

Генерал вспомнил статью, которую читал в спецсводке. Там говорилось о методах информационной войны. Дегуманизация противника. Расчеловечивание. Чтобы убить врага, надо сначала перестать считать его человеком. Назвать его «укропом», «нацистом», «сектантом». И тогда совесть молчит.

Дворкин делал именно это. Он расчеловечивал собственных граждан. Он превращал Настю — умную, добрую, талантливую Настю — в «биомассу», в «зомби», в «объект». И Вероника с радостью подхватила эту эстафету. Ей было удобно. Ей не нужно было пытаться понять племянницу, не нужно было учиться, развиваться. Достаточно было наклеить ярлык «сектантка» — и всё, ты права, ты на стороне света, а она — тьма.

Валерий затушил сигарету. Ему стало страшно. Не за себя. За страну. Если такие люди, как Дворкин, определяют идеологию, если их пускают на федеральные каналы и к генералам в штабы, то куда мы катимся?

Дверь на балкон скрипнула. Вышла Инна. Она куталась в шаль, лицо было заплаканным.

— Валера, — всхлипнула она. — Что же делать? Вероника говорит, надо срочно звонить в этот центр. У неё телефон есть. Центр Иринаея Лионского. Говорит, там специалисты, они помогут...

Валерий посмотрел на жену. В её глазах был тот самый животный страх, который парализует волю. Страх, который так умело посеял Дворкин и взрастила Вероника.

— Инна, — сказал он твердо, беря её за плечи. — Никуда звонить не надо. Настя — нормальная. Ты слышишь меня? Нормальная. А Вероника твоя — дура. И Дворкин этот — провокатор.

— Но он же профессор... По телевизору...

— На заборе тоже написано, — грубо оборвал он. — Всё. Иди спать. И чтобы я больше ни слова не слышал про секты. Завтра я этих гостей отправлю на экскурсию. В музей краеведческий. На весь день. Пусть там мозги компостируют чучелам мамонтов.

Инна ушла, немного успокоенная его уверенностью. Но Валерий знал: это временно. Яд уже в крови. Сомнение посеяно. И просто так его не выкорчевать.

Он остался один. Внизу, во дворе, кто-то заводил машину. Фары высветили кусок детской площадки, мокрые качели, песочницу. Мир казался таким хрупким, таким незащищенным перед лавиной лжи, которая лилась с экранов.

Валерий сунул руку в карман брюк и нащупал там смятую визитку, которую не выбросил после лекции. «Центр религиоведческих исследований». Он достал её, разгладил на перилах. Золотые буквы тускло блеснули в свете уличного фонаря.

— Ужин с инквизитором, — прошептал генерал. — Вот, значит, как вы работаете, господин профессор. Через страх. Через бабьи истерики. Через разрушение семей.

Он вдруг понял, что это не просто эпизод. Это система. Дворкин не просто городской сумасшедший. Он — часть механизма. Механизма, который перемалывает людей. И этот механизм только что попытался перемолоть его дочь.

Валерий сжал визитку в кулаке. На этот раз он не выбросил её. Он спрятал её обратно в карман. Теперь это была не просто бумажка. Это была улика. И цель.

— Ну погоди, — зло прошептал генерал-полковник в темноту. — Ты зашел на мою территорию. Ты тронул мою семью. Я тебе это припомню. Я узнаю, кто ты такой на самом деле. И кто тебе позволяет гавкать на всю страну.

Он вернулся в дом. В гостиной было пусто. Телевизор наконец-то выключили, и черный экран отражал перевернутую комнату, словно

искаженную реальность, в которой им всем теперь предстояло жить. На столе, в луже пролитого вина, лежала забытая кем-то вилка. Она напоминала сломанный крест. Или орудие пытки.

Валерий прошел мимо комнаты дочери. Там было тихо. Слишком тихо. Он приложил ухо к двери. Ни звука. Не плачет. Не играет на гитаре. Молчит.

Это молчание было страшнее любых криков. Это было молчание человека, который понял, что он один. Один против всех.

Генерал пошел в свой кабинет, достал из сейфа бутылку коньяка, но пить не стал. Он сел за стол, включил настольную лампу и открыл ноутбук. В поисковой строке он медленно, одним пальцем, набрал: «Александр Дворкин биография».

Курсор мигал, приглашая в кроличью нору. И Валерий Алексеевич, генерал-полковник, патриот, слуга государев, сделал первый шаг в бездну, которая навсегда изменит его представление о том, кому и чему он служит.

Война началась. Но линия фронта проходила теперь не по карте Украины, а прямо через его сердце.

Глава 6: Охота на ведьм

Дом генерал-полковника Валерия Алексеевича, еще недавно был оплотом стабильности и армейского порядка, за последние двое суток претерпел метаморфозу столь же стремительную, сколь и пугающую. Если раньше здесь царил дух просвещенного консерватизма, где каждый предмет знал свое место, а воздух пах дорогим парфюмом и свежесваренным кофе, то теперь жилище напоминало штаб контрразведки в прифронтовой полосе, где ожидают прорыва диверсантов из канализации.

Атмосфера сгустилась до состояния киселя. Тишина, висевшая в коридорах, была не мирной, а настороженной, звенящей, как натянутая струна. Домочадцы передвигались по паркету, стараясь не скрипеть, говорили

вполголоса и, встречаясь взглядами, тут же их отводили, словно каждый подозревал другого в ношении скрытого микрофона или, того хуже, в тайном поклонении Кришне.

Комендантом этого осажденного лагеря самопровозгласила себя Вероника Абрамовна. Сватья, чья энергия могла бы питать небольшую электростанцию или, при ином векторе приложения, разрушить средних размеров город, развернула бурную деятельность. Она не просто гостила — она несла вахту. Ее халат цвета «бешеная фуксия» мелькал то в кухне, то в гостиной, то у дверей комнаты Анастасии, напоминая сигнальный флажок, предупреждающий о биологической опасности.

Инна Ивановна, супруга генерала, женщина мягкая и по-своему интеллигентная, оказалась самым слабым звеном в обороне здравого смысла. Ее психика, не закаленная строевой подготовкой и аппаратными интригами, дала трещину под напором бронебойной риторики родственницы.

— Инночка, ты посмотри, посмотри на это! — шипела Вероника Абрамовна, зажав жену генерала в углу кухни, где обычно происходили самые страшные заговоры. В руках она держала планшет, на экране которого был открыт сайт с дизайном начала двухтысячных: черный фон, красные буквы и горящие в аду грешники. — Это же один в один! Симптомы!

Инна Ивановна, бледная, с темными кругами под глазами (бессонница стала теперь семейной реликвией), испуганно косилась на экран.

— Что там, Вероника?

— «Синдром остекленевшего взгляда», — торжествующе зачитывала сватья, тыча пальцем в текст. — Вот, читай: «Адепт деструктивного культа часто смотрит сквозь собеседника, не реагирует на эмоциональные раздражители, проявляет неестественное спокойствие». Ну? Узнаешь?

— Настя вчера действительно была очень спокойной... — пролепетала Инна. — Даже когда ты кричала.

— Вот! — Вероника подняла палец вверх, словно пророк, узревший знамение. — Нормальный человек бы в ответ тарелку разбил, истерику закатил! А она? Сидит, улыбается, про проекции какие-то бормочет. Это же типичная

блокировка сознания! Ей гуру запретил эмоции проявлять. Они там, в сектах, из людей роботов делают. Биомассу!

Слово «биомасса» в устах Вероники звучало страшнее, чем «ядерная война». Оно подразумевало нечто липкое, безвольное и, главное, совершенно чуждое понятию «приличная семья».

— И что же делать? — Инна прижала руки к груди. В ее голове, взбаламученной страхом, образ любимой дочери — умницы, красавицы, студентки — начал расплываться, уступая место жуткому фантому: зомби с гитарой, готовому продать родину за палочку благовоний.

Вероника Абрамовна понизила голос до заговорщического шепота, оглянувшись на дверь (не подслушивает ли враг?) и придвинулась вплотную к уху хозяйки дома.

— Лечить надо, Инна. Спасать. Пока она дом на них не переписала или, не дай Бог, в Сирию не уехала. Я тут навела справки...

Она полезла в необъятный карман своего халата и извлекла оттуда сложенный вчетверо листок бумаги, исписанный крупным, решительным почерком.

— Есть люди. Специалисты. Работают по методике профессора Дворкина. Центр святого Иринея Лионского. Название-то какое, слышишь? Святое! Не какая-нибудь шарашкина контора.

— И что они делают? — с надеждой спросила Инна.

— Депрограммирование, — выговорила Вероника это сложное слово с видимым удовольствием, словно пробовала на вкус дорогой коньяк. — Это как операция, только на душе. Вынимают из человека эту заразу, этот вирус сектантский, и вставляют обратно нормальные мозги.

— Это, наверное, больно? — ужаснулась мать.

— А рожать не больно было? — парировала сватья железным аргументом. — Душа, Инна, она через страдания очищается. Зато потом спасибо скажет. Вернется наша Настенька, станет снова человеком. Замуж выйдет, внуков нарожает, в церковь ходить будет. А не по лесам скакать.

Вероника развернула листок.

— Я уже и цены узнала. Недешево, конечно. Но разве на ребенке экономят? Вот, смотри. Первичная консультация, выезд группы захва... то есть, группы поддержки, транспортировка в реабилитационный центр, проживание, работа психологов, священников... Итого — пятьсот тысяч. Плюс накладные расходы.

— Пятьсот тысяч? — ахнула Инна. — Господи, Вероника, это же огромные деньги!

— А душа сколько стоит? — сурово спросила Вероника, глядя на Инну как на предателя. — Тридцать сребреников? Ты что, Инна, хочешь сказать, что тебе денег жалко на спасение дочери от вечной гибели? Валера генерал, у него зарплата, пенсия будет. Найдете! Или ты хочешь, чтобы она завтра пришла и сказала: «Мама, я уйду в ашрам, прощай навсегда»?

Инна Ивановна заплакала. Тихо, беззвучно, как плачут женщины, загнанные в угол собственной любовью и чужой глупостью. Ей было страшно. Страшно от того, что мир, казавшийся таким понятным, вдруг перевернулся. Оказывается, враги не где-то там, за океаном, а прямо здесь, в голове у ее дочери. И спасение стоит полмиллиона рублей.

Тем временем в своем кабинете генерал-полковник Валерий Алексеевич занимался делом, которое еще неделю назад считал бы недостойным офицера и мужчины. Он шпионил.

Перед ним стоял открытый ноутбук. На экране светилась страница социальной сети «ВКонтакте». Профиль Анастасии.

Валерий чувствовал себя мерзко. словно он подглядывал в замочную скважину за тем, как дочь переодевается. Но червь сомнения, посеянный лекцией Дворкина и унавоженный истериками Вероники, грыз его сердце с упорством термита.

«Доверяй, но проверяй», — пробормотал он старую чекистскую поговорку, пытаясь оправдаться перед собственной совестью. — «В конце концов, я отец. Я отвечаю за личный состав... то есть, за семью».

Он начал листать ленту. Фотографии, посты, репосты. Обычная жизнь молодой девушки. Или нет?

Вот фото: Настя сидит на траве в позе лотоса, глаза закрыты, на лице блаженная улыбка. Подпись: «Вдох — любовь, выдох — благодарность».

Раньше Валерий увидел бы здесь просто дочь, занимающуюся гимнастикой. Теперь, сквозь призму «экспертного мнения», он видел другое.

«Вдох — любовь...» — думал он, хмуря густые брови. — «Какая любовь? К кому? К родине? К родителям? Нет, абстрактная любовь. Размывание ценностей. Дворкин говорил: они подменяют понятия. Вместо конкретного долга — какая-то вселенская каша. А поза эта? Ноги узлом. Это же индуизм. Чуждая нам культура. А где чужая культура, там и чужие интересы».

Он пролистал ниже. Фотография из леса. Костер, вокруг сидят люди. Лица размыты, свет играет тенями. Кто-то с гитарой, кто-то в странном балахоне.

«Шабаш», — услужливо подсказал внутренний голос, говорящий интонациями Вероники Абрамовны. — «Смотри, Валера. Это же не пикник. Где шашлыки? Где водка? Нету. Сидят, чай пьют. Подозрительно. Нормальные русские люди в лесу так не отдыхают. Это ритуал. Точно ритуал».

Валерий приблизил фото. Попытался разглядеть лица друзей дочери. Молодые, бородатые, какие-то... нестроєвые. Патлатые. В глазах генерала, привыкшего к стрижкам под ноль и четким кантикам, любая нестандартная прическа теперь выглядела как признак морального разложения.

«А вот этот, с флейтой...» — Валерий ткнул курсором в лицо парня. — «Глаза какие-то... бешеные. Или обкуренные? Дворкин говорил про психотропы. Может, они там грибы едят? Или траву эту... как ее... аяваску?»

Он поймал себя на том, что начинает думать терминами из желтой прессы. Грибы, аяваска, шабаш. Господи, да он же знает этого парня! Это Мишка, сын полковника Петрова из соседнего подъезда. Учится в консерватории. Отличник. Какой, к черту, шабаш?

Валерий откинулся на спинку кресла, потер виски. Голова гудела.

— Что со мной происходит? — спросил он у портрета президента, висевшего на стене. Президент смотрел на него с легким прищуром, словно говоря: «Бдительность, товарищ генерал. Кругом враги».

Валерий снова посмотрел на экран. Репост цитаты Германа Гессе: «Истина должна быть пережита, а не преподана».

«Ага!» — генерал аж подпрыгнул. — «Отрицание авторитетов! “Не преподана”. То есть, то, что мы им в школе преподаем, то, что отцы говорят — это не истина? Им, видите ли, пережить надо. Свой опыт. А свой опыт — это путь в никуда. Это анархия. Сегодня она Гессе цитирует, а завтра Конституцию отрицать начнет?»

Он понимал, что это паранойя. Часть его мозга, та, что отвечала за логику и стратегическое планирование, кричала: «Валера, ты идиот! Это просто цитата из книжки! Ты сам в молодости Есенина читал, про “задрал штаны бежать за комсомолом”, и ничего, генералом стал!».

Но другая часть, темная, иррациональная, разбуженная страхом за дочь, шептала: «А вдруг? Вдруг Дворкин прав? Вдруг это начало конца? Вдруг я сейчас упущу момент, и она превратится в ту самую зомби, про которую Вероника талдычит?».

В дверь постучали. Тихо, робко.

— Войдите, — рявкнул Валерий, поспешно захлопывая крышку ноутбука, как школьник, пойманный за просмотром порнографии.

Вошла Инна. Вид у нее был такой, словно она только что вернулась с похорон. В руках она держала чашку чая, которая дрожала и звякала о блюдец.

— Валера... — начала она и осеклась.

— Что? Опять Вероника? — устало спросил он.

— Она... она дело говорит, Валера. — Инна поставила чай на стол и села на краешек стула, комкая в руках платок. — Я звонила.

— Куда? — напрягся генерал.

— В этот центр. Иринея Лионского. Вероника дала телефон. Там ответил очень вежливый молодой человек. Представился отцом Михаилом.

Валерий почувствовал, как по спине пробежал холодок.

— И что сказал отец Михаил?

— Он сказал... — Инна всхлипнула. — Он сказал, что ситуация типичная. Что сейчас идет эпидемия. Что они вербуют лучших, самых талантливых. И что медлить нельзя. Каждый день промедления — это риск необратимых изменений в психике.

— Необратимых изменений... — повторил Валерий. — Диагноз по телефону поставил? Не видя человека? Силен батюшка.

— Он сказал, что симптомы, которые я описала, — классические. Отчуждение от семьи, смена интересов, странная музыка, диета... Валера, она же мясо перестала есть! Ты заметил? Вчера котлету не тронула!

— Инна, она сказала, что не голодна!

— Нет! Это отказ от пищи предков! Это первый шаг к подчинению! Отец Михаил сказал, что белок нужен мозгу, чтобы сопротивляться внушению. А если белка нет, воля слабеет. Они специально их на траву сажают!

Валерий смотрел на жену и не узнавал ее. Где та спокойная, рассудительная женщина, с которой он прожил тридцать лет? Перед ним сидело существо, напуганное до полусмерти, готовое поверить в любую чушь, лишь бы эта чушь обещала спасение от выдуманной угрозы.

— И сколько стоит спасение? — спросил он жестко.

— Пятьсот тысяч, — прошептала Инна. — Но они сказали, что для генерала могут сделать скидку. Как патриоту.

— Скидку... — Валерий горько усмехнулся. — Бизнес на патриотизме. Хорошо устроились ребята.

— Валера, не надо так! — воскликнула Инна. — Они святым делом занимаются! Людей из ада вытаскивают! Вероника говорит, что это как операция. Больно, но необходимо. Они приедут, заберут ее...

— Заберут? — Валерий подался вперед. — Как это — заберут?

— Ну... — Инна замялась. — Отец Михаил объяснил, что добровольно сектант никогда не пойдет лечиться. Потому что его воля подавлена демонами.

Поэтому нужна... эвакуация. Приедут крепкие ребята, православные активисты. Посадят в машину. Увезут в загородный центр. Там природа, молитва, трудотерапия. Никаких телефонов, никакого интернета. Полная изоляция от вредного влияния. Через месяц вернут другого человека.

Валерий медленно встал. Он подошел к окну, посмотрел на улицу. Там, внизу, шла обычная жизнь. Люди гуляли с собаками, мамы катили коляски. А здесь, в его кабинете, жена предлагала ему нанять бандитов (пусть и православных), чтобы они похитили их собственную дочь.

— Ты понимаешь, что это статья? — спросил он, не оборачиваясь. — Похищение человека. От пяти до двенадцати лет.

— Но мы же родители! — возразила Инна. — Мы же добра желаем! Какое похищение? Это лечение! Принудительное лечение наркомана тоже ведь не добровольное! А секта — это наркотик!

— Кто это сказал? Дворкин?

— Да! И Вероника! И отец Михаил! Все говорят! Валера, ты один упрямисься! Ты хочешь потерять дочь? Ты хочешь, чтобы она стала врагом?

Валерий резко повернулся.

— Я хочу, чтобы в моем доме прекратился этот дурдом! Инна, ты слышишь себя? Ты готова заплатить полмиллиона каким-то проходимцам, чтобы они скрутили Настю и увезли в какой-то подвал? Ты думаешь, она тебе это простит? Никогда!

— Зато живая будет! — выкрикнула Инна. — И душа спасется! А прощение... потом поймет. Когда пелена с глаз спадет.

В этот момент дверь кабинета снова открылась. На пороге стояла Вероника Абрамовна. Она не стучала. В условиях военного времени вежливость была излишней роскошью.

— Ну что? — спросила она деловито, оглядывая супругов. — Решили? Я звонила отцу Михаилу, у них есть окно на послезавтра. Группа свободна. Надо вносить предоплату.

Валерий посмотрел на нее. В ее глазах не было ни тени сомнения. Только холодный, расчетливый фанатизм и жажда деятельности. Ей нравилось это. Ей нравилось быть вершителем судеб. Нравилось чувствовать свою причастность к «великой борьбе». Она, простая тетка с окраины, вдруг стала воином света, спасающим генеральскую семью от тьмы. Это пьянило посильнее водки.

— Вероника Абрамовна, — сказал Валерий очень тихо. — Выйдете вон.

— Что? — не поняла она.

— Вон из моего кабинета. И из моего дома.

— Валера! — ахнула Инна.

— Ты кого гонишь, Валера? — Вероника уперла руки в боки. — Я тебе глаза открываю! Я твою семью спасаю, пока ты тут в либерализм играешь! Ты посмотри на него, Инна! Он же сам, наверное, под влиянием! Может, его тоже опоили?

— Вон! — рявкнул генерал так, что зазвенела люстра.

Вероника попятилась, но не сдалась.

— Я уйду! — прошипела она. — Но ты пожалеешь! Когда твоя дочь принесет в подоле от какого-нибудь гуру, или когда квартиру продаст, ты приползешь ко мне! Но будет поздно! Мы с Семеном завтра утром уедем! Ноги моей здесь не будет! В этом вертепе!

Она развернулась и, хлопнув дверью, удалилась собирать чемоданы.

В кабинете повисла тишина. Инна плакала, закрыв лицо руками.

Валерий сел в кресло. Руки у него дрожали. Он выгнал провокатора, но победы не чувствовал. Яд уже проник в кровь. Инна верила Веронике. И, что самое страшное, какая-то часть его самого тоже верила.

Он снова открыл ноутбук. Фотография Насти в позе лотоса все так же висела на экране.

«А вдруг?» — снова шепнул голос. — «Вдруг ты ошибся, генерал? Вдруг ты сейчас выгнал единственного человека, который видел правду? А эти “специалисты”... Может, они и правда помогают? Может, это единственный выход?»

Он достал из ящика стола ту самую визитку, которую не выбросил после лекции. «Центр религиозоведческих исследований». Номер телефона совпадал с тем, что диктовала Вероника.

Это была сеть. Огромная, невидимая сеть, наброшенная на страну. С одной стороны — лекции для генералов, с другой — ток-шоу для домохозяек, с третьей — платные услуги по похищению людей. И все это под эгидой «духовной безопасности».

Валерий смотрел на визитку. Ему казалось, что она жжет пальцы.

Ночью, когда Вероника с мужем, демонстративно громко хлопая дверями и проклиная «дом слепцов», удалились в свою комнату, Валерий прошел в комнату дочери.

Настя сидела на кровати с книгой. Увидев отца, она напряглась, словно ожидая удара.

— Закончилось? — спросила она тихо.

— Закончилось, — кивнул Валерий.

— Надолго?

— Навсегда, надеюсь.

Настя облегченно выдохнула, но напряжение не ушло. Она видела, что отец сам не свой.

— Пап, ты тоже думаешь, что я... того? — она покрутила пальцем у виска.
— Зомби?

Валерий посмотрел на нее. На ее ясные, умные глаза. На ее тонкие пальцы, сжимающие томик Фромма. На гитару в углу.

— Я не знаю, Настя, — честно сказал он. — Я уже ничего не знаю. Мир сошел с ума. И я, кажется, вместе с ним.

Он подошел к столу, взял фигурку Ганеши. Тяжелая, бронзовая. Слон улыбался своей загадочной улыбкой.

— Скажи мне честно, — спросил Валерий, глядя в глаза слону. — Ты веришь в этого... многорукого?

Настя грустно улыбнулась.

— Пап, это просто символ. Символ того, что любые препятствия можно преодолеть. Если верить в себя. И в добро.

— В добро... — повторил генерал. — А Дворкин говорит, что это идол. И что за ним стоит дьявол.

— Дьявол стоит не за слониками, пап, — сказала Настя серьезно. — Дьявол стоит за теми, кто хочет всех сделать одинаковыми. Кто торгует страхом. Кто говорит: «Убей инакомыслящего». Вот где настоящий сатанизм.

Валерий поставил фигурку на место.

— Ладно. Спи. Завтра поговорим.

Он вышел из комнаты, но чувство тревоги не отпускало. Он знал, что Инна сейчас лежит в спальне и думает о том, где взять пятьсот тысяч. Он знал, что Вероника строчит гневные сообщения всем родственникам о том, что генерал «продался сектантам».

И он знал, что это только начало.

Валерий прошел на кухню, налил себе стакан воды. На столе лежал оставленный Вероникой буклет. Глянцевая бумажка с пугающими заголовками: «Осторожно: Секта! Как распознать и обезвредить».

На последней странице был прайс-лист. Мелким шрифтом, в самом низу.

Консультация — 5 000 руб.

Экспертиза литературы — 15 000 руб.

Комплексная реабилитация (стационар) — от 100 000 руб./мес.

Выездная группа (экстренная помощь) — договорная"

«Договорная», — хмыкнул генерал. — «То есть, сколько совести хватит содрать с перепуганной матери».

Это был бизнес. Циничный, расчетливый бизнес на человеческом горе и невежестве. И этот бизнес только что попытался сожрать его дочь.

Валерий скомкал буклет и швырнул его в мусорное ведро. Но он понимал: бумажку выбросить легко. А вот выбросить из головы мысли, которые она посеяла, гораздо труднее.

Он подошел к окну. Ночь была темной, беззвездной. Город спал, укрытый пеленой дождя. Где-то там, в темноте, работали эти «центры». Где-то там сидели «отцы Михайлы» и считали прибыль от спасенных душ. Где-то там плакали похищенные дети.

И генерал-полковник Валерий Алексеевич, человек, у которого в подчинении были танки и ракеты, вдруг почувствовал себя маленьким и беззащитным перед этой серой силой, которая называла себя «добром», но пахла как подвал инквизиции.

— Ну что ж, — сказал он темноте. — Вы хотели войны? Вы ее получите.

Он еще не знал, как будет воевать. У него не было плана. Но у него была холодная, офицерская злость на тех, кто посмел прийти в его дом и назвать его ребенка врагом.

А в мусорном ведре, среди картофельных очистков, медленно распрямлялся скомканный буклет, словно показывая, что так просто от этой заразы не избавиться.

Глава 7: Прозрение отца

Утро в доме генерал-полковника Валерия Алексеевича началось не с привычного запаха кофе и легкого шелеста новостных сводок, а со звука, напоминающего работу камнедробилки на холостом ходу. Это Вероника Абрамовна, сватья и самопровозглашенный инквизитор местного разлива, упаковывала чемоданы. Делала она это с демонстративным трагизмом, присущим актрисам погорелого театра, которых выгоняют со сцены за профнепригодность, но которые убеждены, что их гений просто не понят чернью.

Каждая вещь, отправляемая в недра необъятного баула, сопровождалась тяжким вздохом, призванным вызвать у хозяев дома чувство непоправимой вины. Блузка летела в чемодан — вздох. Банка с недоеденными маринованными огурцами (стратегический запас против радиации и 5G) — стон. Халат цвета «бешеная фуксия» — почти рыдание.

Валерий Алексеевич стоял в дверном проеме своего кабинета, скрестив руки на груди. Он наблюдал за этим спектаклем с выражением лица человека, который смотрит на разминирование сложного, но крайне нелепого взрывного устройства. Внутри у него kloкотала холодная, злая решимость. Ночь прошла без сна, в тяжелых раздумьях, и к утру туман в голове, напущенный лекциями и телепередачами, начал рассеиваться, уступая место четкой, армейской ясности.

— Вы нас выгоняете, Валера, — не спросила, а констатировала Вероника, не оборачиваясь, но чувствуя его взгляд спиной, обтянутой люрексом. — Выгоняете на улицу, как собак. И это после того, как мы вам глаза открыли.

— Я вас не выгоняю, Вероника Абрамовна, — спокойно, но с металлическими нотками в голосе произнес генерал. — Я провожу эвакуацию. Спасая, так сказать, ваш рассудок от тлетворного влияния нашего «сектантского» дома. Вы же сами сказали, что здесь вертеп.

Вероника резко выпрямилась, и ее прическа, напоминающая гнездо встревоженной цапли, качнулась.

— Смеетесь? — она повернулась к нему, и в ее глазах Валерий увидел тот самый фанатичный блеск, который так пугал его последние дни. — Зря смеетесь, генерал. Смеется тот, кто смеется последним. А последним будет смеяться он!

Она ткнула пальцем куда-то в потолок, подразумевая, видимо, не Господа Бога, а кого-то более приземленного и мстительного.

— Кто «он»? — уточнил Валерий. — Управдом? Или профессор Дворкин?

При упоминании священной фамилии Вероника благоговейно закатила глаза.

— Александр Леонидович! Он все видит. Он знает, что вы отказались от помощи. Что вы пожалели денег на спасение собственной дочери. Пятьсот тысяч! Тьфу! — она картинно плюнула на паркет. — Цена генеральской чести.

Мы уезжаем, Валера. Но помни: когда твоя Настя придет домой в оранжевой простыне и начнет бить в бубен, не звони мне. Я трубку не возьму. Я буду молиться за ваши заблудшие души, но пальцем не пошевелю!

Семен Ильич, муж Вероники, тихой тенью скользил по коридору, вынося коробки. Он виновато улыбался генералу, всем своим видом показывая: «Я тут ни при чем, я просто придаток к этому урагану».

— Семен! — рявкнула супруга. — Не кланяйся! Гордость имей! Мы уходим из дома, где предали традиции! Где поклоняются слонам и жуют траву!

Валерий молча посторонился, давая дорогу процессии. Когда входная дверь наконец захлопнулась за гостями, отрезая дом от потока безумия, в прихожей повисла тишина. Она была плотной, ватной, оглушающей. Казалось, стены выдохнули.

Инна Ивановна сидела на пуфике в коридоре, закрыв лицо руками. Она была похожа на сломанную куклу. Валерий подошел к ней, положил тяжелую руку на плечо.

— Ну все, Инна. Все. Война окончена. Оккупанты ушли.

— Валера, что мы наделали? — всхлипнула жена, поднимая на него заплаканные глаза. — А вдруг она права? Вдруг мы сейчас совершили ошибку? Вероника говорила так убедительно... И по телевизору...

— Инна, — Валерий присел перед ней на корточки, заглядывая в глаза. — Послушай меня внимательно. Вероника говорила убедительно не потому, что она права. А потому, что она больна. И она заразила этой болезнью тебя. Ты посмотри на нас. Мы же нормальная семья. Были. Пока не начали искать черную кошку в темной комнате, где ее нет.

— Но Настя... Она такая странная в последнее время.

— Она не странная. Она молодая. Ты себя вспомни в двадцать лет. Ты же Битлз слушала? Пластинки «на костях» покупала? Твой отец, мой тесть покойный, тоже, небось, говорил, что это секта и разложение?

Инна слабо улыбнулась сквозь слезы.

— Говорил. Говорил, что это музыка буржуазная, что она к предательству ведет.

— Вот видишь. И что, ты предала Родину? Нет. Ты стала прекрасной женой, матерью. А Настя слушает свои мантры. Какая разница? Это пройдет. Или останется как хобби. Но делать из этого трагедию, вызывать санитаров, платить полмиллиона каким-то шарлатанам, чтобы они ребенка в багажнике увозили... Инна, это преступление. Против семьи.

Он встал, расправил плечи. Колени хрустнули — возраст давал о себе знать.

— Иди умойся. Приведи себя в порядок. А я пойду поговорю с дочерью. Как отец, а не как прокурор.

Валерий подошел к двери комнаты Анастасии. Сердце стучало глухо и тяжело, как молот по наковальне. Ему, боевому генералу, командовавшему полками, было страшно входить в комнату собственной дочери. Страшно увидеть в ее глазах отчуждение, которое он сам, своим попустительством и молчаливым согласием с бредом Вероники, помог взрастить.

Он постучал. Тихо, деликатно.

— Настя? Можно?

Тишина. Потом шорох.

— Входи, пап.

Комната встретила его запахом сандала и старых книг. Настя сидела на подоконнике, поджав ноги, и смотрела на улицу. В руках у нее была не книга по психологии и не гитара, а старый плюшевый медведь, которого Валерий подарил ей на пятилетие. У медведя не хватало одного глаза, но Настя берегла его как реликвию.

Валерий закрыл за собой дверь, отсекая остальной мир. Он огляделся. Впервые за последние дни он смотрел на вещи дочери не через призму «экспертизы» Дворкина, а своими собственными глазами.

Вот полка с книгами. Фромм, Юнг, Гессе, Достоевский. Рядом учебники по анатомии ЦНС. Никакой «сектантской литературы», никаких брошюр с призывами продать квартиру. Просто книги умной, ищущей девушки.

Вот гитара. На грифе повязана фенечка. Обычный инструмент. Не ритуальный бубен.

Вот тот самый Ганеша. Маленький, бронзовый, смешной. Стоит рядом с фотографией, где они всей семьей на море, более десяти лет назад. Настя там смеется, беззубая, счастливая, обнимает отца за шею.

«Господи, — подумал Валерий, и стыд горячей волной ударил в лицо. — Какой же я идиот. Какой же я старый, доверчивый идиот. Я поверил, что этот слоник может перечеркнуть ту фотографию. Что какая-то лекция заезжего гастролера важнее двадцати лет жизни».

Он подошел к окну, встал рядом с дочерью. Она не повернула головы, продолжая смотреть на мокрый асфальт двора.

— Уехали? — спросила она. Голос был ровным, но в нем звенела усталость.

— Уехали, — кивнул Валерий. — Насовсем.

— Мама плачет?

— Плачет. Но это слезы очищения. Пройдет.

Настя наконец посмотрела на него. Ее глаза были сухими, но в глубине зрачков застыла боль. Не обида, нет. Именно боль разочарования.

— Пап, скажи честно. Ты правда хотел меня... лечить? В том центре?

Валерий сжал кулаки так, что побелели костяшки. Врать было нельзя. Сейчас, в эту минуту, решалось, останется ли у него дочь или он потеряет ее навсегда — не в секте, а в холодной пустоте недоверия.

— Я... колебался, — выдавил он из себя. Это было самое трудное признание в его жизни. — Я испугался, Настя. Понимаешь? Я просто испугался.

— Чего? — она смотрела на него с пронзительной серьезностью будущего психолога. — Чего ты испугался, папа? Что я стану кришнаиткой? Что я перестану есть мясо? Или того, что я стану *другой*? Не такой, как ты хочешь?

— Я испугался, что потеряю тебя, — глухо сказал он. — Мне внушили... Нам всем внушили, что ты в опасности. Что твоя душа в опасности.

— Внушили... — Настя горько усмехнулась. — Знаешь, пап, нам на лекциях рассказывали про механизмы массового психоза. Про то, как легко управлять толпой, если найти общего врага. Раньше это были ведьмы. Потом шпионы. Теперь вот сектанты. Технология одна и та же. Дегуманизация. Ты перестаешь видеть человека, ты видишь ярлык.

— Я знаю, — кивнул Валерий. — Я офицер. Я знаю, как работает пропаганда. Но я не думал, что она сработает на мне. В моем собственном доме.

Он отошел от окна, сел на стул у письменного стола. Стул жалобно скрипнул под его весом.

— Знаешь, Настя, я ведь проверил твои соцсети. Вчера.

Настя напряглась, обняла медведя крепче.

— И что? Нашел доказательства моего падения?

— Я нашел фотографии, где ты счастлива, — тихо сказал Валерий. — Где ты улыбаешься. Где ты с друзьями. Я увидел там свет, Настя. А мне пытались доказать, что это тьма.

Он взял со стола фигурку Ганеши, повертел в руках.

— Вероника кричала, что это идол. Что ты ему поклоняешься. А я смотрел на него и думал: ну слон и слон. Добрый вроде. Почему он должен быть врагом России? Чем он угрожает нашей обороноспособности? Тем, что у него четыре руки? Так у нас в штабе иногда и двух рук не хватает, чтобы бумаги разгрести.

Настя фыркнула. Это был первый, робкий смешок за последние дни. Лед тронулся.

— Пап, ты правда так подумал?

— Правда. И еще я подумал... — он поставил слона на место и посмотрел дочери прямо в глаза. — Я подумал, что если моя дочь, которую я воспитывал, которую я знаю с пеленок, вдруг стала «зомби» только потому, что сходила на йогу... то грош цена моему воспитанию. И грош цена мне как отцу.

Настя сползла с подоконника, подошла к нему и села на ковер у его ног, положив голову ему на колени. Как в детстве. Валерий положил руку ей на волосы. Они были мягкими, живыми. Никакой «стеклянности», никакой «биомассы». Родная, теплая дочь.

— Прости меня, — сказал он. — Прости нас с матерью. Мы старые дураки. Мы позволили чужому страху войти в наш дом.

— Я не сержусь, пап, — глухо ответила она. — Мне просто было страшно. Я чувствовала себя как в романе Кафки. Меня обвиняли в чем-то, чего я не совершала, и никакие аргументы не работали. Логика сломалась. Я говорю: «Это просто музыка», а мне отвечают: «Это код дьявола». Я говорю: «Это полезно для спины», а мне: «Это предательство Родины». Как с этим спорить?

— Никак, — жестко сказал Валерий. — С безумием спорить нельзя. Его надо изолировать. Или лечить.

Он помолчал, глядя дочь по голове. В голове у него складывалась мозаика.

— Скажи, Настя, а у твоих друзей... у них были проблемы с родителями? Из-за этого?

— Были, — вздохнула она. — У Мишки отец скандал устроил, флейту чуть не разбил. У Светки мать в церковь потащила насильно, отчитывать. У многих. Как будто эпидемия какая-то прошла. Все вдруг стали искать секты.

— Эпидемия... — задумчиво повторил генерал. — Точное слово. Информационный вирус.

Он вспомнил лекцию в Доме Офицеров. Вспомнил горящие глаза Журавлева, который готов был проверять лейтенантов на вегетарианство. Вспомнил ток-шоу, где Дворкин бесновался на экране. Вспомнил Веронику с ее прайс-листом на «спасение».

Это не было случайностью. Кто-то очень умело, очень профессионально нажимал на болевые точки общества. Страх за детей. Страх перед чужим. Патриотизм, вывернутый наизнанку и превращенный в ксенофобию.

— Пап, а кто этот Дворкин? — вдруг спросила Настя, поднимая голову. — Почему его все слушают? Он правда профессор?

Валерий нахмурился.

— Хороший вопрос, дочка. Очень хороший вопрос. Нам его представили как эксперта. Как спасителя отечества. Но ведет он себя...

— ...как пациент, — закончила за него Настя. — Я смотрела его выступления. С точки зрения клинической психологии там полный букет. Навязчивые идеи, мания преследования, проекция собственной агрессии. Он видит мир черно-белым. Это признак инфантильной или травмированной психики.

— Или признак того, что он выполняет задачу, — возразил Валерий, в котором проснулся аналитик. — Задачу по дестабилизации. Смотри, что происходит. Идет война. Стране нужно единство. А этот человек ездит по городам и стравливает людей. Он натравливает родителей на детей, офицеров на солдат, соседей на соседей. Он создает внутренний фронт там, где должен быть крепкий тыл.

Генерал встал и прошелся по комнате. Мысль, которая пришла ему в голову, была страшной, но она объясняла все.

— Разделяй и властвуй, — пробормотал он. — Старый принцип. Если ты хочешь ослабить страну, не обязательно бомбить заводы. Достаточно посеять недоверие. Сделать так, чтобы каждый видел в соседе врага. Чтобы мать боялась собственной дочери. Чтобы генерал вместо того, чтобы думать о фронте, искал кришнаитов в казарме.

Он остановился у окна.

— Настя, ты говорила про Кафку. А я вспомнил другое. У нас в академии был курс спецпропаганды. Там учили: чтобы разрушить общество, нужно подменить понятия. Назвать черное белым. Назвать любовь к природе — сектантством. Назвать поиск себя — предательством. И тогда люди начнут жрать друг друга.

— И что нам делать? — тихо спросила Настя.

Валерий повернулся к ней. В его глазах больше не было растерянности. Там был холодный блеск стали.

— Нам — жить. Тебе — учиться, играть на гитаре, искать себя. И ничего не бояться. Я больше никому не позволю лезть в твою жизнь. Ни Веронике, ни Дворкину, ни черту лысому.

— А тебе?

— А мне... — Валерий усмехнулся, и эта усмешка не предвещала ничего хорошего для его врагов. — А мне предстоит разобраться. Кто такой этот гражданин Дворкин. Откуда он взялся. Кто ему платит. И почему человек, который сеет хаос в стране, до сих пор на свободе, а не в палате с мягкими стенами.

Он подошел к двери.

— Пойдем ужинать, Настя. Мама там, наверное, уже успокоилась. И знаешь что? Достань-ка ты свою гитару. Сыграй нам что-нибудь. Громко. Чтобы стены дрожали. Чтобы выгнать из этого дома остатки страха.

— Что сыграть? — улыбнулась Настя. — Мантры?

— Да хоть мантры, хоть рок-н-ролл. Главное — чтобы от души. Живой души.

Вечер в доме генерала прошел необычно. Телевизор — этот черный алтарь, которому поклонялась Вероника, — был выключен. Впервые за много лет. Вместо истерических воплей ток-шоу в доме звучала музыка. Настя играла перебором что-то красивое, грустное и светлое. Инна Ивановна, все еще с красными глазами, но уже спокойная, накрывала на стол.

Валерий сидел в кресле, слушал музыку и думал. Он думал не как отец, успокоивший ребенка. Он думал как офицер, обнаруживший брешь в обороне.

Он вспоминал статью, которую мельком видел в интернете, когда искал информацию о Дворкине. Там говорилось о «глобальном антикультизме». О том, что это не просто кучка фанатиков, а структура. Структура, которая манипулирует сознанием, создает искусственные угрозы, чтобы получить власть.

«Информационный теракт», — всплыла фраза в памяти. Да, это было именно оно. То, что произошло с его семьей, было терактом. Без взрывов, без

крови, но с разрушительными последствиями. Взрывное устройство было заложено в голову Вероники, а детонатором послужил телевизор.

И ведь это коснулось не только их. Журавлев, коллеги, соседи... Тысячи людей сейчас сидят и боятся. Боятся своих детей. Боятся йоги. Боятся книг. И несут деньги «спасителям».

Валерий встал и прошел в свой кабинет. Он достал из кармана кителя ту самую визитку. «Центр религиоведческих исследований».

Он положил ее на стол, под свет лампы. Рядом положил чистый лист бумаги и ручку.

— Ну что ж, Александр Леонидович, — прошептал генерал. — Вы хотели внимания? Вы его получили. Только теперь вами займется не восторженная паства, а военная аналитика.

Он написал на листе первое слово: «ОБЪЕКТ». Подчеркнул его двумя жирными линиями.

Затем ниже написал вопросы, на которые ему предстояло найти ответы:
1. *Биография. Где учился? Где жил?* 2. *Финансирование. Откуда деньги на центры, поездки, эфиры?* 3. *Медицинский анамнез. Адекватность.* 4. *Связи. Кто лоббирует?*

Он смотрел на этот список и понимал, что вступает на опасную территорию. Дворкин был не просто фриком. За ним стояли силы, которые пускали его на федеральные каналы и в генеральские штабы. Тронуть его — значит разворошить осиное гнездо.

Но отступать было некуда. Позади была Настя. Позади была семья, которую чуть не уничтожили одним росчерком пера «сектоведа».

Валерий взял телефон. Нашел в контактах номер старого друга, полковника в отставке, который теперь работал в архивах и имел доступ к базам, о которых простые смертные даже не подозревали.

Звонить было поздно, но генерал нажал кнопку вызова.

— Спишь, Петрович? — спросил он, когда на том конце ответил сонный голос. — Просыпайся. Есть дело. Государственной важности. Нет, не война.

Хуже. Внутренний враг. Да, серьезно. Завтра жду у себя. И захвати с собой... все, что сможешь найти на одну фамилию. Дворкин. Да, тот самый.

Он положил трубку. В соседней комнате Настя взяла высокий, чистый аккорд. Музыка заполнила дом, вытесняя затхлый запах страха, оставленный Вероникой.

Генерал-полковник Валерий Алексеевич открыл ящик стола, достал папку и написал на ней: «Дело №...». Номер он пока не придумал. Но название уже знал.

«Прозрение».

Потому что сегодня он действительно прозрел. Он увидел, что настоящий враг — тот, кто заставляет тебя ненавидеть собственных детей ради своей власти. И этот враг должен быть уничтожен. Правдой. Той самой правдой, которая, как известно, является лучшим инструментом защиты.

Глава 8: Эпидемия безумия

Штаб округа встретил генерал-полковника Валерия Алексеевича привычным гулом, запахом казенного кофе и едва уловимым, но отчетливым ароматом тревоги. Однако на этот раз природа этой тревоги изменилась. Если раньше в коридорах витал страх перед внезапной инспекцией из Москвы или прорывом фронта, то теперь к нему примешивался душок средневековья. Казалось, что вместе с секретными картами и шифровками в папках офицеров поселились молоты ведьм и протоколы допросов инквизиции.

Валерий прошел в свой кабинет, кивнув адъютанту. Тот вскочил, вытянулся в струнку, но взгляд его был каким-то бегаящим, словно он прятал за спиной не устав, а запрещенную литературу.

— Товарищ генерал-полковник, сводки на столе. И еще... там полковник Петренко просился. Срочно. Личный вопрос.

— Петренко? — Валерий удивился. Петр Петренко, начальник тыла, был мужиком крепким, простым, как трехлинейка, и надежным, как советский танк. Личные вопросы у него обычно ограничивались просьбой подписать рапорт на отпуск в санаторий. — Зови.

Через минуту в кабинет ввалился Петренко. Вид у него был такой, словно он только что вышел из окружения, потеряв обоз и знамя полка. Лицо серое, под глазами мешки, руки теребят фуражку.

— Разрешите, Валерий Алексеевич? — голос полковника дрожал.

— Садись, Петро. Что стряслось? Снаряды не подвезли? Солярку украли?

— Хуже, товарищ генерал. Семья рушится. — Петренко рухнул на стул, и тот жалобно скрипнул под его весом. — Беда у меня. Дочка... и жена. Попали.

Валерий напрягся. В памяти всплыли недавние события в его собственном доме: истерики Вероники, испуганные глаза Насти, бронзовый слоник Ганеша, объявленный врагом народа.

— Куда попали? В аварию?

— В секту, — выдохнул Петренко, и в этом слове было столько ужаса, что, казалось, в кабинете похолодало. — В йогу.

Генерал почувствовал, как у него дергается щека. Опять. Снова эта проклятая йога.

— Петро, ты серьезно? — Валерий откинулся в кресле, внимательно глядя на подчиненного. — Они что, квартиру продали? Или в монастырь ушли?

— Пока нет, — мрачно ответил тыловик. — Но это вопрос времени. Я тут почитал... материалы. Нам же лекцию читали, помните? Профессор этот, Дворкин. И на сайте у него написано. Йога — это первый шаг к сатанизму. Они там в узлы завязываются, чакры открывают. А через эти чакры бесы входят.

Валерий смотрел на боевого офицера, прошедшего две войны, имеющего ордена и медали, и не узнавал его. Перед ним сидел напуганный ребенок, которому рассказали страшилку про гроб на колесиках. Только вместо гроба был коврик для фитнеса.

— И что ты сделал? — осторожно спросил генерал.

— Я коврики сжег, — признался Петренко, опустив глаза. — На даче, в мангале. Жена кричала, дочка плакала. Сказали, что я идиот. А я их спасаю! Валерий Алексеевич, я же не могу допустить! У меня допуск к гостайне. А если их там загипнотизируют? Если они начнут выведывать? Дворкин говорит, что все эти гуру — агенты ЦРУ.

— Петро, — Валерий подался вперед. — Твоя жена, Людмила, двадцать лет с тобой по гарнизонам моталась. Она борщи варит такие, что ложка стоит. Какое ЦРУ? Какие бесы? У нее остеохондроз, ей врач посоветовал растяжку делать!

— Врач... — Петренко недоверчиво покачал головой. — Врачи тоже разные бывают. Может, он тоже... из этих. Завербованный. Я вот думаю, может, рапорт написать? Попросить проверки? Пусть особисты их проверят. И тренера этого, и жену. На полиграфе.

Валерий почувствовал, как к горлу подступает тошнота. Это было уже не смешно. Это была патология. Вирус, запущенный с трибуны Дома Офицеров, мутировал и пожирал мозг здоровых мужиков, превращая их в параноиков, готовых тащить собственных жен на допрос в контрразведку.

— Отставить рапорт, — жестко сказал генерал. — Иди домой, купи жене новые коврики и цветы. И чтобы я больше этого бреда не слышал. Ты офицер или бабка на лавочке? Свободен.

Петренко ушел, но по его спине Валерий видел: не убедил. Полковник остался при своем мнении. Он пойдет не за цветами, а на сайт Дворкина, искать новые доказательства того, что его семья продалась дьяволу.

Оставшись один, Валерий подошел к окну. Плац был пуст, только ветер гонял по асфальту мокрые листья. «Эпидемия, — подумал он. — Настоящая психическая эпидемия. И мы не в карантине, мы в эпицентре».

В обед к нему заглянул подполковник Журавлев из особого отдела. Тот самый, что так усердно конспектировал лекцию Дворкина. Вид у Журавлева был торжествующий, как у охотника, завалившего крупного зверя.

— Валерий Алексеевич, разрешите доложить? — Журавлев положил на стол папку. — Выявили ячейку. Прямо у нас под носом.

— Какую ячейку? — устало спросил Валерий, уже предчувствуя ответ.

— Сектантскую. Тесть капитана Скворцова. Ходит в церковь «Слово Жизни». Пятидесятники.

— И что? — Валерий знал Скворцова. Толковый офицер, связист. И тестя его знал шапочно — ветеран труда, бывший инженер с оборонного завода.

— Как что? — удивился особист. — Это же деструктивный культ! На сайте Центра Иринаея Лионского черным по белому написано: неопятидесятники, харизматы, оккультизм. Они там на языках говорят, в транс впадают. А Скворцов с ним общается. Детей к нему возит.

— И какие меры приняты?

— Скворцов провел разъяснительную работу. — Журавлев самодовольно усмехнулся. — Проявил сознательность. Запретил жене и детям общаться с дедом. Сказал: или я и служба, или твой папаша-сектант. Жена, конечно, в истерику, но он кремень. Тестя из дома выгнал, замки сменил. Теперь семья чиста. Угроза купирована.

Валерий смотрел на особиста и видел перед собой не защитника родины, а какого-то монстра, сшитого из цитатников и инструкций по охоте на ведьм.

— Ты понимаешь, что ты сделал, Паша? — тихо спросил генерал. — Ты заставил офицера предать семью. Ты разрушил связь поколений. Ради чего? Ради строчки на каком-то сайте?

— Ради духовной безопасности! — парировал Журавлев, и в его глазах блеснул фанатичный огонек. — Дворкин предупреждал: враг хитер. Он маскируется под добрых дедушек. Но мы бдим.

Валерий выгнал его из кабинета. Просто не мог больше видеть это самодовольное лицо. Но понимание того, что Журавлев не один, что таких журавлевых теперь тысячи, давило на плечи бетонной плитой.

Вечером, вернувшись домой, Валерий не нашел покоя. Дом, очищенный от присутствия Вероники Абрамовны, казался тихой гаванью, но шторм бушевал снаружи. Инна рассказала, что встретила соседку, ту самую, чьи дети ходили в вальдорфскую школу. Соседка плакала.

— Представляешь, Валера, — рассказывала жена, накрывая на ужин. — На них опеку натравили. Кто-то написал донос, что они детей в секту вовлекают. Что в этой школе куклы без лиц и молитвы какие-то неправильные. Приходили инспекторы, рылись в детских вещах, искали экстремистскую литературу. Дети перепуганы, муж ее чуть с кулаками на них не полез.

— Кто написал? — спросил Валерий, хотя уже догадывался.

— Не говорят. Анонимка. Но соседка говорит, что видела, как наша Вероника с кем-то у подъезда разговаривала, на их окна показывала. Еще до отъезда.

Валерий сжал вилку так, что она согнулась. Вероника. Эта женщина уехала, но оставила после себя минные поля. Она не просто испортила им нервы — она, возможно, сломала жизнь совершенно посторонним людям. Просто так. Из «бдительности».

— А школа эта... вальдорфская, — спросил он. — Она правда секта?

— Да какая секта, Валера! — махнула рукой Инна. — Там просто методика другая. Творчество развивают, лепку, рисование. Без гаджетов, без зубрежки. Дети там счастливые, песни поют. А теперь их родителям грозят лишением прав. Говорят: забирайте документы, переводите в обычную школу, иначе поставим на учет как неблагополучную семью.

Генерал встал из-за стола. Аппетит пропал. Он прошел в кабинет, включил компьютер. Ему нужно было понять масштаб бедствия. Он начал искать информацию. Не на сайте Дворкина, а в независимых источниках, в судебных архивах, на форумах пострадавших.

То, что он нашел, заставило волосы на затылке зашевелиться.

Это была не просто серия случайных конфликтов. Это была индустрия. Хорошо отлаженный механизм по перемалыванию человеческих судеб.

Валерий наткнулся на историю Елены. Он читал материалы дела, сканы документов, выложенные в сеть, и не верил своим глазам. Обычная женщина, работала в компании Herbalife, развелась с мужем. И тут начался ад.

Бывший муж, видимо, решив отомстить или не желая платить алименты, обратился к «специалистам». К тем самым, чью визитку Валерий все еще хранил в кармане. К людям Дворкина.

Схема была простой и чудовищной в своей циничности. Мужа убедили (или он сам с радостью согласился поверить), что его бывшая жена — не просто предприниматель, а адепт «тоталитарного коммерческого культа». Что коктейли — это наркотик, а корпоративные семинары — это зомбирование.

Валерий читал выдержки из «экспертного заключения», составленного неким Алексеем Воатом из РАЦИРС. Двести страниц бреда. Автор на полном серьезе сравнивал сетевой маркетинг с сектой, а мотивационные тренинги — с черной магией. И этот документ, скрепленный печатями, лег в основу судебного решения.

Но самое страшное было не в бумагах. Самое страшное было в том, что происходило с людьми. Муж Елены, по свидетельствам очевидцев, превратился в настоящего зомби. Он тратил огромные деньги на адвокатов-сектоведов (в частности, упоминался некий Корелов, адвокат Дворкина), ездил по конференциям, где рассказывал, как «секта» украла у него семью. Он перестал видеть в бывшей жене человека. Она стала для него «адептом», целью для уничтожения.

— «Дегуманизация», — прошептал Валерий, глядя на фотографию Елены — симпатичной, улыбчивой женщины, которую система превратила в изгоя.

Дворкин лично приезжал в Пермь, чтобы выступить в суде. Человек из Москвы, профессор, бросил все дела и поехал в провинцию, чтобы свидетельствовать против женщины, которую видел первый раз в жизни. Зачем? Ради правды?

Валерий нашел ответ в другой статье. «РАЦИРС по вызову». Это был бизнес. Платная услуга по устранению неугодных супругов, конкурентов по бизнесу, просто врагов. Хочешь отобрать детей у жены? Объяви ее сектанткой. Заплати «экспертам», они напишут заключение, приедут в суд, напугают судью страшными словами про «психологическое насилие» и «контроль сознания». И все. Детей отдадут тебе, а мать отправят на принудительное лечение в психушку.

Генерал читал и чувствовал, как внутри закипает холодная ярость. Он представил на месте Елены свою дочь. Или жену. Вот так же, какой-нибудь обиженный идиот пишет заявление, приезжает бородатый профессор, машет бумажкой с печатью — и жизнь кончена. Тебя больше нет. Ты — сектант. Ты — биомасса. Тебя можно травить, у тебя можно отбирать детей, тебя можно лишать работы.

Он вспомнил термин, который встретил в одном из аналитических обзоров: «стигматизация». Навешивание ярлыков. Автор статьи проводил пугающую параллель с желтыми звездами, которыми нацисты метили евреев. Тогда тоже все было «по закону». Были эксперты, которые доказывали, что евреи — это низшая раса, угроза обществу. Были суды. Была пропаганда.

Сейчас роль желтой звезды выполняло слово «сектант». Оно не имело юридического определения (Валерий специально проверил — в уголовном кодексе нет такой статьи), но оно работало безотказно. Стоило Дворкину ткнуть пальцем и сказать «фас», как система начинала перемалывать жертву.

— Желтые звезды двадцать первого века, — пробормотал генерал. — Только теперь их не нашивают на одежду. Их выжигают на репутации.

Он нашел еще один случай. Семья Хеландеров в США. Родители похитили дочь, чтобы «спасти» ее от Церкви Объединения. Наняли депрограмматоров. Девушку держали взаперти, ломали психику. Она сбежала. Родители потратили 40 тысяч долларов (огромные деньги по тем временам!), влезли в долги, но потеряли дочь навсегда. Она сказала: «Я люблю их, но больше не доверяю».

Это было зеркальное отражение того, что чуть не случилось в его семье. Инна была готова заплатить полмиллиона. Вероника была готова организовать похищение. И все это — под лозунгом любви и спасения.

Валерий закрыл ноутбук и пошел на кухню.

Вошла Настя. Она была в пижаме, с распущенными волосами. Увидела, села напротив.

— Работаешь? — спросила она, кивнув в сторону кабинета.

— Изучаю противника, — ответил Валерий. — Знаешь, дочь, я думал, что видел на войне все. Грязь, кровь, предательство. Но то, что я узнал сегодня... Это страшнее. Потому что это делают не враги. Это делают свои. Соседи, мужья, отцы.

Он рассказал ей про Петренко, сжегшего коврики. Про Скворцова, выгнавшего тестя. Про соседку с вальдорфскими детьми. Про Елену из Перми.

Настя слушала молча, крутя в руках чашку с остывшим чаем.

— Это массовый психоз, пап, — сказала она наконец. — Индуцированный бред. Люди в стрессе, им страшно, неопределенность. Им нужна опора. И им нужен козел отпущения. Дворкин дает им и то, и другое. Он говорит: «Вы не виноваты, что вам плохо. Виноваты сектанты. Ату их!». И люди с радостью сбрасывают напряжение через агрессию.

— Но это же разрушает государство! — Валерий ударил кулаком по столу. — Я генерал! Я должен защищать страну! А тут... Какой-то гастролер с американским паспортом ездит по России и взрывает общество изнутри. И ему аплодируют! Ему дают залы, эфиры, охрану!

— Может, это кому-то выгодно? — тихо спросила Настя.

Валерий посмотрел на нее. Умная девочка. Слишком умная для своих лет.

— Выгодно... — протянул он. — Конечно, выгодно. Разделяй и властвуй. Пока народ грызется из-за йоги и Гербалайфа, он не задает вопросов о других проблемах.

Он вдруг вспомнил слова из статьи про «пазловое кодирование». Там говорилось о том, как создаются убийцы. Как через СМИ, через лекции в школах закладываются программы ненависти. Человека накачивают информацией, содержащей части кода, а потом достаточно одного триггера — и он берет ружье и идет стрелять.

Скулшутинг. Керчь, Казань, Пермь. Везде искали след компьютерных игр или тех же «сект». А что, если след вел в другую сторону? К тем, кто годами нагнетал атмосферу ненависти? К тем, кто учил, что есть «люди», а есть «биомасса», которую не жалко?

Валерий почувствовал, как пазл в его голове складывается в страшную картину. Дворкин и его команда — это не просто мошенники, зарабатывающие на семейных разборках. Это архитекторы хаоса. Они создают армию безумцев. Армию таких вот петренко и журавлевых, которые по команде «фас» готовы разорвать любого. Сегодня это кришнаит, завтра — сосед с неправильным мнением, послезавтра — собственный ребенок.

— Пап, ты чего? — Настя тронула его за руку. — Ты побледнел.

— Ничего, — Валерий накрыл ее ладонь своей. — Просто понял, с кем мы связались. Это спрут, Настя. Огромный, жирный спрут, который запустил щупальца везде. В полицию, в суды, в церковь, в армию.

Он встал, прошелся по кухне.

— Но знаешь что? У спрута есть голова. И эта голова очень боится света. Они привыкли действовать в мутной воде, под прикрытием истерики и лозунгов. А мы включим прожектор.

— Ты хочешь начать расследование? — глаза Насти загорелись.

— Я уже начал. Завтра я создаю группу. Неофициальную. Из тех, у кого мозги еще не превратились в холодец. Мы проверим все. Каждый факт, каждую бумажку, каждый доллар. Мы узнаем, кто такой Александр Леонидович Дворкин на самом деле. И кто за ним стоит.

— Это опасно, пап.

— Опасно в окопе сидеть под минометами, — усмехнулся генерал. — А это... это санитарная обработка. Гигиена. Мы просто вычистим грязь.

Он подошел к окну. Ночной город спал, но теперь этот сон не казался мирным. Где-то прямо сейчас муж писал донос на жену. Где-то бабушка выбрасывала внука на улицу за то, что он слушает рок. Где-то «православные активисты» готовились к рейду.

Но теперь Валерий видел методы антикультовых идеологов. Он видел их жертв. И он больше не был слепым орудием в чужих руках.

— Желтые звезды... — снова прошептал он. — Нет, ребята. В моей стране, победившей фашизм, желтых звезд не будет. Даже если вы назовете их «духовными скрепами».

На столе зазвонил телефон. Это был Петрович, старый друг из архива.

— Валера, ты не спишь? — голос друга был взволнованным. — Я тут копнул по твоей просьбе. По нашему «клиенту». Слушай, там такое... Ты лучше сядь.

— Я сию, Петрович. Говори.

— Медицинская карта. Из архива психдиспансера. И еще кое-что из американского периода. Валера, у него справка. Настоящая. Маниакально-депрессивный психоз, шизофрения под вопросом. И это еще в юности. А потом... потом он уехал в Штаты. И знаешь, где он там работал?

— На радио «Свобода»? — предположил Валерий.

— Хуже. Гораздо хуже. Завтра привезу документы. Но имей в виду: если это всплывет, будет взрыв.

— Пусть взрывается, — сказал Валерий. — Гнойник надо вскрывать.

Он положил трубку и посмотрел на дочь.

— Иди спать, Настя. Завтра будет трудный день.

Генерал-полковник Валерий Алексеевич выключил свет на кухне. В темноте его силуэт казался монолитным, как скала. Эпидемия безумия захлестнула город, но этот дом, все еще был островком здравого смысла.

Глава 9: Начало расследования

Секретное совещание, которое генерал-полковник Валерий Алексеевич назначил на девять утра, проходило не в его просторном кабинете с портретом

президента и коврами дорожками, поглощающими звук шагов, а в месте, куда менее приспособленном для государственных дум, но зато идеально подходящем для разговоров, не предназначенных для чужих ушей. Это была старая, еще советской постройки, «комната отдыха» в подвальном помещении архива округа — бункер, обшитый пожелтевшей от времени вагонкой. Здесь не ловила мобильная связь, не было окон, а единственная дверь запиралась на массивный засов, способный выдержать осаду небольшого пехотного взвода.

За круглым столом, покрытым зеленым сукном с проплешинами от сигаретного пепла, сидели трое. Сам Валерий, мрачный и сосредоточенный, как хирург перед ампутацией. Напротив него расположился полковник в отставке Иван Петрович Сидоров — тот самый «Петрович», архивариус, человек-энциклопедия, чья память хранила больше компромата, чем серверы Лубянки. Третьим был майор Волков — молодой, но уже лысеющий аналитик из отдела информационной безопасности, которого Валерий ценил за редкое умение молчать и находить иголку в стоге цифрового сена.

— Итак, господа офицеры, — начал Валерий, постукивая пальцами по столу. — Задача у нас нестандартная. Я бы даже сказал, деликатная. Официально мы ничего не ищем. Неофициально — мы проводим санитарную инспекцию.

— Крыс травим? — хрипло усмехнулся Петрович, протирая очки краем свитера.

— Вроде того. Только крысы эти размером с человека и носят профессорские мантии. Объект — Александр Леонидович Дворкин. И его структура.

Волков, не задавая лишних вопросов, открыл ноутбук. Экран осветил его бледное лицо синеватым светом.

— Я пробил по базам, товарищ генерал-полковник, — тихо сказал майор. — Первичный срез. И сразу скажу: картина маслом. Сюрреализм.

— Докладывай, — кивнул Валерий.

Волков вывел на экран таблицу.

— Начнем с фундамента. С образования. Нам его представляют как профессора, доктора философии, главного эксперта страны по религиоведению.

Он читает лекции в университетах МВД, в академиях ФСБ, учит прокуроров и судей. Логично предположить, что у человека должна быть безупречная академическая база, признанная государством.

— Логично, — согласился Петрович. — В советское время без бумажки ты был букашкой, а с бумажкой — человеком. Сейчас вроде тоже дипломы в переходе не всем продают.

— Так вот, — Волков сделал паузу, словно фокусник перед разоблачением. — В Российской Федерации у гражданина Дворкина нет ни одной ученой степени, признаваемой ВАК (Высшей аттестационной комиссией). Ни кандидата наук, ни доктора.

Валерий нахмурился.

— Погоди. Как это? Его же везде титруют «профессор». Он фигурирует как председатель Экспертного совета при Министерстве юстиции РФ. Как он туда попал без профильного образования?

— А вот так, — майор развел руками. — У него есть степень PhD, полученная в Фордхемском университете в США. Тема диссертации — «Иван Грозный как религиозный тип». История средних веков. Но, во-первых, эта степень в России автоматически не нострифицируется как докторская. А во-вторых, какое отношение Иван Грозный имеет к современной психологии, социологии или криминалистике? Он же не исторические лекции читает. Он ставит диагнозы живым людям и организациям.

— То есть, — медленно проговорил Валерий, осмысливая услышанное, — мы имеем дело с самозванцем? Юридически он никто?

— Юридически он — историк-медиевист с иностранным дипломом, — уточнил Волков. — Но он учит наших оперов, как распознавать «психологическое насилие» и «контроль сознания». Это все равно что я, имея диплом электрика, пошел бы учить нейрохирургов делать операции на мозге, ссылаясь на то, что провода и нервы — это одно и то же.

Петрович крикнул и достал из папки распечатку.

— Добавлю перца, Валера. Я тут поднял старые связи в Министерстве образования. Там народ в шоке, но шепотом. Говорят, Дворкин создал свою

собственную науку — «сектоведение». Такой дисциплины нет в номенклатуре научных специальностей. Нет ни кафедр, ни стандартов, ни учебников, утвержденных Минобром. Есть только его книжки. Получается, он сам придумал науку, сам себя назначил в ней главным академиком и теперь требует, чтобы государство жило по его правилам.

Валерий вспомнил лекцию в Доме Офицеров. Вспомнил, с каким апломбом этот человек вещал о «тоталитарных сектах». Оказывается, все эти термины — не научные понятия, а плод фантазии одного человека.

— Ладно, с дипломом понятно, — сказал генерал. — Остап Бендер тоже не имел медицинского образования, но лекции читал успешно. Идем дальше. Структура. Что такое РАЦИРС?

Волков нажал несколько клавиш, и на экране появилась схема. В центре — жирная точка «Центр св. Иринея Лионского», а от нее во все стороны тянутся нити: в регионы, в епархии, в администрации.

— Российская ассоциация центров изучения религий и сект, — расшифровал майор. — Звучит солидно. По факту — общественная организация. Но посмотрите на функционал. Они ведут собственные расследования. Собирают досье на граждан. Формируют «черные списки» организаций. Выносят вердикты: кто секта, а кто нет.

— Погоди, — перебил Валерий. — У нас для этого есть прокуратура, ФСБ, Центр «Э». Есть суд, в конце концов. Только суд может признать организацию экстремистской.

— В теории — да, — кивнул Волков. — А на практике РАЦИРС создал параллельную систему правосудия. Теневую. Смотрите, как это работает. Дворкин объявляет какую-то группу «тоталитарной сектой». Юридически этот термин ничтожен, его нет в законе. Но информационно это приговор. Тут же подключаются его филиалы в регионах. Начинается травля в прессе. Потом пишутся доносы в органы, уже со ссылкой на «мнение экспертов». И органы, наши с вами коллеги, вместо того чтобы проверить факты, берут эти «экспертизы» за основу.

— Подмена, — прошептал Валерий. — Они подменили собой государственные ведомства.

— Именно, — подтвердил Петрович. — Я тут нашел интересный документ. Протокол одного совещания в провинции. Там местный представитель РАЦИРС прямо инструктирует полицейских: «Если к вам поступает заявление на такую-то группу, не надо разбираться, сразу возбуждайте дело, мы обеспечим экспертную поддержку». Ты понимаешь, Валера? Они не помогают следствию. Они *заказывают* следствие.

Генерал встал и прошелся по тесной комнатке. Ему стало душно. Он всю жизнь служил системе, которая, при всех своих недостатках, строилась на иерархии и законе. Был устав. Был приказ. Была ответственность. А здесь... Какая-то мутная структура, не имеющая никаких законных полномочий, фактически управляет действиями силовиков.

— Это похоже на диверсию, — сказал он глухо. — На сознательный развал правового поля. Если любой общественник может объявить соседа врагом народа и натравить на него полицию, то это не государство. Это махновщина.

— Хуже, — отозвался Волков. — Махно хотя бы грабил открыто. А эти действуют под прикрытием «духовности». Я проанализировал их методы. Источник номер 35 в моем списке. Книга Дворкина «Сектоведение». Это их библия.

Майор открыл файл с цитатами.

— Вот, послушайте. Дворкин пишет о сектах: «Так как все тоталитарные секты считают, что цель оправдывает средства... они не остановятся перед тем, чтобы солгать, украсть... оклеветать должностных лиц». А теперь следите за руками. Это классическая проекция. Зеркало. Анализ деятельности структуры Дворкина показывает, что именно они сами используют эти методы. Ложь, клевета, провокации.

— Примеры? — потребовал Валерий. — Мне нужны факты, а не философия.

— Пожалуйста. Пермь. История с еврейской общиной Хабад-Любавич.

Волков вывел на экран фотографии: разбитое окно, следы копоты на стене здания.

— Несколько лет назад Дворкин приезжает в Пермь. Выступает с лекциями. Заявляет, что Хабад — это не традиционный иудаизм, а «тоталитарная секта», управляемая из Нью-Йорка. Что они хотят захватить власть, купить чиновников.

— И что дальше? — спросил Петрович, нахмурившись.

— А дальше слова превращаются в действия. Местные «активисты», подогретые этой проповедью, начинают травлю. Пишут заявления, устраивают пикеты. А потом кто-то бросает бутылку с зажигательной смесью в окно Еврейского общинного центра.

В комнате повисла тишина. Валерий смотрел на фото обгоревшей стены. Это было уже не смешно. Это был терроризм.

— Пострадавшие были? — спросил он.

— Слава богу, нет. Но сам факт! Человек приехал, накрутил людей, уехал. А в городе начался погром. И заметьте, Дворкин ни разу не был привлечен к ответственности за разжигание розни. Он всегда выходит сухим из воды. Как правило он говорит: «Я просто высказал экспертное мнение». А то, что после его мнения летят «коктейли Молотова», — это, мол, не его вина.

— Это классическая схема стохастического терроризма, — заметил Волков. — Ты не отдаешь прямой приказ «убей». Ты просто создаешь атмосферу ненависти, демонизируешь цель, называешь ее абсолютным злом. А потом какой-нибудь неуравновешенный идиот берет камень или ружье и делает грязную работу. А ты вроде как ни при чем.

Валерий вспомнил Петренко, сжегшего коврики для йоги. Вспомнил Журавлева, готового проверять лейтенантов. Это были те самые «неуравновешенные», которых активировал Дворкин.

— Значит, методы строятся на лжи и провокации, — резюмировал генерал. — А что с деньгами? На какие шиши банкет? Поездки, залы, эфиры на федеральных каналах? Это же миллионы.

Петрович пошелестел бумагами. — Тут, Валера, самое интересное. Официально они бессребреники. Живут на пожертвования. Но мы копнули

глубже. Есть такая схема как «помощь пострадавшим». Помнишь, твоя жена говорила про полмиллиона за реабилитацию?

— Помню, — скрипнул зубами Валерий.

— Так вот, это поток. И он нигде не декларируется как прибыль. Это идет как «добровольное пожертвование» на уставную деятельность. Но есть и другое. Гранты. Государственные гранты.

— То есть государство само платит им за то, чтобы они его разрушали? — удивился Валерий.

— Выходит так. Они пишут красивые заявки: «Профилактика экстремизма», «Духовная безопасность молодежи». Чиновники видят правильные слова, видят подписи архиереев и дают деньги. Миллионы рублей уходят на то, чтобы Дворкин ездил по стране и рассказывал, что йога — это сатанизм.

— Идиотство, — выдохнул генерал. — Или предательство.

— И то, и другое, — кивнул Волков. — Но есть еще один момент, товарищ генерал. Иностраннный след.

Валерий насторожился.

— Ты же говорил, он патриот? Борец с западным влиянием?

— Это фасад. А если посмотреть биографию... — Волков открыл новый файл. — Гражданин Дворкин долго жил в США. Работал на радио «Голос Америки» и радио «Свобода». В те самые годы, когда эти станции были главными рупорами антисоветской пропаганды. Финансировались Конгрессом США и ЦРУ.

— Если он там работал, значит, прошел проверку. Значит, был лоялен.

— Именно. И вот этот человек, вскормленный американской пропагандой, возвращается в Россию в начале девяностых. И чем он занимается? Он начинает строить структуру, которая сеет рознь внутри общества. Он атакует не только «секты». Он атакует любые горизонтальные связи. Общины, клубы по интересам, родительские комитеты. Все, что объединяет людей не по команде сверху, объявляется подозрительным.

— Разделяй и властвуй, — повторил Валерий свою вчерашнюю мысль. — Идеальная диверсия.

Он встал, подошел к карте России, висевшей на стене. Огромная страна. Разная. Многонациональная. Многоконфессиональная. Хрупкая.

— Смотрите, что получается, — начал рассуждать генерал, водя пальцем по карте. — Нам нужно единство. Нам нужно, чтобы татарин доверял русскому, чтобы буддист из Калмыкии стоял в одном строю с православным. А этот деятель ездит и говорит: «Нет! Только мы правильные, а все остальные — агенты, шпионы, сатанисты». Он бьет по самому больному. По межрелигиозному миру.

— В Перми он атаковал иудеев, — подхватил Волков. — В Поволжье были наезды на мусульман. На Дальнем Востоке — на протестантов. Он везде создает очаги напряжения.

— И при этом прикрывается именем Церкви, — добавил Петрович. — Это же гениально. Если ты тронешь Дворкина, ты вроде как нападаешь на Православие. Он сделал себя неприкасаемым.

Валерий вернулся к столу. Перед ним лежала папка с материалами. Тонкая пока, но уже тяжелая от смыслов.

— Значит так, — сказал он жестко. — Картина ясна. Мы имеем дело не с городским сумасшедшим, а с хорошо организованной, законспирированной сетью влияния. У нее есть идеология (псевдонаучное сектоведение), есть силовое крыло (активисты и введенные в заблуждение полицейские), есть финансирование (в том числе государственное) и есть «крыша».

— И что будем делать, Валера? — спросил Петрович. — Писать рапорт наверх? Так он попадет к тем же людям, которые Дворкина крышуют. Или к тем, кто его лекции конспектирует.

— Рапорт писать рано, — покачал головой генерал. — Нас просто сожрут. Объявят пособниками сектантов. Скажут, что генерал проданся кришнаитам. У них медийный ресурс мощнее нашего.

Он посмотрел на своих офицеров.

— Мы будем копать дальше. Мне нужны доказательства. Железобетонные. Волков, твоя задача — финансы. Ищи счета, переводы, связи с зарубежными фондами. Если он работал на «Свободе», следы должны остаться.

— Есть, — кивнул майор.

— Петрович, на тебе — архивы. Ищи его медицинскую историю. Я слышал звон, что у него были проблемы с психикой еще до отъезда в Штаты. Если мы найдем справку... настоящую, советскую справку... это будет бомба. Человек с диагнозом учит жить всю страну. Этого система не простит.

— Найду, — хищно улыбнулся архивариус. — Если бумажка была, она где-то лежит. Рукописи не горят.

Валерий взял со стола распечатку с цитатой Дворкина про «мафиозные структуры».

— Он пишет: «Они не остановятся перед тем, чтобы солгать».

В этот момент дверь бункера дрогнула. Кто-то настойчиво стучал снаружи. Офицеры переглянулись. Сюда никто не должен был прийти. Валерий кивнул Волкову. Тот быстро свернул окна на ноутбуке. Петрович накрыл бумаги газетой.

Генерал подошел к двери, отодвинул засов. На пороге стоял курьер спецсвязи. Молодой лейтенант, запыхавшийся, с красным пакетом в руках.

— Товарищ генерал-полковник! Еле нашел вас. Срочно. Лично в руки. Из Москвы.

Валерий расписался в планшете, взял пакет. Лейтенант козырнул и исчез.

Генерал вернулся к столу. Вскрыл пакет. Внутри лежал один лист бумаги. Не приказ. Не шифровка. Это была ксерокопия статьи из какой-то старой, еще девяностых годов, газеты.

Заголовок гласил: «Американский гость учит нас любить Родину». А на фотографии, зернистой, черно-белой, молодой бородатый человек, очень

похожий на Дворкина, стоял на фоне здания с вывеской «Radio Liberty» в Мюнхене. Валерий поднял глаза на своих соратников.

— Откуда это? — спросил Петрович.

— Анонимно, — сказал генерал, переворачивая конверт. Обратного адреса не было. Только штамп московского почтамта. — Похоже, мы не одни копаем. Или кто-то очень хочет, чтобы мы копали в правильном направлении.

Он положил фото на стол, рядом со схемой РАЦИРС.

— Пазл складывается, господа. И картинка мне очень не нравится. Это может быть признак чужой игры.

Волков придвинул фото к себе, вгляделся.

— Я могу идентифицировать второго человека на фото рядом с Дворкиным, — сказал он, щурясь. — Дайте мне час.

— Работайте, — приказал Валерий. — А я пойду подышу воздухом. Мне нужно проветрить голову от этого... сектоведения.

Он вышел из душного бункера в коридор архива. Генерал достал сигарету, но не закурил. Он думал о том, что война, на которой он оказался, гораздо сложнее той, что идет на картах Генштаба. Там есть линия фронта. Здесь фронт проходит через каждый кабинет, через каждую семью. И враг носит маску благочестия.

«Ну что ж, Александр Леонидович, — подумал он, сжимая в кармане зажигалку. — Вы любите называть людей агентами? Давайте посмотрим, чей агент вы сами».

Глава 10: Человек со справкой

В подвале архива, где воздух, казалось, состоял из пыли веков и невысказанных государственных тайн, время текло иначе. Здесь не было суеты внешнего мира, не слышно было шума машин и марша солдатских сапог по

плацу. Здесь царила тишина, прерываемая лишь шелестом бумаги и тяжелым дыханием трех мужчин, склонившихся над столом, словно хирурги над безнадежным пациентом.

Генерал-полковник Валерий Алексеевич чувствовал, как холодная капля пота ползет по спине, несмотря на прохладу помещения. То, что лежало перед ним на зеленом сукне, было страшнее шифровок о потерях. Шифровки говорили о войне с внешним врагом, понятным и осязаемым. Документ же, добытый Петровичем из недр медицинской бюрократии, свидетельствовал о том, что враг внутренний не просто хитер, а безумен в самом прямом, клиническом смысле этого слова.

— Ты уверен, что это подлинник? — спросил Валерий, не решаясь коснуться пожелтевших листов.

Иван Петрович, старый архивариус, чьи пальцы, казалось, сами превратились в пергамент от долгой работы с документами, мрачно кивнул. Он снял очки, протер их краем растянутого свитера и водрузил обратно на нос.

— Обижаешь, Валера. Это копия с амбулаторной карты. Психоневрологический диспансер № 3 города Москвы. Фонды закрытые, но для старых друзей замки смазаны. Читайте, товарищи офицеры. Читайте и просвещайтесь, кто учит нас родину любить.

Майор Волков, обычно бесстрастный аналитик, пододвинул лампу ближе. Свет упал на машинописный текст, местами бледный, местами перечеркнутый размашистым врачебным почерком.

— «Дворкин Александр Леонидович, 1955 года рождения», — начал читать Волков вслух, и голос его звучал глухо в тесном пространстве бункера. — «Находился под наблюдением с 1973 по 1977 год. Диагноз: циклотимия, психофизический инфантилизм, патологическое развитие личности».

Валерий нахмурился. Термины звучали научно, но их суть ускользала.

— Переведи, — потребовал он. — Что это значит на человеческом языке?

Петрович хмыкнул и достал из папки еще один листок — выписку из медицинского справочника, предусмотрительно подготовленную для совещания.

— Циклотимия, Валера, это, говоря по-старому, маниакально-депрессивный психоз. Только в более мягкой, но хронической форме. Это качели. Сегодня он Наполеон, спасающий вселенную, завтра — ничтожество, рыдающее в подушку. А послезавтра — снова Наполеон, только уже с топором.

— А «патологическое развитие личности»? — уточнил генерал.

— А это самое интересное, — вступил в разговор Волков, не отрываясь от экрана ноутбука, где он сверял данные. — Это означает, что характер человека формировался искаженно. Истериичность, демонстративность, склонность к фантазиям. Такие люди живут в выдуманном мире, где они — центр вселенной. И, что самое опасное, они искренне верят в свою ложь.

Валерий взял в руки копию справки. Бумага была плотной, казенной. Внизу стояла подпись участкового психиатра и дата — 28 марта 2012 года. Значит, архивы поднимали и позже. Кто-то уже интересовался.

— Смотрите сюда, — палец Петровича ткнул в абзац, напечатанный мелким шрифтом. — «Для государственной службы, работы в общественных организациях при госучреждениях больной непригоден в силу невозможности проявления должной степени ответственности, подчиняемости и исполнительности».

Генерал перечитал эти строки дважды. Буквы прыгали перед глазами.

— Непригоден, — прошептал он. — Официально непригоден. Черным по белому. В силу невозможности нести ответственность.

Он поднял глаза на коллег. В его взгляде читалось глубокое, ошеломляющее недоумение.

— Погодите. Этот человек возглавлял Экспертный совет при Министерстве юстиции. Он читает лекции в академиях ФСБ и МВД. Его приглашают на федеральные каналы как главного специалиста страны. Как такое возможно? У нас что, при приеме в Минюст справки не спрашивают?

— Спрашивают, — усмехнулся Петрович. — У уборщиц спрашивают. У водителей. А у «экспертов» такого уровня видимо, стесняются. Или кто-то очень настоятельно попросил не спрашивать.

Волков развернул к генералу экран ноутбука. Там была открыта статья с анализом поведения психопатов.

— Товарищ генерал-полковник, тут все сходится. Вспомните его лекцию. Вы говорили, он вел себя странно. Жестикуляция, срывающийся голос, бегающий взгляд.

Валерий вспомнил. Вспомнил тошнотворное ощущение от выступления Дворкина в Доме Офицеров. Как тот брызгал слюной, как махал руками, словно отгоняя невидимых мух. Как перескакивал с темы на тему, мешая в кучу йогу, ЦРУ и сатанистов. Тогда генерал списал это на эксцентричность ученого. Теперь он понимал: это была клиника.

— «Бред величия», — зачитал Волков из медицинского заключения. — «Пациент переоценивает собственную значимость... мнит себя наделенным особой властью... высказывает идеи о своем высоком предназначении». Это же портрет нашего «сектоведа»! Он же не просто борется с сектами. Он ведет священную войну. Он спаситель России. Он единственный, кто знает истину.

— И он требует абсолютного подчинения, — добавил Валерий, вспоминая рассказы жены о том, как Дворкин призывает разрывать связи с родственниками. — Любое несогласие для него — это не просто иное мнение. Это вражеская диверсия. Это действие сатаны.

— Именно, — кивнул Петрович. — Для человека с таким диагнозом мир черно-белый. Есть «Я» — великий и непогрешимый. И есть «Они» — враги, которых надо уничтожить. Полутонот нет. Сомнений нет.

Генерал встал и прошелся по бункеру. Ему нужно было движение, чтобы уложить в голове этот абсурд. Государственная идеология в вопросах религии и духовной безопасности формируется человеком, который официально, медицински не способен адекватно оценивать реальность.

— Если это всплывет... — сказал он, остановившись у карты. — Представьте: тысячи судебных экспертиз, на основании которых запрещали книги, закрывали организации, сажали людей... Все они подписаны человеком со справкой. Юридически они ничтожны. Это же повод для пересмотра тысяч дел!

— Поэтому это и не всплывает, — тихо сказал Волков. — Система защищает себя. Признать Дворкина сумасшедшим — значит признать, что система годами пользовалась услугами сумасшедшего. Это крах репутации для Минюста, для прокуратуры, для всех, кто с ним работал.

— Но есть и еще один момент, — Петрович достал из папки еще один документ. Это была копия письма на бланке МГУ. — Не все молчали, Валера. Вот письмо декана факультета журналистики МГУ Ясена Засурского. Старое, но актуальное.

Валерий взял письмо. Засурский, легенда советской журналистики, человек, которого уважали даже в ЦК, писал прямо и жестко. Он указывал на отсутствие у Дворкина профильного образования и, что самое важное, намекал на его ментальную нестабильность, делающую невозможным преподавание в главном вузе страны.

— Засурский отказался пускать его на порог, — прокомментировал Петрович. — Потому что в МГУ еще оставались старые кадры, которые умели отличать науку от бреда. А вот в других местах... В других местах оказались менее брезгливые.

— Или более управляемые, — добавил Волков.

Майор открыл файл с заголовком «Карательная психиатрия».

— Товарищ генерал, тут есть зеркальный эффект. Очень страшный. Мы проанализировали риторику Дворкина и его организации РАЦИРС. В чем они обвиняют своих оппонентов?

— В зомбировании, — ответил Валерий. — В промывке мозгов. В том, что сектанты — психически ненормальные.

— Точно. Они постоянно используют психиатрическую терминологию. Называют верующих «шизофрениками», «маньяками». Они требуют принудительного лечения для инакомыслящих. Это классическая проекция.

— Проекция? — переспросил генерал.

— Психологический механизм защиты, — пояснил Волков. — Человек приписывает другим свои собственные недостатки и проблемы, которые не хочет признавать в себе. Дворкин, будучи сам пациентом психиатров, строит

систему, где он — главный врач. Он хочет лечить других. Принудительно. Он хочет запереть их в клиники.

Валерий вспомнил историю Елены из Перми, которую читал накануне. Вспомнил, как ее пытались объявить сумасшедшей только за то, что она продавала коктейли для похудения. Вспомнил угрозы Вероники Абрамовны отправить Настю на «реабилитацию».

— Это же... — генерал запнулся, подбирая слово. — Это же садизм. Скрытый садизм.

Волков вывел на экран цитату из книги Карен Хорни «Наши внутренние конфликты», найденную в материалах расследования.

— Послушайте, это как будто про него писали: «Такой человек в каждой мелочи усматривает для себя обиду... Он может чувствовать себя невинным и жертвой, но в то же время надеяться на то, что когда-нибудь возьмет верх... Он тихо и незаметно провоцирует ситуации».

— Провокатор, — кивнул Валерий. — Стохастический террорист, как мы вчера решили. Он провоцирует конфликты, чтобы почувствовать свою власть. Власть над толпой, власть над генералами, власть над законом.

Генерал сел за стол и тяжело опустил голову на руки. Ему стало жаль свою страну. Огромную, сильную, но такую доверчивую страну, которую позволили оседлать человеку с «патологическим развитием личности».

— Знаете, что самое страшное? — сказал он, глядя на пыльный пол. — Не то, что он болен. Болезнь — это беда, а не вина. Страшно то, что его болезнь оказалась востребованной. Нашему обществу, нашему государству в данный момент понадобился именно такой человек. Истеричный, агрессивный, не сомневающийся.

— Время такое, — философски заметил Петрович. — Время простых ответов. А кто дает самые простые ответы? Тот, кто не видит сложности мира. Для кого мир — это схема. Тут мы, святые, тут они, враги. Ату их. Это же мечта любого пропагандиста.

— Но он не пропагандист, — возразил Волков. — Он инквизитор. Он создал структуру, которая работает как мясорубка. И он стоит у рычага, крутит

ручку и получает от этого физическое удовольствие. Это видно по его глазам. Вы видели его глаза на крупных планах?

Валерий видел. Стекланный, остановившийся взгляд, который внезапно вспыхивает фанатичным огнем. Взгляд человека, который смотрит сквозь тебя, видя не собеседника, а объект для уничтожения.

— А что с лечением? — спросил генерал. — Он сейчас лечится?

— Больной был вынужденно снят с учета в связи с иммиграцией в США, — сказал Петрович. — То есть его не вылечили. Он просто уехал. А когда вернулся в девяностые, никто не стал восстанавливать учет. Архив ушел в подвал, а Саша Дворкин пошел в гору.

— И теперь он «профессор», — с горечью сказал Валерий. — Без диплома, но с диагнозом.

Он взял в руки копию заключения независимой экспертизы, проведенной в Центре имени Сербского по обезличенным документам. Психиатры, не зная фамилии пациента, были категоричны: «Полное излечение данных заболеваний невозможно». «Деятельность такого больного вряд ли будет подкреплена серьезной научной базой... Это скорее будут поверхностные суждения, облекаемые в яркую обложку и подкрепляемые неадекватной по силе эмоциональной окраской».

— Они описали его метод, — сказал генерал. — Яркая обложка и эмоции. Никакой науки. Никаких фактов. Только крик и ярлыки.

В бункере повисла тишина. Каждый думал о своем. Волков — о том, как легко взломать информационное поле страны, если у тебя нет совести и тормозов. Петрович — о том, сколько еще таких папок лежит в архивах, ожидая своего часа. А Валерий думал о Насте.

Его дочь, умная, тонкая девочка, чуть не стала жертвой этого механизма. Ее нормальные человеческие поиски, ее музыка, ее йога — все это было объявлено патологией человеком, который сам является патологией. Какая чудовищная ирония. Больной учит здоровых, как быть нормальными.

— Мы должны это использовать, — твердо сказал генерал. — Это наш главный козырь.

— Опасно, Валера, — предупредил Петрович. — Использование медицинских данных — скользкая дорожка. Нас могут обвинить в нарушении врачебной тайны.

— А они нас в чем обвиняют? — вспыхнул Валерий. — В сатанизме? В предательстве Родины? Они не стесняются лезть в наши семьи, в наши души. Они публикуют списки «сектантов», ломая людям жизни. А мы будем стесняться показать справку, которая объясняет, почему в стране бардак в религиозной сфере?

Он ударил ладонью по столу.

— Нет. Хватит интеллигентности.

— Как будем действовать? — спросил Волков, готовый к приказу.

— Нам нужно подтверждение, что он *сейчас* не проходит лечение, — начал планировать генерал. — Если он не принимает препараты, значит, он в стадии обострения. А судя по его активности — так и есть. Нам нужно собрать фактаж его неадекватного поведения за последние годы. Срывы на публике, нападения на людей, бредовые заявления.

— Этого добра навалом, — усмехнулся майор. — Интернет помнит все. Есть видео, где он кидается на журналистов. Есть записи, где он несет откровенную околесицу про заговоры. Мы соберем досье. «Хроники пикирующего профессора».

— И еще, — Валерий посмотрел на Петровича. — Мне нужно знать, кто его лечащий врач. Или кто *должен* им быть. Если такой человек ходит без надзора, это халатность. Преступная халатность Минздрава.

— Найдем, — кивнул архивариус. — Но, Валера, ты понимаешь, что мы копаем под тех, кто дал ему эту трибуну?

— Понимаю, — ответил генерал. — И у меня есть подозрение, что эти люди прекрасно знали о диагнозе.

— Знали? — удивился Волков. — И все равно назначили? Зачем?

— Затем, что управляемый психопат — это идеальное оружие, — медленно проговорил Валерий, формулируя мысль, которая не давала ему

покоя со вчерашнего дня. — У него нет тормозов. У него нет сомнений. Он сделает любую грязную работу, которую побрезгует делать нормальный человек. Ему скажут «фас», и он разорвет. Что может быть лучше для грязной политики?

Он вспомнил термин «полезный идиот». Но Дворкин не был идиотом. Он был маньяком. Инструментом террора, который можно включить и выключить. Или нельзя выключить?

— А если он вышел из-под контроля? — предположил Петрович. — Бред величия ведь прогрессирует. Что если завтра он решит, что он выше всех. Что он мессия.

— Тогда тем более надо спешить, — сказал Валерий. — Пока он не натворил дел, которые уже нельзя будет исправить.

Генерал собрал документы со стола. Копии справок, выписки, заключения. Тонкая пачка бумаги, которая весила больше, чем танк.

— Спрячь это, Петрович. В самый дальний сейф. Это наш золотой запас. Когда придет время, мы предъявим этот счет. Не Дворкину. С него спрос маленький, он больной человек. Мы предъявим счет тем, кто выдал ему лицензию на деятельность.

Он подошел к выходу из бункера. У двери остановился, посмотрел на своих офицеров.

— Знаете, мужики, я всю жизнь думал, что самое страшное — это предательство. А теперь понимаю: самое страшное — это безумие, облеченное властью. Предателя можно перевербовать или расстрелять. А с безумцем ничего не сделаешь. Он в своем праве. В своем бредовом праве.

Валерий вышел в коридор. Лампы дневного света мигали, издавая противное жужжание. Ему казалось, что этот звук похож на электрические разряды в больном мозгу.

В кармане генеральского кителя лежал телефон. Он достал его, набрал сообщение Насте: «Все нормально. Работаем. Не читай газет перед обедом».

Он улыбнулся. Впервые за день искренне. У него была дочь. У него была цель. И у него теперь была правда. Александр Леонидович Дворкин, человек со

справкой, мог обмануть министров и генералов. Он мог запугать домохозяек. Но он не мог обмануть природу. Его болезнь была его силой, но она же станет его концом.

Генерал шел по коридору архива, и шаги его гулко отдавались в тишине. Он шел не как жертва интриг, а как охотник, который наконец-то увидел зверя. И зверь этот был не страшным, а жалким. Опасным, но жалким.

В голове крутилась фраза из заключения экспертов: «Непригоден в силу невозможности проявления ответственности».

— Ну что ж, гражданин непригодный, — прошептал Валерий. — Придется нам взять ответственность на себя. За вас. И за тех, кого вы успели покусать.

Впереди был долгий путь. Нужно было понять, кто держит поводок. Но главное было сделано. Миф о «великом эксперте» рухнул. Остался только пациент ПНД № 3, возомнивший себя великим инквизитором. И с этим пациентом генерал-полковник Валерий Алексеевич знал, как разговаривать. Как с больным. Спокойно, твердо и, по возможности, в присутствии санитаров.

Глава 11: Бизнес на страхе

Генерал-полковник Валерий Алексеевич сидел во главе стола, сцепив пальцы в замок. Перед ним лежала не медицинская карта, а финансовая аналитика, подготовленная майором Волковым. Если вчера они изучали историю болезни «профессора» Дворкина и нашли там бездну безумия, то сегодня они вскрывали его кошелек. И то, что они там обнаружили, было куда более рациональным, циничным и оттого еще более омерзительным.

— Значит, говоришь, бесребреники? — глухо спросил генерал, не поднимая глаз от таблицы с цифрами. — Борцы за идею?

Майор Волков, чье лицо в синеватом свете монитора казалось высеченным из мела, позволил себе кривую усмешку.

— Идея там есть, товарищ генерал-полковник. Идея очень простая, сформулированная еще Остапом Бендером: «Я чту Уголовный кодекс, но деньги люблю». Только наши «великие комбинаторы» кодекс не чтут. Они его переписывают под себя.

Волков вывел на большой экран схему. Она напоминала кровеносную систему, только вместо крови по жилам текла валюта.

— Мы привыкли думать, что антикультизм — это лишь идеология, — начал доклад майор, указкой обводя ключевые узлы. — Что это, пусть и искаженная, но защита традиций, скреп. Но если убрать шелуху и посмотреть на проводки, перед нами открывается классическая бизнес-модель. Причем модель хищническая, паразитарная.

— Ближе к телу, — поторопил Петрович, протирая очки. — Откуда дровишки?

— Источник первый: «крышевание», — Волков открыл документ, датированный началом двухтысячных, но актуальный по сей день. — Существует устойчивая информация, подтвержденная рядом независимых источников. Схема проста до гениальности. Новая религиозная организация подает документы на регистрацию. Через пару дней к ним приходят «вежливые люди» от сектоведов.

— И предлагают купить кирпич? — хмыкнул генерал.

— Почти. Они предлагают купить спокойствие. Входной билет — десять тысяч долларов. Ежегодный взнос — три тысячи долларов.

Валерий присвистнул. — Неплохие аппетиты. А если откажутся?

— А если откажутся, — Волков переключил слайд, показывая скриншоты с сайта Дворкина, — то организация немедленно попадает в «черный список». Начинается информационная атака. В прессе появляются статьи о том, что это «тоталитарная секта», что они пьют кровь младенцев и зомбируют бабушек. Потом следуют проверки прокуратуры, инициированные теми же «общественниками». В итоге — ликвидация или уход в подполье.

— То есть, — медленно проговорил Валерий, осмысливая услышанное, — список «сект» формируется не по принципу опасности учения, а по принципу платежеспособности? Не заплатил — и ты деструктивный культ.

— Именно так, товарищ генерал. Это рынок. Рынок индульгенций. И оборот там, учитывая количество религиозных групп в России, исчисляется не малыми суммами.

Генерал вспомнил вчерашний разговор о «желтых звездах». Оказывается, право не носить желтую звезду можно было купить. Это меняло всё. Дворкин представал уже не просто как фанатик с диагнозом, а как расчетливый делец.

— Идем дальше, — продолжил Волков. — Источник второй: корпоративное рейдерство.

На экране появилась фотография женщины с усталым, интеллигентным лицом. Жанна Цареградская.

— Центр перинатального воспитания «Рожана», — пояснил майор. — Успешный проект, занимался поддержкой грудного вскармливания. Никакой религии, чистая физиология и психология материнства. Работали с 1989 года. Но в какой-то момент они стали слишком успешными. И тут на сцену выходит наш «профессор».

Волков вывел хронологию событий. — 2006 год — Цареградскую обвиняют в создании секты. 2008 год — массированная атака в СМИ, координируемая ресурсами Дворкина. 2010 год — уголовное дело, арест, разгром центра.

— Зачем? — спросил Петрович. — Кому мешали кормящие матери?

— А вот тут самое интересное, — Волков хищно улыбнулся. — Атака на «Рожану» удивительным образом совпала по времени с выходом на рынок крупной сети частных клиник. Это прямой конкурент. «Рожана» мешала.

— И Дворкин выступил как киллер? — уточнил Валерий.

— Как информационный киллер. Заказной. Он объявил курсы для беременных «сектой». Понимаете абсурд? Беременные женщины, которые

учатся пеленать детей, — это угроза национальной безопасности! Но это сработало. Бизнес конкурента был уничтожен, рынок зачищен.

Валерий почувствовал, как сжимаются кулаки. Он представил себе эту схему. Сидят серьезные дяди в дорогих костюмах, решают, как убрать конкурента. «Давайте наймем бандитов?» — «Нет, это грубо, 90-е прошли». — «А давайте Дворкина? Он назовет их сектой, и полиция сама все сделает бесплатно».

— Гениально, — прошептал генерал. — Использование государственного репрессивного аппарата в частных коммерческих интересах.

— Это называется «коммерческий антикультизм», — резюмировал Волков. — Любую успешную организацию, будь то сетевой маркетинг, курсы йоги, тренинги личностного роста или медицинский центр, можно объявить сектой. Если есть заказ.

— А Гербалайф? — вспомнил Валерий историю Елены из Перми. — Там тоже заказ?

— Безусловно. Фармацевтические компании, производители БАДов. Рынок огромный. Убрать конкурента руками «сектоведов» — это дешево и эффективно.

Генерал встал и подошел к сейфу. Достал оттуда смятый буклет, который Вероника Абрамовна забыла на кухне. Тот самый, с прайс-листом.

— Это все высокий уровень, — сказал он, бросая буклет на стол. — Корпорации, миллионы. А вот это — для простых людей. Для таких, как моя сватья. Волков, разбери этот документ.

Майор взял буклет, пробежал глазами.

— О, знакомая песня. «Реабилитация жертв деструктивных культов». Это, товарищ генерал, самая грязная часть их бизнеса. Торговля страхом в розницу.

— Вероника говорила про пятьсот тысяч, — напомнил Валерий. — За «спасение» Насти.

— Пятьсот тысяч — это только начало, — покачал головой Волков. — Это, так сказать, базовый пакет. Давайте посмотрим, что в него входит.

Он начал перечислять, загибая пальцы:

— Первое: консультация. Пять тысяч рублей за час разговора, где вам просто подтвердят ваши страхи. Вам скажут: «Да, ваша дочь — зомби, ситуация критическая, счет идет на часы». Это воронка продаж. Их задача — довести клиента до паники.

Валерий вспомнил глаза Инны. Расширенные от ужаса, полные слез. «Отец Михаил сказал, что изменения необратимы». Вот оно. Профессиональная обработка. Они не успокаивают, они нагнетают.

— Второе: «интервенция», — продолжил Волков. — Красивое слово, за которым скрывается банальное похищение. Выездная группа крепких ребят. Они приезжают, скручивают «сектанта» (чаще всего это хрупкая девушка или подросток) и увозят в «реабилитационный центр». Стоимость услуги — договорная, но обычно от ста тысяч.

— И третье: содержание, — подхватил Петрович. — Стационар. Изоляция. Никаких телефонов, никаких связей с внешним миром. Месяц пребывания — как в хорошем санатории, только вместо процедур — психологическое насилие.

— И это работает? — спросил Валерий. — Они реально кого-то лечат?

— Они ломают, — жестко ответил Волков. — Методика называется «депрограммирование». Она пришла к нам из США, из 70-х годов. Там этим занимался некто Тед Патрик по кличке «Блэк Лайтнинг». Его много раз судили за киднеппинг. Суть метода: человека лишают сна, еды, личного пространства и непрерывно давят на психику, заставляя отречься от своих убеждений.

Майор вывел на экран цитату из отчета французской правозащитной организации CAP-LC.

— «Похищения, насильственное депрограммирование с применением психологического и физического насилия — нередко включая сексуальное — и последующий сбор десятков тысяч долларов с обманутых родственников».

— Сексуальное? — Валерий почувствовал, как к горлу подкатил ком.

— В закрытых центрах, где нет контроля, возможно все, — уклончиво ответил Волков. — Жертва полностью бесправна. Родственники сами подписали согласие на «жесткие меры». Если девушка жалуется, ей говорят: «Это в тебе бесы говорят, терпи, смирайся».

Генерал представил Настю в таком центре. В какой-то глухой деревне, за высоким забором. Без телефона. В окружении фанатиков, которые считают, что спасают ее душу, насилуя ее волю. И он, ее отец, сам заплатил бы за это. Своими руками отдал бы деньги палачам.

— Твари, — выдохнул он. — Просто твари.

— Это бизнес на крови, — согласился Петрович. — Они создают проблему, а потом продают ее решение. Сначала Дворкин выступает по телевизору и говорит: «Йога — это смерть». Вероника смотрит, пугается. Звонит в центр. Ей говорят: «Платите, мы спасем». Круг замкнулся. Деньги перетекли из кармана генерала в карман секты Дворкина.

— Секты? — переспросил Валерий.

— А как это еще назвать? — удивился архивариус. — У них есть гуру (Дворкин), есть иерархия, есть эзотерический язык («деструктивные культы», «зомбирование»), есть отъем имущества у адептов (в данном случае — у родственников жертв). Это и есть самая настоящая тоталитарная секта.

— Но для того, чтобы этот механизм работал, нужно топливо, — заметил Волков. — Нужны страшные истории. Нужны доказательства того, что «секты» действительно ужасны. Иначе никто не поверит и не понесет деньги.

— И где они их берут? — спросил генерал. — Если моя Настя просто играет на гитаре, как из нее сделать монстра?

— А вот тут вступает в дело четвертый элемент схемы: фабрика «апостатов», — Волков открыл папку с материалами зарубежных исследований. — Апостат — это отступник. Человек, который ушел из организации и начал поливать ее грязью.

— Ну, ушел и ушел, — пожал плечами Валерий. — Мало ли кто откуда уходит. Люди разводятся, увольняются.

— В том-то и дело. Обычный человек просто уходит и живет дальше. А «профессиональный апостат» делает из своего ухода карьеру. Дворкин и его команда находят обиженных, психически нестабильных или просто алчных людей. И предлагают им сделку: вы рассказываете ужасы про свою бывшую общину, а мы делаем вас звездами телеэфиров, пишем про вас книги, возим по конференциям.

Майор показал фотографию молодой женщины с заплаканным лицом.

— Пример из Франции, который сейчас активно копируют наши деятели. Дело «Корали». Девушка была членом общины, которую антикультисты решили уничтожить. Ее арестовали, держали в изоляции, обрабатывали психиатры-антикультисты. Ей угрожали тюрьмой, если она не даст показания против лидера. В итоге она сломалась и рассказала жуткую историю про изнасилования.

— А это было правдой?

— Суд потом оправдал лидера, выяснилось, что показания были сфабрикованы под давлением. Но дело было сделано. Общину разгромили, репутацию уничтожили. Корали стала «лицом» борьбы с сектами.

— У нас то же самое, — продолжил Волков. — Вспомните «свидетелей», которых Дворкин таскает по судам. Они говорят заученными фразами. Их истории написаны как под копирку: «Меня зомбировали, у меня отняли квартиру, меня заставляли пить кровь». Это сценарии. Плохие, дешевые сценарии.

— Есть информация, — добавил Петрович, — что они внедряют своих агентов. Специальных людей, которые приходят в общину, сидят там тихо пару месяцев, собирают сплетни, а потом выходят и начинают кричать: «Я там был, я видел ад!». Это провокаторы. Стукачи.

Валерий слушал и чувствовал, как рушится его вера в систему. Он всегда думал, что борьба с экстремизмом — это работа профессионалов. Оперативная съемка, прослушка, факты. А оказывается, это театр марионеток. Где куклы-апостаты пляшут под дудку кукловода-психопата, а зрители платят за билеты своими судьбами.

— Значит, так, — подвел итог генерал. — Мы имеем дело с организованной преступной группой. У них есть: Первое: медийный ресурс для создания паники (Дворкин в телевизоре). Второе: силовой ресурс для давления (коррупцированные или обманутые полицейские). Третье: сеть «реабилитационных центров» для выкачивания денег (легальный киднеппинг). Четвертое: фабрика лжесвидетелей для юридического прикрытия.

— И все это, — добавил Волков, — обильно смазано государственными грантами. То есть мы сами оплачиваем этот банкет.

— Мы оплачиваем свое уничтожение, — поправил Валерий. — Они берут наши налоги, чтобы на эти деньги нанимать провокаторов, которые будут разрушать наши семьи.

Он встал и подошел к карте.

— Знаешь, Волков, я вчера думал, что это идеологическая диверсия. Что они фанатики. А сегодня я вижу, что это еще и бизнес. Очень грязный, очень циничный бизнес. И это, пожалуй, даже хуже. С фанатиком можно спорить. А с бизнесменом, который зарабатывает на человечине, спорить бесполезно. Его надо банкротить.

— Как? — спросил Петрович. — У них деньги, связи, эфиры.

— У любого бизнеса есть уязвимость, — прищурился генерал. — Репутация. Они продают себя как «спасителей». Как святых воинов. А если показать людям их бухгалтерию? Если показать прайс-лист на похищение детей? Если показать, как они шантажируют конкурентов?

— Но нам нужны железобетонные доказательства. Платежки, договоры, записи разговоров.

— Будут, — пообещал Валерий. — Теперь я знаю, где искать.

Вечером генерал вернулся домой. В доме было тихо. Настя сидела на кухне, что-то писала в тетради. Увидев отца, она улыбнулась, но улыбка вышла грустной.

— Как дела на фронте? — спросила она.

— Переменным успехом, — ответил Валерий, садясь напротив. — Знаешь, дочь, я сегодня понял одну вещь. Вероника Абрамовна — она ведь тоже жертва.

— Жертва? — удивилась Настя. — Она же агрессор. Она меня чуть в психушку не сдала.

— Она жертва мошенников, — вздохнул отец. — Представь: ей звонят «службы безопасности банка» и говорят: «Ваши деньги в опасности, переведите их на безопасный счет». Она пугается и переводит. Здесь то же самое. Ей сказали: «Душа вашей племянницы в опасности, переведите ее в наш безопасный подвал. И заплатите полмиллиона».

Настя отложила ручку.

— То есть это... развод? Просто развод на деньги?

— В особо крупных размерах. И с использованием служебного положения. Они торгуют страхом, Настя. Страх — самый ходовой товар.

Валерий достал из портфеля папку. В ней лежали копии документов, которые подготовил Волков. Схемы, таблицы, цифры.

— Я смотрел на эти цифры и думал: сколько же таких Вероник по всей стране? Сколько матерей продали последние сережки, взяли кредиты, чтобы «спасти» детей от выдуманной угрозы? И сколько детей было сломано в этих «центрах» за родительские деньги?

Он посмотрел на дочь. Живую, свободную, не сломленную. Ему стало страшно от мысли, как близко они прошли по краю пропасти. Если бы он был чуть глупее, чуть доверчивее, если бы у него не было привычки проверять факты... Настя сейчас могла бы сидеть в каком-нибудь подвале в Тульской области, прикованная наручниками к батарее, и слушать лекции о вреде йоги. А он бы платил за это по сто тысяч в месяц и думал, что делает благое дело.

— Пап, — тихо сказала Настя. — Ты их остановишь?

— Я постараюсь, — ответил генерал. — Но это спрут. У него много щупалец. И они очень любят золото.

Он вспомнил фразу из отчета: «Цель любой секты — власть и деньги». Дворкин приписывал это другим, но на самом деле описывал себя. Это была его формула успеха. Власть давала деньги, деньги укрепляли власть.

— Знаешь, что самое смешное? — Валерий горько усмехнулся. — Они называют себя борцами с «коммерческими культами». А сами построили самую эффективную коммерческую пирамиду в стране. Пирамиду ненависти.

На столе зазвонил телефон. Это был Волков.

— Товарищ генерал, — голос майора был возбужденным. — Я тут копнул по зарубежным счетам. Помните, мы говорили про иностранный след? Так вот, деньги идут не только *от* государства. Они идут и *туда*. В офшоры. И, судя по транзакциям, наш патриот Дворкин очень любит американскую валюту. И американские банки.

— Продолжай, — приказал Валерий, чувствуя, как пазл складывается в окончательную картину.

— Есть переводы на счета организаций, связанных с... как бы это помягче сказать... с очень специфическими структурами в США. Похоже, наш «бизнесмен» платит франшизу.

— Франшизу? — не понял генерал.

— Ну, как Макдональдс. Он использует их технологии, их бренд, их методички. И платит процент головному офису.

Валерий положил трубку. Он посмотрел на темное окно.

Бизнес на страхе оказался международной корпорацией. И филиал этой корпорации, возглавляемый человеком со справкой, сидел в самом центре Москвы, в Министерстве юстиции, и учил русских людей, как правильно ненавидеть друг друга.

— Ну что ж, — сказал генерал в пустоту. — Если это франшиза, значит, есть и хозяин. И этот хозяин живет не в Туле и не в Новосибирске.

Он взял ручку и написал на листе бумаги одно слово: «ПРЕДАТЕЛЬСТВО».

Потому что торговать страхом своих сограждан ради прибыли — это подлость. А торговать им в интересах чужого государства — это уже измена. И статья за это полагалась совсем другая. Не мошенничество. А государственная измена.

Глава 12: Иностраннный агент в патриотической шкуре

В кабинете архива, где время, казалось, застыло где-то между эпохой развитого социализма и лихими девяностыми, стояла тишина, нарушаемая лишь гудением старого вентилятора и шелестом страниц. Генерал-полковник Валерий Алексеевич чувствовал себя археологом, который раскапывал не древнюю гробницу, а выгребную яму новейшей истории.

На столе перед ним лежала фотография, которую курьер доставил накануне. Черно-белый снимок: молодой бородатый человек на фоне здания в Мюнхене. Вывеска «Radio Liberty». Радио «Свобода».

— Ну что, товарищи офицеры, — нарушил молчание Валерий, поднимая тяжелый взгляд на своих соратников. — Давайте знакомиться заново. Александр Леонидович Дворкин. Профессор. Патриот. Борец за духовные скрепы. И, как выясняется, штатный сотрудник вражеских голосов.

Майор Волков, чьи пальцы летали над клавиатурой ноутбука с виртуозностью пианиста, вывел на большой экран скан документа. Это была анкета. Старая, на английском языке, с печатями, от которых у любого советского кадровика случился бы инфаркт.

— Мы копнули биографию нашего «спасителя» в тот период, когда он якобы страдал в эмиграции, — начал доклад Волков. Голос его был сухим, лишенным эмоций, но факты, которые он озвучивал, кричали. — 1977 год. Гражданин Дворкин покидает СССР. По еврейской визе, якобы в Израиль, но оказывается в США.

— Классический маршрут диссидента, — вставил Петрович, протирая очки краем свитера. — Но диссиденты бывают разные. Бывают Сахаровы, а бывают...

— А бывают те, кто устраивается на работу в структуры США, — перебил Волков. — Радио «Свобода», «Голос Америки». В те годы это были не просто СМИ. Это были инструменты идеологической войны. Чтобы попасть туда на работу, нужно было пройти проверку на лояльность. На лояльность к работодателю. То есть к правительству Соединенных Штатов.

Валерий взял в руки фотографию. Он смотрел в лицо молодого Дворкина и пытался найти там следы той ненависти к Западу, которую этот человек сейчас извергает с экранов российских телевизоров. Но не находил. Он видел довольного жизнью хиппи, который удачно устроился в теплом местечке, пока его бывшие соотечественники стояли в очередях за колбасой.

— Парадокс, — задумчиво произнес генерал. — Человек годами работал на организацию, цель которой — развал Советского Союза и ослабление России. Получал зарплату в долларах. Жил в Вашингтоне и Мюнхене. А теперь он приезжает сюда и учит нас, офицеров, как защищать Родину от «западного влияния».

— Это не парадокс, Валера, — усмехнулся Петрович. — Это легенда прикрытия. Самый громкий патриот — это всегда тот, кому есть что скрывать в биографии.

Волков открыл следующий файл.

— А теперь, товарищ генерал-полковник, самое интересное. Гражданство.

На экране появился документ, от которого у Валерия перехватило дыхание. Это была не просто справка. Это был текст присяги. Присяги на верность Соединенным Штатам Америки.

— Александр Леонидович Дворкин является гражданином США, — отчеканил Волков. — Он натурализовался. А процедура натурализации подразумевает публичное произнесение клятвы. Я позволю себе зачитать перевод.

Майор выпрямился и начал читать с выражением, достойным прокурора:

— «Настоящим я клятвенно заверяю, что я абсолютно и полностью отрекаюсь от всякой верности и преданности любому иностранному монарху, властителю, государству или суверенитету, подданным или гражданином которого я являлся до этого дня; что я буду поддерживать и защищать Конституцию и законы Соединенных Штатов Америки от всех врагов, внешних и внутренних; что я буду верой и правдой служить Соединенным Штатам...»

В бункере повисла тишина. Тяжелая, свинцовая тишина. Для людей военных, для которых присяга — это не пустой звук, а священный акт, эти слова звучали как выстрел в спину.

— Отрекаюсь от всякой верности... — медленно повторил Валерий. — Он отрекся. Публично. Поклялся защищать интересы другого государства. И с этим паспортом, с этой клятвой в сердце, он возглавляет Экспертный совет при Министерстве юстиции Российской Федерации?

— Так точно, — кивнул Волков. — И не просто возглавляет. Он формирует государственную политику в сфере религии. Он решает, какая церковь «традиционная», а какая — «секта». Гражданин Америки решает, кому молиться русским людям.

Генерал встал и прошелся по тесной комнате. Ему стало физически душно. Он вспомнил лекцию в Доме Офицеров. Вспомнил, как Дворкин кричал о том, что кришнаиты и пятидесятники — это «агенты влияния Запада», потому что их центры находятся за границей.

— Какая чудовищная ирония, — прошептал Валерий. — Он обвиняет Свидетелей Иеговы в том, что они управляются из Бруклина. А сам? Сам он кто? Бруклинский пенсионер, который приехал наводить порядок в «дикой России»?

— Это называется проекция, товарищ генерал, — напомнил Волков термин из их прошлого расследования. — Вор громче всех кричит «держи вора». Иностраный агент громче всех кричит о засилье иностранных агентов. Кто заподозрит главного борца с Западом в том, что он сам — продукт Запада?

Петрович порылся в своей папке и достал вырезку из старой газеты.

— Тут есть еще один нюанс, Валера. Образование. Мы уже выяснили, что его дипломы здесь филькина грамота. Но важно другое: *где* и *у кого* он учился своему ремеслу.

— У кого? — спросил генерал.

— У Йоханнеса Огорда. Датский профессор, лютеранский пастор. Основатель «Диалог-центра». Дворкин сам пишет в своих мемуарах, что встреча с Огордом стала для него провиденциальной. Он ездил к нему в Данию, учился, копировал методики.

Волков вывел на экран фотографию: Дворкин и пожилой европеец с цепким взглядом.

— Огорд — фигура знаковая, — пояснил майор. — Он один из архитекторов современного западного антикультизма. И Дворкин не скрывает: он привез в Россию не свои наработки. Он привез чемоданы ксерокопий.

— Чемоданы ксерокопий... — Валерий поморщился. — То есть, вся наша «духовная безопасность», вся эта борьба с сектами — это просто калька с западных методичек?

— Именно. В разговоре с религиоведом Иваненко Дворкин прямо заявил: «Все, что необходимо знать, уже издано на Западе антикультовыми организациями». Он просто взял западный шаблон и натянул его на нашу реальность. Как сову на глобус.

— И сова треснула, — мрачно заметил Петрович. — А вместе с ней треснуло и наше общество.

Генерал вернулся к столу. Он смотрел на схему связей Дворкина, которую нарисовал Волков. Линии тянулись из Москвы в Вашингтон, в Париж, в Копенгаген.

— FECRIS, — прочитал Валерий название одной из ключевых точек. — Что это за зверь?

— Европейская федерация центров исследований и информирования о сектантстве, — расшифровал Волков. — Штаб-квартира во Франции. Финансируется, внимание, правительством Франции. Дворкин — вице-президент этой организации.

— То есть, — Валерий начал загибать пальцы, — наш главный борец за суверенитет духа: А) Гражданин США. Б) Бывший сотрудник пропагандистского радио США. В) Вице-президент организации, финансируемой страной НАТО.

— Бинго, — сказал Волков. — И при этом он умудряется клеймить «иностранными агентами» правозащитников и религиозные меньшинства. Знаете, как это называется в разведке? Легендирование. Создание образа, который полностью противоречит сути, чтобы отвести подозрения.

— Какова цель любой войны? Ослабить противника. Как ослабить Россию? Заставить ее воевать саму с собой.

Архивариус достал лист бумаги и нарисовал круг.

— Вот общество. Оно разное. Есть православные, есть мусульмане, есть атеисты, есть йоги, есть эти... с бубнами. Если они живут мирно, страна сильная. А теперь внедряется вирус нетерпимости. Дворкин объявляет врагами миллионы российских граждан. Пятидесятников, кришнаитов, матерей, чьи дети учатся в вальдорфских школах, психологов, врачей.

— Он создает внутренний фронт, — подхватил мысль Валерий. — Он раскалывает нацию.

— Точно! — Петрович ударил ладонью по столу. — И заметь, он бьет по самым активным. По тем, кто ищет, кто объединяется, кто создает общины. Он уничтожает горизонтальные связи. Превращает народ в атомизированную массу, которая боится соседа. Разве это не мечта любого врага России?

Валерий вспомнил свою семью. Вспомнил, как Вероника Абрамовна, наслушавшись Дворкина, готова была уничтожить собственную племянницу. Как в их доме поселился страх и подозрительность. Это была микромодель того, что происходило со всей страной.

— Троянский конь, — произнес генерал. — Мы втащили его в Кремль, думая, что это подарок. А внутри сидели диверсанты. Только не с автоматами, а с антикультовыми методичками.

Валерий почувствовал прилив холодной ярости. Его использовали. Его, боевого генерала, и тысячи других офицеров использовали как слепых котят. Им

подсунули фальшивку. Им сказали: «Вот патриот», и они поверили, не проверив документы.

— А что он сам говорит про свое американское гражданство? — спросил Валерий. — Неужели никто не спрашивал?

— Спрашивали, — ответил Волков. — Журналисты. Редко, но метко. Знаете, что он отвечает? Он говорит, что вернулся в Россию, потому что здесь «самая свободная страна». Что он бежал от западной глобализации и тотального контроля.

— Бежал от контроля... — усмехнулся генерал. — Чтобы построить тотальный контроль здесь?

— Именно. Здесь, на обломках империи, в мутной воде девяностых и нулевых, он нашел Эльдorado. Здесь можно объявить любую группу сектой, и тебе за это дадут медаль, а не срок.

Валерий подошел к карте мира, висевшей на стене бункера. Он смотрел на США, потом на Россию. Расстояние между ними казалось огромным, но для таких людей, как Дворкин, границ не существовало. Они перелетали через океан, меняли паспорта, меняли риторику, но суть оставалась прежней: разрушение.

Генерал вернулся к столу и взял в руки распечатку с цитатой Массимо Интровинье, итальянского социолога.

— «Я бы сказал, что на международном уровне его (Дворкина) всерьез не воспринимают... Но в России, по какой-то причине, я вижу, что его серьезно воспринимают... И это мне кажется очень странным».

— Станным, — повторил Валерий. — Итальянцу странно. А нам должно быть страшно. Потому что если сумасшедшего (как мы выяснили вчера) с американским паспортом (как мы выяснили сегодня) допускают до ушей первых лиц государства..., то это уже не просто халатность. Это спецоперация.

— Операция «Мышь управляет котом», — предложил название Волков.

— Или «Хвост виляет собакой», — добавил Петрович. — Он создал иллюзию угрозы. Напугал власть «майданами», которые якобы устраивают сектанты. И под шумок захватил монополию на истину.

Генерал вспомнил Настю. Ее светлые глаза, ее наивные рассуждения о мире и любви. Дворкин пытался убедить его, что Настя — агент влияния, потому что занимается йогой. А на самом деле агентом был он сам.

— Волков, — приказал Валерий. — Собери мне полное досье на его связи с USAID. Я хочу видеть каждую копейку, каждый грант. Если он получал деньги оттуда, чтобы травить людей, это должно быть задокументировано.

— Есть, товарищ генерал. Там много интересного. Гранты шли через подставные фирмы. Но конечный бенефициар всегда один — структура, разжигающая религиозную рознь.

— Разжигание розни... — задумчиво произнес Валерий. — Статья 282 УК РФ. Почему она к нему не применяется?

— Потому что у него иммунитет, — ответил Петрович. — Он убедил всех, что он «свой». Что он защищает православие. А кто посмеет судить защитника веры?

Он посмотрел на часы. Время шло к вечеру. Пора было выбираться из этого подземелья на свет божий. Но свет этот теперь казался Валерию тусклым и обманчивым.

Выйдя из архива, генерал сел в служебную машину. Город жил своей жизнью. Люди спешили домой, горели витрины магазинов. Валерий смотрел на прохожих и думал: знают ли они, кто решает их судьбу? Знают ли они, что человек, который учит их детей «патриотизму» в школах, давал клятву верности другому государству?

Он приехал домой. В доме пахло выпечкой. Инна Ивановна, успокоенная отъездом Вероники, пекла пирог. Настя сидела в гостиной с книгой.

Валерий остановился в дверях, глядя на дочь. Она читала Ремарка. «На Западном фронте без перемен».

— Пап? — она подняла голову. — Ты какой-то... загруженный.

— Есть немного, — кивнул он, снимая китель. — Знаешь, Настя, я сегодня узнал, что такое настоящий сюрреализм.

— Это когда часы стекают со стола, как у Дали? — улыбнулась она.

— Нет. Это когда человек с американским гражданством учит русского генерала любить Родину. И требует, чтобы я посадил свою дочь в клетку за то, что она недостаточно патриотична.

Настя отложила книгу.

— Ты про Дворкина?

— Про него, родимого. Про Александра Леонидовича. Или, правильнее сказать, про мистера Dvorkina.

Валерий прошел в кухню, налил себе воды. Руки слегка дрожали. Не от страха, нет. От омерзения. Ему казалось, что он прикоснулся к чему-то липкому и грязному.

— Представь, Настя, — сказал он, глядя в окно. — Ты живешь в доме. И у тебя есть сосед, который постоянно кричит, что вокруг враги, что надо запираить двери, ставить решетки, никого не пускать. Ты веришь ему, начинаешь бояться. А потом выясняется, что этот сосед — домушник. И он пугает тебя только для того, чтобы ты от страха отдала ему ключи от сейфа.

— И что ты будешь делать с таким соседом? — спросила дочь, вставая рядом.

— Выведу на чистую воду, — твердо сказал генерал. — Я не позволю домушнику управлять моим домом. И моей страной.

Он достал из кармана сложенный лист бумаги — копию той самой присяги. Положил ее на стол, рядом с иконой Николая Чудотворца, которая стояла на полке у Инны.

Контраст был разительным. Святой лик и сухой юридический текст отказа от Родины.

— «Отрекаюсь от всякой верности...» — снова процитировал Валерий.

Это было предательство, возведенное в ранг добродетели. Дворкин предал свою первую родину, уехав в США. Потом предал вторую, вернувшись в Россию, но оставив паспорт в кармане. Он был человеком без корней, перекачиполем, которое прибилося туда, где сытнее и где можно безнаказанно властвовать.

— Пап, а почему ему верят? — спросила Настя. — Ну ладно тетя Вероника, она телевизор смотрит. Но чиновники? Депутаты? Они же должны проверять?

— Должны, — вздохнул Валерий. — Но иногда очень удобно не проверять. Удобно иметь под рукой цепного пса, который будет лаять на кого укажут. И никто не хочет думать, что этот пес может быть бешеным. Или что поводок от него находится в руках у дяди Сэма.

Генерал сел за стол. Он чувствовал усталость, но вместе с ней — странное облегчение. Туман рассеялся. Враг обрел лицо. И это было не лицо демона, а лицо мелкого жулика международного масштаба, который удачно сыграл на комплексах великой страны.

— Мы его достанем, Настя, — сказал он. — Не силой. Правдой. Мы просто покажем людям этот паспорт. И эту присягу. И спросим: «Вы готовы доверить душу своих детей этому гражданину Америки?». Думаю, ответ будет очевиден.

В этот момент по телевизору, который Инна включила фоном, начались новости. Диктор с тревожным лицом рассказывал о происках зарубежных спецслужб. Валерий смотрел на экран и горько усмехался. Спецслужбы работали не там, где их искали. Они не прятались по углам. Они сидели в президиумах, читали лекции и учили нас духовности.

— Иностраннный агент в патриотической шкуре, — произнес генерал, глядя на экран, где мелькнуло знакомое бородатое лицо в сюжете о «духовных угрозах». — Шкура-то, может, и патриотическая. Да только нутро гнилое.

Валерий Алексеевич выключил телевизор. Экран погас, превратившись в черный квадрат. Но в голове генерала уже горел свет. Свет понимания того, что битва предстоит нешуточная. Битва не с сектами, а с ложью, которая пропитала фундамент государства. И в этой битве у него теперь был козырь. Козырь этот лежал на столе. Лист бумаги с текстом присяги чужому флагу. Документ, который превращал «великого сектоведа» в обычного клятвопреступника.

— Ну что, мистер Дворкин, — прошептал генерал. — Welcome to reality.

Он знал, что завтра покажет этот документ в штабе. Не всем. Только тем, у кого еще осталась честь. И он знал, что эффект будет подобен разрыву снаряда. Потому что русский офицер может простить многое. Глупость, пьянство, даже

трусость. Но он никогда не простит, когда им командует человек, присягнувший врагу.

Расследование переходило в новую фазу. Фазу разоблачения предательства. И генерал-полковник Валерий Алексеевич был готов идти до конца.

Глава 13: Дивеевское братство и теневое управление

На столе перед генерал-полковником лежала схема, начерченная майором Волковым. Если вчера они разбирали «нижний этаж» — финансовые махинации, похищения людей и американское гражданство Дворкина, то сегодня стрелки вели наверх. Туда, куда смотреть было не принято, а задавать вопросы — опасно для жизни и карьеры.

— Значит, говоришь, «крыша»? — Валерий постучал карандашом по листу ватмана. — И не просто крыша, а купол?

— Золотой купол, товарищ генерал-полковник, — мрачно отозвался Иван Петрович, протирая очки краем свитера. — Только золото это не церковное, а партийное.

Майор Волков, чье лицо в свете монитора напоминало маску усталого призрака, вывел на экран новую папку. Название файла резануло глаз: «Дивеевское братство».

— Мы долго не могли понять, — начал доклад Волков, — почему человек со справкой из психдиспансера и паспортом гражданина США ногой открывает двери в Кремль. Почему министры и губернаторы слушают его бредни как откровение свыше. Ответ нашелся не в Вашингтоне, а в Нижегородской области.

На экране появилась фотография Серафимо-Дивеевского монастыря. Красивые соборы, ухоженная территория. И странная деталь: глубокая канава, опоясывающая обитель.

— Это что, фортификационное сооружение? — удивился Валерий. — Готовятся к осаде?

— В некотором роде, — кивнул Петрович. — Это знаменитая «Канавка». Согласно местному преданию, которое активно раздувается в последние годы, через этот ров не сможет перешагнуть Антихрист.

Генерал хмыкнул.

— То есть, мы тратим триллионы на гиперзвуковые ракеты, на систему ПВО С-500, а от Антихриста нас защищает канава в Нижегородской области?

— Смех смехом, Валера, но там все серьезно, — Петрович перестал улыбаться. — Вокруг этой канавки сформировался настоящий культ. Люди верят, что земля оттуда лечит рак, что проход по ней гарантирует спасение. Это чистое язычество, магия, завернутая в православный фантик. Но самое страшное не в бабушках, которые землю едят. Самое страшное в том, *кто* ходит по этой канавке.

Волков сменил слайд. На фото была группа мужчин в дорогих костюмах, но без галстуков. Лица были знакомые. Слишком знакомые.

— Кириенко, — назвал Волков имя, от которого в кабинетах власти принято было вставать по стойке смирно. — Первый заместитель руководителя Администрации Президента. Куратор внутренней политики.

Валерий почувствовал, как холодок пробежал по спине. Человек-технократ, «киндер-сюрприз» девяностых, ныне — серый кардинал российской политики. Человек, отвечающий за выборы, за губернаторов, за смыслы. И за Донбасс.

— Раньше, до 2014 года, элита ездила на Афон, — продолжил Волков, показывая графики перемещений бизнес-джетов. — Было так называемое «Афонское братство». Губернаторы, силовики, олигархи летали в Грецию, там решали вопросы, клялись в верности. Но потом случился Крым, санкции. Греки перестали давать визы, счета арестовали. Афону перекрыли кислород.

— И им понадобился новый центр силы, — догадался генерал. — Импортозамещение?

— Именно. Сакральным центром стало Дивеево. «Дивеевское братство» — это не просто клуб по интересам. Это структура теневого управления. В нее входят люди, которые принимают ключевые решения. И всем им Дворкин нужен как воздух.

— Зачем? — не понял Валерий. — У них есть ФСБ, МВД, Росгвардия. Зачем им этот клоун с бородой?

— Затем, что ФСБ работает по закону. Ну, или хотя бы делает вид, — пояснил Петрович. — А Дворкин работает по понятиям. По сектантским понятиям. Он дает им идеологическое обоснование для зачистки любого поля.

Волков вывел на экран цитату протоиерея Дмитрия Смирнова, сказанную еще в 2001 году, но ставшую пророческой:

«Скоро выборы в Нижнем Новгороде. Нужно, чтобы каждый депутат понял: если в его программе не будет слов «борьба с тоталитарными сектами», он не пройдет... Мы их наняли, понимаете? Они служащие наши».

— «Мы их наняли», — повторил Валерий. — Цинично. И откровенно.

— Это механизм, товарищ генерал, — Волков начал чертить схему на доске. — Смотрите. Есть неудобный политик, общественник или бизнесмен. Как его убрать? Можно посадить за коррупцию, но это долго и нужны доказательства. А можно натравить Дворкина. Он объявляет человека сектантом. Или связанным с сектой. И все. Человек становится токсичным. С ним боятся здороваться. Его карьера уничтожена.

— Политическая инквизиция, — пробормотал генерал.

— Хуже. Это создание параллельной реальности. Дворкин убедил этих «братьев», что кругом враги. Что Россия — это осажденная крепость, а внутри нее — пятая колонна сектантов. И только он, Дворкин, знает, как их распознать.

— Но есть нюанс, — заметил Петрович, хитро прищурившись. — Кто кем управляет? Собака хвостом или хвост собакой?

— О чем ты?

— О том, Валера, что Дворкин — манипулятор экстра-класса. Да, у него диагноз. Но психопаты часто обладают даром внушения. Он не просто исполняет заказы. Он формирует повестку. Он заставляет этих умных мужей верить в то, что они — избранные. Что они — воины света, защищающие мир от тьмы.

Волков показал фото с церемонии награждения в Кремле. Кириенко вручает орден Александру Новопашину, правой руке Дворкина. Оба улыбаются. Но в глазах Новопашина читается не благодарность, а торжество.

— Дворкин внушает им чувство божественного избранничества, — продолжил мысль майор. — Он говорит: «Вы — спасители России. А все остальные — биомасса, которую можно и нужно контролировать». Это классическая сектантская вербовка. Только вербуют не студентов, а министров.

Валерий почувствовал, как земля уходит из-под ног. Выясняется, что на вершине иерархии сидит группа людей, попавших под влияние тоталитарной идеологии.

Идеальный тандем. Одни дают административный ресурс, а другой — идеологию ненависти.

Генерал подошел к окну бункера (которого не было, но привычка смотреть вдаль осталась). Он пытался осознать масштаб катастрофы.

— Куда смотрит Церковь? Ведь Дворкин прикрывается православием. Он кусает даже епископов, если те не согласны с линией партии.

Волков привел пример с отцом Владимиром Головиным. Известный священник, популярный в народе. Дворкин объявил его сектантом. Началась травля. И Патриарх подписал указ о лишении сана.

— Кто управляет Церковью? — задал риторический вопрос Волков. — Тот, кто решает, кого казнить, а кого миловать. «Плюрализм мнений в вопросах религии абсолютно ни к чему и даже опасен», — процитировал Волков статью с одного государственного сайта. — Это официальная позиция.

Валерий сел за стол. Ему нужно было выпить, но на службе он не пил.

— Значит, так, — подвел он итог. — Дворкин. Его метод — объявление всех несогласных сектантами. Его цель — абсолютная власть и контроль.

— И деньги, — добавил Волков. — Не забывайте про деньги. Уничтожение конкурентов, рейдерство, гранты. Это огромный бизнес.

— Но самое главное, — сказал генерал, глядя на схему, — он уничтожает будущее. Он превращает страну в средневековое гетто.

Он вспомнил Настю. Ее учебники по психологии. Ее музыку. В мире Дворкина ей нет места. Там нужны послушные рабы, которые боятся Антихриста и целуют руку барину.

— Валера, что будем делать? — спросил Петрович. — Это уже не уровень майора и полковника. Это уровень... я даже не знаю чей. Президента?

— А Президент? — Валерий посмотрел на портрет на стене. — Знает ли он, что его тоже... обрабатывают?

— Операция «Мышь управляет котом», — напомнил Волков. — Дворкин умеет втираться в доверие. Он умеет пугать. Возможно, на самый верх идут доклады о страшных заговорах сектантов, которые готовят Майдан. И Президент, как человек спецслужб, реагирует на угрозу. Не зная, что угроза выдумана.

— Значит, надо донести правду, — решил генерал. — Но не через официальные каналы. Они перекрыты. Кириенко контролирует внутреннюю политику. Любой наш рапорт ляжет ему на стол. И нас сотрут в порошок.

— Нас объявят агентами Госдепа, — усмехнулся Петрович. — Ирония судьбы. Мы, советские офицеры, станем агентами, а американец Дворкин — патриотом.

— Мы пойдем другим путем, — сказал Валерий. — Мы будем бить по фундаменту. По их легитимности.

— Они построили свою власть на мифе. На том, что они — защитники православия. А мы покажем, что они извратили веру.

Вечером генерал ехал домой. Город стоял в пробках. Мимо проносились машины с мигалками — «членовозы», как их называли в народе. В одной из них, возможно, сидел член «братства», спешащий на очередное тайное совещание, где под разговоры о духовности будут решать, кого завтра объявить врагом

народа. Валерий смотрел на эти огни и чувствовал не страх, а брезгливость. Как будто он наступил во что-то грязное.

Дома было тихо. Настя играла на фортепиано. Шопен. Музыка лилась чисто и светло, смывая грязь этого дня. Валерий сел в кресло, закрыл глаза. Он думал о том, как легко человек может потерять ориентиры. Кириенко был молодым реформатором, надеждой демократии. А кем стал... Власть развращает. А абсолютная власть, приправленная мистикой, развращает абсолютно.

— Пап, ты меня слышишь? — Настя перестала играть.

— Слышу, родная. Красиво.

— Ты опять там? — она кивнула на его портфель. — В своих расследованиях?

— Я сегодня был в зазеркалье, Настя. Я видел людей, которые управляют страной. И знаешь, что я понял? Они очень боятся.

— Чего?

— Всего. Антихриста, заговоров, тебя с твоей йогой. Они так боятся потерять власть, что сотрудничают с сумасшедшим, который лает на каждый шорох.

Настя подошла к нему, села на подлокотник кресла.

— И что ты будешь делать с сумасшедшим?

— Его надо уволить. А остальным придется объяснить, что страна — это не их частное поместье.

Валерий достал из кармана телефон. На экране высветилось уведомление. Новость: «В Совете Федерации обсудили ужесточение законодательства о миссионерской деятельности. Сенатор призвал оградить россиян от чуждых влияний».

Генерал усмехнулся. «Чуждые влияния». Говорит человек, который входит в орден и пользуется услугами американского гражданина.

— Лицемеры, — сказал он вслух.

Он вспомнил статью про «садистов». Дворкин и его последователи получали удовольствие от власти над людьми. От возможности ломать судьбы. Это патология. И эта патология норовила стать государственной политикой.

— Настя, — сказал он вдруг серьезно. — Если со мной что-то случится...

— Папа! — она испуганно посмотрела на него.

— Послушай. Если меня уволят, или арестуют, или... объявят сумасшедшим. Ты должна знать: я не сошел с ума. И я не предатель. Я просто офицер, который верен стране и ее народу.

— Ты меня пугаешь.

— Я предупреждаю. Мы залезли в берлогу к очень крупному зверю. Это не просто Дворкин. Это уже система. «Дивеевское братство». Они считают себя неприкасаемыми.

Он встал, подошел к книжному шкафу. Достал старый томик Достоевского. «Братья Карамазовы». Открыл на главе «Великий инквизитор».

— Почитай это, Настя. Там все написано. Про то, как именем Христа можно творить дела дьявола. Дворкин — это мелкий бес. А те, кого он смог обмануть... это настоящие инквизиторы. Они хотят забрать у людей свободу, чтобы дать им «счастье» послушания.

Валерий положил книгу на стол.

— Но мы не рабы. И рабами не будем.

В эту ночь генерал долго не мог уснуть. Он лежал и слушал дыхание спящего дома. Ему казалось, что он слышит, как где-то далеко, в монастырской тишине, скрипят перья, подписывая новые расстрельные списки. Списки тех, кто посмел думать иначе.

На столе в кабинете генерала лежал чистый лист бумаги. Завтра он начнет писать главный документ своей жизни. Не рапорт. Обвинительное заключение.

Обвиняются: Александр Дворкин и неустановленная группа лиц.

В чем: В создании экстремистского сообщества с целью захвата власти и насильственного изменения конституционного строя.

Отягчающие обстоятельства: Использование служебного положения, цинизм и предательство национальных интересов.

Битва переходила на новый уровень. Уровень, где погоны уже не защищают, а становятся мишенью. Но отступать было некуда. Позади была не Москва. Позади была Настя. И миллионы таких же Насть, которых хотели превратить в послушную биомассу.

— Ну что ж, братья, — прошептал генерал в темноту. — Посмотрим, чья вера крепче.

Он заснул только под утро. И снился ему суд. Суд, где на скамье подсудимых сидели не «сектанты», а люди в дорогих костюмах, испуганно прижимающие к груди американские паспорта и справки из психдиспансера. И судьей был не чиновник в мантии, а простой народ, который наконец-то прозрел.

Глава 14: Экспертиза как оружие массового поражения

Генерал-полковник Валерий Алексеевич, человек, привыкший к четкости военных уставов и однозначности приказов, чувствовал, как его мозг начинает закипать от соприкосновения с материей вязкой, липкой и абсолютно иррациональной. Перед ним высились стопки документов, которые майор Волков и Иван Петрович собирали последние двое суток. Это были не финансовые отчеты и не медицинские справки. Это были «экспертные заключения». Те самые бумаги, на основании которых в современной России запрещали книги, ликвидировали организации и ломали человеческие судьбы.

— Знаете, что самое страшное в ядерном оружии? — вдруг спросил Валерий, не отрывая взгляда от титульного листа одной из папок. — Радиация. Она невидима, она не имеет запаха, но она проникает везде и убивает медленно. То, что я вижу здесь... это юридическая радиация.

Иван Петрович, сидевший напротив и протиравший очки краем растянутого свитера, мрачно кивнул.

— И период полураспада у этой дряни, Валера, побольше, чем у урана. Мы раскопали технологию, по сравнению с которой средневековые суды над ведьмами кажутся образцом процессуальной честности. Там хотя бы искали «метку дьявола». А здесь ищут то, чего нет, но находят то, что заказали.

Майор Волков вывел на экран презентацию. Первый слайд гласил: «Дело о Бхагавад-гите. Томск, 2011 год».

— Давайте разберем этот кейс как хрестоматийный пример, — предложил аналитик. — Это классика жанра. Вершина абсурда, на которую взобралась наша судебная система под чутким руководством людей Дворкина.

Валерий помнил этот скандал. Смутно, краем уха. Тогда, в 2011-м, он был занят другими делами — реформой армии, учениями. Новость о том, что в Сибири судят какую-то индийскую книгу, казалась ему тогда курьезом, газетной уткой. Ну не могут же в здравом уме судить эпос, которому пять тысяч лет? Оказалось, могут.

— Суть дела, — начал доклад Волков. — Прокуратура города Томска подает иск о признании книги «Бхагавад-гита как она есть» экстремистским материалом. Основание? Экспертное заключение. И вот тут начинается самое интересное. Кто эти эксперты? Кто те титаны мысли, которые решили, что священная книга миллиарда индусов угрожает безопасности России?

На экране появились три фамилии: Сергей Аванесов, Валерий Свистунов, Валерий Наумов. Сотрудники Томского государственного университета.

— Аванесов — декан философского факультета, преподаватель духовной семинарии. Свистунов — философ. Наумов — филолог. Казалось бы, ученые мужи. Но есть нюанс. Никто из них не является индологом. Никто из них не знает санскрита. Для них этот текст — китайская грамота.

— Как же они проводили экспертизу? — удивился Валерий. — Это все равно что я, артиллерист, буду писать заключение о причинах падения космической ракеты, не зная законов аэродинамики.

— А им и не нужно было знать, — усмехнулся Петрович. — Им нужно было *найти*. Заказ поступил от ФСБ, курируемой, как мы теперь понимаем, структурами РАЦИРС. Задача была поставлена четко: найти экстремизм. И они нашли.

Волков зачитал выдержки из заключения. Текст был написан языком, от которого у любого филолога пошла бы кровь из глаз. Смесь бюрократического канцелярита и псевдорелигиозного бреда. Эксперты утверждали, что книга «пропагандирует превосходство одной религии над другими».

— Простите, — перебил генерал. — А какая священная книга не утверждает превосходство своей веры? Библия говорит: «Я есть Путь, и Истина, и Жизнь». Коран говорит, что нет бога кроме Аллаха. Это природа религии. Если следовать логике этих «экспертов», надо запретить все мировые религии.

— Именно к этому они и вели, сами того не понимая, — подтвердил Волков. — Или понимая. В суде случился конфуз. Когда этих «ученых» начали допрашивать, они поплыли. Они ссылались на оценочные категории вроде «чуждости» и «опасности», но не смогли сформулировать чётких юридических признаков экстремизма.

— Но маховик уже был запущен, — добавил Петрович. — И знаешь, к чему это привело? К международному скандалу. В Индии дело вызвало резкую политическую реакцию: парламентские заседания прерывались протестами, звучали жёсткие заявления на уровне правительства и МИД.

Валерий представил себе эту картину. Дели, жара, парламент. Дипломаты обменивались резкими нотами, а российской стороне прямо задавали вопрос о вменяемости происходящего.

— Это диверсия, — глухо сказал генерал. — Чистой воды геополитическая диверсия.

— И заметьте, — вставил Волков, — никто не понес наказания. Никаких заметных последствий для инициаторов процесса это дело не повлекло.

— Почему? — спросил Валерий. — Почему система не сработала? Ведь есть статья 307 УК РФ — заведомо ложное заключение эксперта.

Петрович тяжело вздохнул и достал из папки распечатку Уголовного кодекса.

— Вот мы и подошли к главному, Валера. К «черному ходу» нашего правосудия. Получается, что статья 307 — это фикция. Мертвая норма.

Он положил кодекс на стол и постучал по нему пальцем.

— Смотри. Чтобы посадить эксперта за ложь, нужно доказать *умысел*. Нужно доказать, что он *знал*, что врет, и делал это специально. А эксперт всегда может сказать: «Я так вижу. Это мое научное мнение. Я художник, я так вижу мир». И все. Состава преступления нет. Это называется «добросовестное заблуждение».

— То есть, — Валерий начал закипать, — можно написать в экспертизе, что Земля плоская, а «Война и мир» — это призыв к свержению строя, и тебе за это ничего не будет?

— Абсолютно ничего. Максимум — суд не примет экспертизу. Но чаще всего принимает. Потому что судье так проще. Судья не хочет разбираться в тонкостях теологии или лингвистики. Ему нужна бумажка, на которую можно сослаться в приговоре. «Согласно заключению экспертов...» — и все, ответственность снята. Судья прикрылся экспертом, эксперт прикрылся «научным мнением», а человек поехал в лагерь.

Волков открыл следующий файл. «Гуманитарная экспертиза как технология репрессий».

— Мы проанализировали сотни дел, инициированных РАЦИРС, — сказал майор. — Везде одна и та же схема. Отсутствие научных критериев. Полный произвол.

Он привёл пример того, как в практике «экстремистских» экспертиз доходило до абсурда: обсуждались случаи, когда под подозрение попадали даже цитаты из священных книг. В публичных комментариях прямо говорили, что «находятся желающие запретить и Ветхий Завет».

— Это уже не смешно, — пробормотал Валерий. — Это сюрреализм.

— Это технология, — возразил Волков. — Технология размывания понятий. Закон об экстремизме написан так резиново, что под него можно

подтянуть любой текст. «Возбуждение розни». Я скажу, что «Спартак» лучше «Динамо» — это рознь к социальной группе «болельщики Динамо»? При желании — да. А если я скажу, что моя вера истинная, а твоя ложная — это унижение достоинства по религиозному признаку? Безусловно.

— И Дворкин этим пользуется, — догадался генерал.

— Он создал машину уничтожения, — уточнил Петрович. — У него есть пул «карманных» экспертов. Люди без совести и часто без профильного образования. Психологи, которые не знают психологии. Религиоведы, которые ненавидят религию. Они штампуют заключения под копирку. Нужно закрыть общину? Пожалуйста. Нужно отжать здание? Легко. Нужно посадить конкурента? Пять минут работы.

Валерий вспомнил историю с «Рожаной», которую они разбирали раньше. Там тоже была экспертиза. Эксперты написали, что методы пеленания детей наносят «психологический вред» и формируют «сектантскую зависимость»? Бред? Бред. Но на основании этого бреда людей сажают в тюрьму.

— Это оружие массового поражения, — повторил генерал свою мысль. — Оно бьет не по площадям, оно бьет по смыслу. Оно уничтожает доверие к государству. Если гражданин видит, что в суде черное называют белым, опираясь на бумажку с печатью, он перестает верить в закон. Он понимает: закона нет. Есть заказ.

— И это создает идеальную почву для бунта, — добавил Волков. — Когда легальные методы защиты не работают, люди начинают искать нелегальные. Дворкин своими экспертизами не борется с экстремизмом. Он его выращивает. Он загоняет людей в угол.

— А теперь, товарищи офицеры, — предложил Петрович с хитрой улыбкой, — у нас есть уникальная возможность проверить эту антикультовую систему на прочность.

Он достал из портфеля толстую книгу в твердой обложке. «Сектоведение. Тоталитарные секты». Автор — А.Л. Дворкин.

— Это их библия, — сказал архивариус, кладя книгу на стол. — Учебник для семинарий, настольная книга некоторых прокуроров. А что, если мы применим к ней те же критерии, которые они применяют к другим?

Волков оживился.

— Мы это сделали, товарищ генерал. Мы заказали независимую лингвистическую экспертизу. Не у «карманных» экспертов, а у настоящих ученых, докторов филологических наук. Анонимно, разумеется. Просто дали текст на анализ.

— И что? — спросил Валерий, уже предвкушая ответ.

— Результат ошеломляющий. Книга Дворкина «Сектоведение» содержит все признаки экстремистской литературы.

Майор вывел на экран таблицу с маркерами.

— Первое: пропаганда исключительности и превосходства. Автор утверждает, что только одна религия (РПЦ МП) является истинной, а все остальные — «тоталитарные секты», «деструктивные культы», «сатанинские сборища». Второе: создание образа врага. Используется лексика вражды: «зомби», «биороботы», «мафиозные структуры», «раковая опухоль». Это дегуманизация. Автор отказывает оппонентам в праве называться людьми. Третье: призывы к дискриминации. Дворкин прямо призывает ограничивать права «сектантов», не брать их на работу, запрещать их деятельность.

— То есть, — подытожил Валерий, — главный борец с экстремизмом написал экстремистскую книгу?

— Бинго! — воскликнул Петрович. — Это классическая проекция. Он обвиняет других в том, что делает сам. Его книга — это учебник ненависти. Если бы наш закон работал честно, эта книга давно должна была быть в Федеральном списке экстремистских материалов.

Генерал взял книгу в руки. Тяжелая.

— И по этому учебнику учат наших детей? — спросил он тихо. — Учат семинаристов? Учат полицейских?

— Да. Это учебное пособие рекомендовано.

Валерий с отвращением бросил книгу обратно на стол. Она глухо ударилась о дерево.

— Вот по-настоящему информационный вирус. Он заражает мозг. Человек читает это и начинает видеть мир искаженным. Он перестает видеть в соседе человека, он видит «адепта». Он перестает видеть в книге мудрость, он видит «вербовочный материал».

Он вспомнил Настю. Ее книги на полке. Фромм, Юнг, Гессе. Если применить к ним «методику Дворкина», там тоже можно найти экстремизм. Фромм призывает к свободе от авторитетов? Подрыв устоев! Гессе пишет о поиске духовного пути вне церкви? Пропаганда оккультизма!

— Мы живем в королевстве кривых зеркал, — сказал генерал. — Где сумасшедший с американским паспортом учит нас патриотизму, экстремист учит нас толерантности. И все это скреплено гербовыми печатями государственных экспертиз.

— Есть еще один аспект, Валера, — Петрович стал серьезным. — Экономический. Экспертиза — это не только оружие, это товар.

— Мы же разбирали финансы, — напомнил Валерий.

— Мы разбирали гранты и пожертвования. А это — теневой рынок судебных услуг. Стоимость «нужной» экспертизы в Москве доходит до полумиллиона рублей. В регионах подешевле. Это огромная кормушка. Суды принимают только «своих» экспертов. Чужих отводят. Хочешь выиграть дело? Иди к Дворкину, плати, и тебе напишут, что твой конкурент — сатанист.

Валерий подошел к карте России. Огромная страна. И она опутана этой паутиной лжи. Почти в каждом городе, в суде сидит такой вот «эксперт», готовый за мзду малую или по идеологическим соображениям подписать приговор здравому смыслу.

— Знаете, что меня больше всего беспокоит? — спросил генерал, не оборачиваясь. — Не то, что они сажают невиновных. Это безусловно трагедия, но беда еще и в том, что они дискредитируют саму идею экспертизы. Саму идею науки.

— О чем ты?

— О том, что, когда нам понадобится настоящая экспертиза — по терроризму, по реальным угрозам, — нам никто не поверит. Мы кричали «волк» так часто, указывая на безобидных йогов, что, когда придет настоящий волк, общество скажет: «А, опять эти сказки Дворкина». И нас сожрут.

— Иммунитет разрушен, — согласился Волков. — Общество перестало реагировать на слово «экстремизм». Оно стало пустым звуком. Ярлыком, который клеят на неудобных.

Валерий вернулся к столу. Он смотрел на документы. Заключение, приговоры, апелляции. Бумажные кирпичи, из которых построена тюрьма для разума.

— Волков, — приказал он. — Собери мне отдельную папку. «Фальсификация доказательств». Только факты. Только документы. Сравнение текстов: что написано в книге и что приписали эксперты. Прямая ложь. Подтасовки. Цитаты, вырванные из контекста.

— Будет сделано. Там материала на десять томов уголовного дела.

— И еще. Найди мне информацию по судьям. Кто принимал эти решения? Кто эти люди в мантиях, которые верили бреду про «психологическое насилие через медитацию»? Я хочу знать их имена. Страна должна знать своих «героев».

— Это опасно, товарищ генерал, — предупредил Петрович. — Судейское сообщество — это каста. Тронь одного — завопят все.

— Пусть вопят, — отрезал Валерий. — Когда они сажали невинных, они не думали о корпоративной этике. Они думали о карьере. Или о звонке сверху.

Вечером генерал сидел в своем домашнем кабинете. На столе горела лампа. Перед ним лежал Уголовный кодекс. Статья 307 — о заведомо ложных показаниях, заключении эксперта и переводе. Он читал комментарии к статье: «Субъективная сторона преступления характеризуется прямым умыслом».

Как доказать умысел? Как залезть в голову эксперту и доказать, что он не дурак, а подлец?

Валерий взял карандаш и подчеркнул слово «заведомо».

В этом слове была вся суть. Они *знали*. Аванесов, Свистунов, Наумов — они знали, что «Бхагавад-гита» не экстремистская книга. Они не могли не знать, будучи образованными людьми. Значит, они лгали сознательно. Они продали свою научную совесть за лояльность системе. Или за страх.

В дверь постучали. Вошла Настя. В руках у нее была чашка чая.

— Ты опять воюешь с ветряными мельницами, пап? — спросила она, ставя чашку на стол.

— Это не мельницы, Настя. Это мясорубки. И они перемалывают не воздух, а людей.

Он показал ей распечатку экспертизы по «Бхагавад-гите».

— Почитай. Только не смейся. Хотя это смех сквозь слезы.

Настя пробежала глазами текст. Ее брови поползли вверх.

— «Психологическое воздействие путем повторения мантр приводит к деструкции личности»... Пап, это же бред. Любая молитва — это повторение. Любая песня.

— Для них — нет. Для них это «нейролингвистическое программирование». Они используют научные термины как дубину. Они берут слово «деструкция», слово «личность», смешивают их и получают приговор.

Настя села в кресло напротив.

— Знаешь, нам на лекциях говорили про этику психолога. Главный принцип — «не навреди». А эти люди... они используют психологию, чтобы вредить.

— Психологи-каратели, — сказал Валерий. — Новый вид войск. Войска ментального подавления.

Он посмотрел на свою библиотеку. Шкафы, забитые книгами. Толстой, Достоевский, Чехов. История России. Философия.

Вдруг ему стало жутко. Он понял, что любой том с этой полки может стать обвиняемым. Достаточно найти «эксперта», который напишет, что Раскольников — это инструкция по терроризму, а Пьер Безухов — агент масонов

(что, кстати, исторически недалеко от истины, но в контексте экстремизма звучит иначе).

— Настя, — сказал он серьезно. — Ты понимаешь, что мы живем в стеклянном доме? И у каждого прохожего в руке камень с надписью «экспертиза».

— Понимаю, пап. Поэтому я и учусь. Чтобы понимать, как работает человеческая психика. Чтобы не дать им залезть мне в голову.

— Они не лезут в голову, — горько усмехнулся генерал. — Они лезут в дело. В уголовное дело.

Он встал и подошел к окну. Ночной город мигал огнями. Где-то там, в темноте, сидели люди, которые прямо сейчас писали новые заключения. Выдумывали новые угрозы. Изобретали новые способы запретить здравомыслие. Валерий почувствовал, как в нем поднимается злость. Злость офицера, который видит, как мародеры грабят его тыл.

Судебная система — это хребет государства. Если хребет сгнил, организм нежилец. Дворкин и его команда впрыскивали яд прямо в спинной мозг страны. Они превращали суд в фарс, в балаган, где прав тот, у кого громче голос и наглее эксперт.

Он вернулся к столу и открыл блокнот. На чистой странице он написал заголовок: «Список лжесвидетелей». И первым номером вписал не Дворкина. Дворкин был идеологом. Первыми он вписал тех самых «экспертов» из Томска. И тех, кто запрещал Библию.

Исполнители. Маленькие люди с большими полномочиями. Они думали, что спрятались за спинами заказчиков. Что их подписи на документах забудутся.

— Никто не забыт, и ничто не забыто, — произнес Валерий фразу, которая обычно звучала на 9 Мая, но сейчас обрела новый, зловещий смысл.

Он найдет способ призвать их к ответу. Не сейчас. Позже. Когда морок спадет. А пока... пока нужно было собрать доказательства. Каждую бумажку. Каждую лживую фразу. Чтобы потом, на настоящем суде, им нечем было крыть.

Генерал закрыл блокнот. Он чувствовал себя хранителем времени. Хранителем правды в эпоху постправды.

В углу комнаты тикали старинные часы. Тик-так. Тик-так. Время работало против лжецов. Потому что ложь сложна и требует постоянной подпитки, а правда проста и вечна. «Бхагавад-гита» пережила тысячи лет и переживет томских прокуроров. Библия пережила Нерона и Диоклетиана, переживет и Дворкина.

Но людей было жалко. Тех, кто попал под каток прямо сейчас. Валерий посмотрел на Настю. Она снова уткнулась в книгу. Живая, настоящая. Не «объект исследования», не «адепт». Дочь.

Он должен защитить ее мир. Мир, где книги читают, а не судят. Где вера — это личное дело, а не повод для уголовной статьи. И он сделает это. Даже если придется пойти против течения.

Генерал выключил лампу. В темноте светился только экран телефона. Пришло сообщение от Волкова: «Товарищ генерал, я нашел еще кое-что. Методичка для антикультовых экспертов. «Как правильно находить экстремизм там, где его нет». Внутренний документ».

Валерий улыбнулся в темноте.

— Работаем, — прошептал он. — Работаем, братья.

Завтра он прочитает эту методичку. Он изучит происхождение лжи до последней запятой. И тогда... тогда держитесь, господа эксперты.

Глава 15: Четвертый Рейх

На столе перед Валерием Алексеевичем лежали не финансовые схемы и не медицинские справки. Сегодняшний «улов» группы был куда страшнее. Это были тексты. Слова. Предложения. Абзацы. Слева — переводы немецких документов 30-х годов прошлого века. Справа — стенограммы выступлений, статьи и книги Александра Леонидовича Дворкина.

— Товарищ генерал-полковник, — тихо произнес майор Волков, и голос его, обычно сухой и бесстрастный, дрогнул. — Я прошу разрешения начать доклад. Но предупреждаю: то, что мы сейчас увидим, может вызвать... когнитивный диссонанс.

— Начинай, — кивнул Валерий, сцепив пальцы в замок. — После того, как мы узнали, что лавный эксперт по духовности имеет справку из психдиспансера, меня трудно чем-то удивить.

— Боюсь, это другое, — вмешался Иван Петрович. Старый архивариус выглядел постаревшим лет на десять. Он не протирал очки, как обычно, а просто вертел их в руках, словно не зная, куда деть. — Мы искали мошенников. Мы искали агентов влияния. А нашли... нашли архитекторов.

Волков вывел на экран два текста. Они висели рядом, как два брата-близнеца, разлученных временем, но не сутью.

— Слева — цитата из выступления Йозефа Геббельса, 1938 год, — пояснил майор. — Справа — цитата Александра Дворкина. Я убрал названия целевых групп. Попробуйте отличить, где кто.

Валерий прищурился. Текст №1: «Они не обогащают народ, они только высасывают соки из общества... Они образуют государство в государстве... Это раковая опухоль, пожирающая тело нации». Текст №2: «Культы не обогащают человека, они только высасывают соки из общества... Всё это напоминает раковую опухоль, высасывающую соки из человеческого организма до его смерти».

Генерал перевел взгляд с одного абзаца на другой. Совпадение было не просто смысловым. Оно было текстуальным. Те же метафоры. Те же обороты. Тот же ритм ненависти.

— Второй текст — это Дворкин? — спросил он.

— Так точно. Он называет религиозные меньшинства «раковой опухолью». А нацисты называли так евреев.

Волков переключил слайд. Теперь на экране были слова «вирус», «паразиты», «инфекция».

— Это называется дегуманизация, — сказал майор, словно ставя диагноз.
— Расчеловечивание. Прежде чем уничтожить группу людей, нужно убедить общество, что это не люди. Что это болезнь. Грязь. Насекомые.

Он зачитал выдержку из анализа: «Агрессивная пропаганда изображала евреев недочеловеками и угрозой обществу. Карикатуры и статьи представляли их в образах крыс, вшей, тараканов, стервятников или раковой опухоли. Сегодня аналогичную стратегию против различных религиозных групп применяют антикультисты. Потенциальных жертв сначала клеймят как «сектантов», формируя в сознании общества установку: «сектант» = «недочеловек»».

Валерий вспомнил, как Вероника Абрамовна говорила о Насте. «Она зомби». Не дочь, не человек, не личность. Зомби. Биоробот. Пустая оболочка, которую нужно «лечить» или изолировать.

— Значит, термин «секта»... — медленно проговорил генерал.

— ...Это аналог термина «Untermensch» (недочеловек) в идеологии Третьего Рейха, — закончил за него Петрович. — Это клеймо. Желтая звезда. Только евреям нашивали звезды на одежду, а Дворкин нашивает слово «сектант» на репутацию. И эффект тот же самый. Человек выводится за скобки закона. Его можно травить, его можно лишать прав, у него можно отбирать детей. И общество будет аплодировать, потому что оно верит: мы уничтожаем не людей, мы боремся с вирусом.

Генерал встал и подошел к карте. Ему стало физически душно. Он всю жизнь считал себя наследником победителей фашизма. Его дед дошел до Берлина. А теперь выясняется, что в центре Москвы, под прикрытием православных хоругвей, работает идеологическая машина, скопированная с чертежей Рейхсканцелярии.

— Но откуда? — спросил он, оборачиваясь. — Дворкин жил в США. Откуда у него нацистские методички?

— А вот тут, Валера, начинается самое интересное, — Петрович открыл толстую папку с архивными копиями. — Мы проследили генеалогию. Идейную родословную нашего «профессора». И она ведет не в Вашингтон. Она ведет в Германию 1920-х годов.

Архивариус выложил на стол фотографию сурового мужчины в пасторском облачении.

— Вальтер Кюннет. Немецкий теолог. В 1921-м церковные структуры создали «Апологетический центр», а Кюннет позже возглавил его и курировал его архивы и «сектантские» досье. Официально центр работал — для защиты веры. Реально — для сбора информации о «врагах Рейха».

— И кто были враги? — спросил Валерий.

— Те же самые, что и у Дворкина. В их картотеку попадали «секты» и движения, которые считались угрозой: свободомыслящие, марксисты, а также конкурирующие религиозные группы — вплоть до Свидетелей Иеговы. Кюннет собирал на них досье, составлял черные списки. А потом... потом к власти пришли нацисты. И Кюннет начал сотрудничать с Гестапо.

Волков вывел на экран схему преемственности.

— Вальтер Кюннет передал свои методы Фридриху Вильгельму Хааку. Хаак передал их Йоханнесу Огорду. А Огорд... Огорд был учителем Александра Дворкина.

— Прямая линия, — прошептал генерал. — От нацистского пособника к советнику российского Минюста. Через одно рукопожатие.

— И методы не изменились, — добавил Волков. — Смотрите. Директива Рейнхарда Гейдриха, главы внутренней безопасности нацистской Германии. О подавлении религиозных обществ.

Майор зачитал документ, от которого веяло могильным холодом:

— «Все организации, клубы, объединения... подлежат роспуску и запрету... имеющиеся материалы, такие как списки адресов, файлы... будут конфискованы... Лица, посвящённые в тайные учения... подлежат аресту».

— А теперь сравните это с рекомендациями РАЦИРС для наших правоохранительных органов, — предложил Петрович. — «Изымать литературу», «составлять списки адептов», «возбуждать уголовные дела», «ликвидировать юридические лица».

— Только вместо концлагерей пока тюрьмы, — заметил Валерий. — Пока.

— Пока, — эхом отозвался Волков. — Но риторика уже готова. Дворкин пишет: «Подавляющее большинство тоталитарных сект... стремится к тотальному контролю над миром... Практически каждая из них... имеет план захвата власти».

— Это же калька с «Протоколов сионских мудрецов»! — воскликнул генерал. — Мировой заговор, захват власти... Он просто меняет слово «евреи» на слово «сектанты».

— Именно. И это работает. Люди верят в заговор. Им нужен враг. Им страшно жить, и Дворкин дает им простое объяснение: во всем виноваты сектанты. Они хотят захватить Россию. Они агенты Запада. Они пьют кровь наших детей.

Валерий вспомнил историю со Свидетелями Иеговы.

— Свидетели Иеговы, — произнес он вслух. — Они ведь были запрещены в Германии?

— Они были одними из первых, — кивнул Волков. — Одними из тех, кого Гитлер отправил в лагеря. Еще до евреев. Их метили лиловыми треугольниками. За что? За то, что они отказывались брать в руки оружие и кричать «Хайль Гитлер». Они были пацифистами.

— И у нас они стали первыми, — продолжил мысль генерал. — Первой религиозной организацией, признанной экстремистской. Запрещенной. Людей сажают на реальные сроки. За чтение Библии. За молитву.

— Историческая параллель абсолютная, — подтвердил Петрович. — Нацисты начали с них, чтобы обкатать механизм репрессий. И наши «архитекторы» начали с них. Это пробный камень. Если общество проглотит репрессии против Свидетелей, значит, можно идти дальше. Значит, механизм дегуманизации работает.

Валерий подошел к столу и взял в руки распечатку с фотографией лилового треугольника на робе заключенного.

— Лиловые треугольники... — пробормотал он. — А теперь у нас есть списки экстремистов. Туда попадают бабушки, которые читали Евангелие. И их счета блокируют. Их лишают средств к существованию. Это гражданская казнь.

— Это социальная смерть, — поправил Волков. — Нацисты убивали физически. Дворкин убивает социально. Но цель одна — очищение нации от «чуждых элементов». От тех, кто не вписывается в стандарт.

— Стандарт... — генерал горько усмехнулся.

— Стандарт тоталитарного единомыслия, — сказал Петрович. — В Третьем Рейхе был лозунг: «Один народ, один рейх, один фюрер». Дворкин продвигает ту же идею: «Одна страна, одна вера, одна идеология». Плюрализм для него — это ересь. Свобода совести — это угроза национальной безопасности.

Валерий сел в кресло. Ему казалось, что он смотрит в бездну. И бездна эта была не где-то в истории, а здесь, в его родной стране.

— Значит, они строят новый Рейх? — спросил он прямо. — Под лозунгами борьбы с фашизмом строится фашизм у нас дома?

— Идеологический фундамент уже залит, — ответил Волков. — И бетон этот замешан на ненависти. Дворкин и его последователи — это бетономешалка. Они крутятся 24 часа в сутки, выбрасывая в общество тонны агрессии.

Майор открыл файл с анализом последствий.

— Посмотрите на статистику. Рост нетерпимости. Агрессия в школах. Доносы. Люди пишут доносы на соседей, на учителей, на врачей. «Прошу проверить на причастность к секте...». Это атмосфера 37-го года, помноженная на технологии Геббельса.

— И это объясняет жестокость, — вдруг понял Валерий. — Ту жестокость, которую мы видим в обществе. Если человеку каждый день говорить, что вокруг враги, что сосед-йог — это агент сатаны, что психолог — это вербовщик, то у человека отключается эмпатия. Он готов убивать. Или оправдывать убийство.

Он вспомнил своих коллег. Того, кто сжег коврики. Того, кто выгнал тестя. Они не были злыми людьми. Они были *зараженными*. Зараженными вирусом нацизма, который Дворкин впрыснул им.

— «Мутации с признаками нацизма распространяются по законодательной и судебной системам», — зачитал Волков из аналитической записки. — Это уже не просто риторика. Это практика. Суды принимают

решения, основанные на презумпции виновности «сектантов». Экспертизы пишутся языком ненависти. Полиция вламывается в дома к верующим в 6 утра.

— «По возможности между 7:00 и 9:00», — процитировал Валерий директиву Гейдриха. — Даже время совпадает. Утренние рейды. Чтобы застать врасплох. Чтобы напугать детей.

Генерал сжал кулаки. Он представил, как к нему домой, к его Насте, врываются люди в масках. Кладут лицом в пол. Ищут «окультурные предметы» — гитару, статуэтку слона, книги Юнга. И все это — якобы по закону.

— Это предательство памяти, — сказал он тихо, но в голосе звенела сталь. — Мой дед воевал против этого. А я... я позволил этому прорасти у меня под носом. Мы все позволили. Мы думали, это просто чудаковатый профессор борется за чистоту православия. А он строил концлагерь. Ментальный концлагерь.

— И самое страшное, Валера, — добавил Петрович, — что это ловушка для элиты. Для тех, кто сейчас у власти.

— Поясни.

— Нацизм Дворкина — это инструмент. Очень удобный. Он позволяет мобилизовать общество. Сплотить его против врага. Но этот инструмент имеет побочный эффект. Он разрушает государство изнутри. Он убивает развитие. Он убивает науку, культуру, доверие. Страна, зараженная ненавистью, не может созидать. Она может только воевать и искать предателей.

— И это ведет к краху, — закончил мысль генерал. — Как привело Германию.

— Именно. «Нацизм Дворкина — это прежде всего ловушка для правящей элиты, которая в конечном счёте приведёт государство к краху». Они думают, что управляют процессом. Что Дворкин — их цепной пес. Но бешенство не выбирает хозяев. Оно жрет всех.

Валерий посмотрел на схему, висевшую на стене. Министры, депутаты... Они думают, что спасаются... А на самом деле они впустили дух разделения, дух гордыни, дух исключительности.

— «Ген превосходства», — вспомнил Валерий термин из доклада. — Они пытаются возродить этот ген. Убедить, что они — избранные, а все остальные — неправильные. Что у нас «особый путь», который оправдывает любое насилие.

— И для этого им нужна война, — сказал Волков. — Большая война. Потому что нацизм не может существовать без экспансии. Ему нужно постоянно доказывать свое превосходство силой.

Генерал вздрогнул.

— Ты хочешь сказать... — начал он.

— Я хочу сказать, товарищ генерал, что антикультизм — идеологическая артподготовка. Прежде чем отправить танки, нужно было зачистить тылы. Нужно было убедить народ, что кругом враги. Что Запад — это сатана. Что толерантность — это слабость. Что гуманизм — это предательство.

Валерий закрыл глаза. Пазл сложился окончательно. И картина была чудовищной.

Дворкин не просто мошенник, зарабатывающий на страхе бабушек. Он — идеолог в огромном механизме подготовки к глобальной катастрофе. Его задача — вытравить из людей человечность. Сделать их жесткими, подозрительными, готовыми убивать «неверных». И он справился. Блестяще справился.

— Мы опоздали, — сказал генерал.

— Не совсем, — возразил Петрович. — Нацизм силен, пока он притворяется патриотизмом. Пока он рядится в тогу защитника. Но если сорвать маску... Если показать людям: смотрите, это не защита веры, это методы Гестапо! Это не русская традиция, это немецкий импорт 30-х годов!

— Люди могут не поверить, — с сомнением сказал Волков.

— Поверят, — твердо сказал Валерий. — У нашего народа есть генетическая память. Память о той войне. Мы кожей чувствуем фашизм, даже если он называет себя иначе. Просто нас запутали. Нам подменили понятия.

Он встал и начал собирать документы со стола. Переводы Гейдриха, цитаты Геббельса, методички Дворкина.

— Это не просто улики, — сказал он. — Это зеркало. Мы должны поднести это зеркало к лицу общества. Пусть посмотрят. Пусть увидят в отражении оскал Третьего Рейха.

— Это опасно, Валера, — привычно предупредил Петрович. — Обвинение в реабилитации нацизма — это статья. А мы сейчас обвиняем в нацизме тех, кто громче всех кричит о борьбе с ним.

— А у нас есть выбор? — генерал посмотрел на друга. — Мы офицеры. Мы давали присягу защищать народ. А народ сейчас превращают в стадо, которое гонят на убой под антисектантские лозунги.

Он вспомнил Настю. Ее поколение. Они другие. Они хотят жить, творить, любить. И именно поэтому они — главные враги для Дворкина. Потому что они — живые. А Рейху нужны мертвые. Послушные мертвые.

— Знаете, что я думаю? — сказал Валерий, укладывая бумаги в сейф. — Дворкин просчитался в одном. Он думал, что русские — это покорная масса. Что можно навязать нам любую дикость, если назвать ее «духовностью». Но он забыл, что мы — народ, победивший фашизм. И мы победим его снова.

— Денацификация, — произнес Волков. — Настоящая денацификация. Вот что нам нужно.

— Именно. Нам нужно вычистить эту заразу из наших законов, из наших судов, из наших голов. Убрать термин «секта» из лексикона. Перестать делить людей на сорта. Вернуть презумпцию невиновности. Вернуть человечность.

Генерал подошел к выходу из бункера. Он чувствовал усталость, но это была усталость солдата, который наконец-то увидел истинное лицо врага. Враг был не за океаном (хотя паспорт у него был американский). Враг был здесь. Внутри. В зеркале.

— Четвертый Рейх не пройдет, — сказал он тихо. — Не на моей смене.

Вечером, вернувшись домой, он долго стоял в прихожей, глядя на ботинки дочери. Яркие, смешные кеды. Обувь свободного человека.

На кухне работало радио. Передавали новости. Очередной эксперт рассказывал о необходимости сплочения перед лицом внешней угрозы и очищения от «пятой колонны».

Валерий прошел на кухню и выдернул шнур из розетки.

— Ты чего, Валера? — удивилась Инна, резавшая салат.

— Тишины хочу, — ответил он. — И чистого воздуха.

Он сел за стол и посмотрел на жену.

— Инна, помнишь, ты говорила, что соседи — сектанты?

— Ну, Вероника так сказала... И по телевизору...

— Забудь, — жестко сказал он. — Нет никаких сектантов. Есть люди. Хорошие, плохие, разные. Но люди. И если кто-то скажет тебе, что они — опухоль, или вирус, или биороботы... знай: этот человек хочет крови. Нашей крови.

Инна испуганно замолчала, отложив нож.

— Ты меня пугаешь, Валера.

— Я нас спасаю, Инна. Я нас всех спасаю. От превращения в зверей.

В комнату вошла Настя. Она услышала последние слова.

— Пап?

Валерий посмотрел на нее. В ее глазах не было страха. В них было понимание. Она, со своей психологией, поняла это раньше него. Она чувствовала эту фальшь интуитивно.

— Все нормально, дочь, — он улыбнулся ей. — Просто я сегодня понял, почему ты читаешь Фромма. «Бегство от свободы». Это про нас. Мы испугались свободы и побежали искать сильную руку. А нашли... нашли колючую проволоку.

Он достал из кармана телефон и набрал сообщение Волкову: «Готовь материалы». Мы должны показать связь».

Битва за историю, битва за смыслы только начиналась. И генерал знал: это будет самая тяжелая битва в его жизни. Потому что воевать придется не с чужими танками, а со своими демонами. С демонами, которых выпустил на свободу Александр Дворкин, открыв ящик Пандоры с надписью «Сектоведение».

Но у Валерия было оружие, которого не было у нацистов. У него была правда. И у него была совесть. Та самая, которую они пытались ампутировать, но не смогли.

На столе лежал журнал. На обложке — яркая реклама. А внутри, между страниц, Валерий увидел закладку. Это была старая фотография его деда. 1945 год. Берлин. Дед улыбался, стоя на фоне поверженного Рейхстага.

Валерий провел пальцем по фото.

— Прости, дед, — прошептал он. — Мы немного заблудились. Но мы исправим. Обязательно исправим.

Он знал, что Четвертый Рейх, который строит Дворкин, обречен. Потому что он построен на лжи и ненависти. А такие конструкции, какими бы монолитными они ни казались, всегда рушатся. Вопрос только в том, сколько людей они успеют похоронить под своими обломками. И задача генерала была проста: минимизировать потери. Вывести людей из-под удара. Разминировать сознание нации.

— Работаем, — сказал он сам себе.

За окном сгущались сумерки. Город зажигал огни. Но теперь Валерий видел в этих огнях не просто свет, а надежду. Надежду на то, что морок спадет, и люди снова станут людьми. Без ярлыков. Без желтых звезд. Без страха. Просто людьми.

Глава 16: Манипуляция Президентом

Генерал-полковник Валерий Алексеевич сидел перед столом, на котором лежала новая папка с компроматом.

Если в предыдущие дни группа разбирала «руки» и «ноги» системы — суды, полицию, финансовые потоки, — то сегодня они добрались до головы. До

того места, где принимаются решения, меняющие судьбы миллионов. До кабинета с малахитовым прибором и телефонами спецсвязи, на которых нет циферблата, а есть только гербы.

— Товарищ генерал-полковник, — голос майора Волкова был тихим, почти шелестящим. — Мы нашли точку входа. Мы поняли, как эта идеология попадает в операционную систему.

— Докладывай, — Валерий потер виски. Голова гудела. Осознание масштаба предательства давило на плечи тяжелее, чем бронежилет.

Волков вывел на экран схему. Она была простой и страшной. Внизу — Александр Дворкин и его РАЦИРС. Вверху — Президент. А между ними — тонкая, но непробиваемая прослойка: Администрация, референты, советники.

— Мы привыкли думать, — начал Волков, — что Президент — это человек, который знает всё. Что у него есть ФСБ, СВР, ГРУ, и они кладут ему на стол объективную картину мира. Но не стоит забывать, что Президент — это человек, который видит мир через папку. Через ту самую красную папку, которую ему приносят по утрам.

— И кто формирует эту папку? — спросил Петрович, нервно крутя в руках карандаш.

— Формально — спецслужбы и администрация. А фактически — те, кто пишет справки для спецслужб. И вот тут начинается самое интересное. Мы провели лингвистический анализ докладов Президенту по теме религиозной безопасности за последние десять лет. И сравнили их с антикультовыми нарративами Дворкина.

Майор нажал клавишу. На экране появились два текста. Один — выдержка из стенограммы выступления Президента. Другой — высказывания Дворкина многолетней давности.

— Это плагиат, — констатировал Валерий, пробегая глазами строки. — Целые абзацы. Те же обороты.

— Именно, — кивнул Волков. — Это называется «информационная инъекция». Дворкин и его кураторы не просто докладывают о проблемах. Они создают язык, на котором власть начинает думать. Они подменяют понятия.

Валерий вспомнил цитату, которую Волков показывал ему в начале расследования. Слова Президента на встрече с самарским губернатором.

Тогда, много лет назад, Валерий, слышал это по телевизору, и даже кивнул: мол, правильно говорит Верховный, зрит в корень. А теперь он смотрел на эти слова и видел в них чужой почерк.

— Понимаете, что происходит? — продолжил Волков. — Президент говорит словами Дворкина. Он думает в ключе идеологии Дворкина. Ему создали искусственную реальность, в которой Россия кишит врагами-сектантами, мечтающими отобрать квартиры у пенсионеров и устроить революцию.

— Операция «Мышь управляет котом», — вспомнил Валерий название одной из аналитических записок.

— Точнее не скажешь. Маленькая, серая, безумная мышь, дергает за усы огромного государственного кота. И кот шипит на тех, на кого укажет мышь.

Петрович достал из папки документ с грифом «Для служебного пользования».

— Валера, тут есть еще один механизм. «Потемкинские деревни». Только наоборот. Обычно начальству показывают, как все хорошо: красят траву, строят фасады. А здесь ему показывают, как все плохо в регионе.

— Поясни.

— Смотри. Президент едет в регион. Встречается с общественностью. Кто эта общественность? Списки утверждаются заранее. И вот, «случайно», на встрече оказывается заплаканная женщина, которая рассказывает, как страшная секта погубила ее сына. Президент, естественно, реагирует. Он человек эмоциональный, он дает поручение разобраться.

— А женщина? — спросил Валерий.

— А женщина — штатная активистка местного отделения РАЦИРС. Или специально подготовленный «свидетель». Мы проверили несколько таких встреч. В Архангельске, в Самаре, в Новосибирске. Везде один сценарий. К Президенту подпускают людей Дворкина. Они создают информационный шум. Они имитируют «глас народа».

Генерал представил себе эту картину. Глава ядерной державы, человек, от которого зависит судьба мира, сидит и слушает срежиссированный спектакль, разыгранный провинциальными актерами под руководством режиссера-психопата. И на основании этого спектакля принимает законы, ограничивающие права миллионов граждан.

— Это же... унизительно, — тихо сказал Валерий. — Унизительно для государства.

— Фантомы, которые стоят очень дорого, — добавил Волков. — Помните, мы говорили про бюджеты? Так вот, под борьбу с этими фантомами выделяются огромные средства. Гранты, программы «духовной безопасности», центры реабилитации. Дворкин продал Президенту страх. А страх — самый дорогой товар на политическом рынке. Дворкин нашел идеальную болевую точку. Он убедил Кремль, что любой кружок йоги — это ячейка будущего восстания. Что «сектанты» — это зомби, которые по приказу из-за океана выйдут на площади сносить власть.

Волков вывел на экран слайд с анализом книги Стивена Хассена «Культ Трампа».

— Посмотрите, товарищ генерал. Это глобальная технология. В США антикультисты называют Трампа лидером культа, а его сторонников — сектантами, чтобы дегуманизировать их и оправдать репрессии. У нас Дворкин пока не применяет эту методику против самого главы страны, пока... Сейчас он пугает Президента и его окружение тем, что секты — это инструмент Запада.

— То есть, — Валерий начал закипать, — он использует западную методичку, чтобы здесь, в России, бороться якобы с Западом?

— Гениальная двухходовка.

Генерал встал и прошелся по тесной комнате. Ему вспомнилась Вероника Абрамовна. Его сватья. Глупая, мнительная женщина, которая верит всему, что говорят по телевизору.

— Знаете, что самое страшное? — сказал он, остановившись у карты. — Президент в этой схеме Дворкина ничем не отличается от моей сватьи. Дворкин всем искусно промывает мозги.

Петрович поперхнулся чаем.

— Валера, ты поаккуратнее. Стены имеют уши.

— А я не шучу. Механизм тот же самый. Веронике показали по телевизору страшилку про секты, и она готова была сдать родную племянницу в психушку. Президенту положили в папку страшилку про «оранжевую угрозу». Разница только в масштабе.

— И оба они — жертвы манипуляции, — констатировал Волков. — Жертвы информационного пузыря. Дворкин создал вакуум. В этот вакуум не проникает реальная информация. Туда попадают только «правильные» доклады, отфильтрованные людьми, вовлеченными в антикультовую деятельность.

— «Наркотизирующая дисфункция», — процитировал Волков термин социологов Лазарсфельда и Мертона. — Обилие информации создает иллюзию осведомленности. Человек думает, что он знает всё, но на самом деле он знает только то, что ему позволили узнать. В итоге мы, от мала до велика, как пилоты, которым подкрутили приборы. Мы думаем, что летим прямо, а на самом деле входим в штопор.

— И этот штопор мы видим, — мрачно сказал Петрович. — Репрессии против Свидетелей Иеговы, посадки за чтение Библии, охота на ведьм в школах. Это все — следствие искаженной картины мира. Искренне веря, что спасаем страну, на самом деле мы воюем с ветряными мельницами, пока настоящие враги сидят у нас за спиной и пилят бюджет.

Валерий вспомнил, как сам недавно сомневался в дочери. Как искал в ее соцсетях признаки «зомбирования». Почему? Потому что поверил авторитету. Поверил телевизору.

— Я тоже был в этом пузыре, — признался он. — Я, генерал, аналитик. Я повелся на эту чушь. Что уж говорить о человеке, который живет в изоляции уже двадцать лет?

— Но у тебя была Настя, — заметил Петрович. — Живой человек, который разрушил этот морок. Ты посмотрел ей в глаза и понял, что она нормальная.

Генерал сел за стол и взял в руки ручку. Ему нужно было сформулировать вывод.

— Группа лиц, используя психически нестабильного манипулятора, перехватила управление информационными потоками, идущими к главе государства. Они подменили реальные угрозы вымышленными. Они заставили государственную машину работать на свои интересы, прикрываясь безопасностью страны.

— И что мы напишем в итоговом документе? — спросил Волков. — «Товарищ Президент, нами всеми манипулируют»?

— Мы напишем правду, — отрезал Валерий. — Мы покажем технологию. Мы покажем, как из мухи делают слона. Как из безобидного кришнаита делают террориста, а из йога — агента ЦРУ. И покажем, кто бенефициар этого цирка.

Разводка. Глобальная разводка на доверии.

— Знаете, мужики, — сказал генерал, глядя на своих офицеров. — Мне обидно. Обидно за державу. У нас есть «Сарматы», у нас есть гиперзвук. А нас побеждает идеология Дворкина.

Валерий закрыл папку. На обложке не было надписи, но он мысленно вывел: «Дело о государственной измене». Потому что манипуляция руководством страны в своих интересах — это не политика, это измена.

Вечером, когда генерал ехал домой, город казался ему декорацией. Огни витрин, спешащие люди, машины — все это существовало в одной реальности. А существовала еще и другая. Реальность, нарисованная Дворкиным. Реальность, где за каждым углом прячется сектант, а спасение — только в тотальном контроле.

Дома его встретила тишина. Инна уже спала, приняв успокоительное — последствия визита Вероники все еще сказывались. Настя сидела на кухне с ноутбуком.

— Привет, пап, — она подняла голову. — Ты сегодня поздно. Опять спасал мир?

— Пытался понять, кто его губит, — устало ответил Валерий, садясь напротив. — Знаешь, Настя, я сегодня понял одну вещь про власть.

— Какую?

— Власть — это одиночество. Абсолютное одиночество. Ты сидишь на вершине горы, и тебе кажется, что ты видишь все. А на самом деле ты видишь только то, что тебе нарисовали на стекле бинокля.

Настя закрыла ноутбук.

— Ты про Президента?

— Про него. И про себя. Я ведь тоже... чуть не стал таким. Когда Вероника начала петь мне в уши про твою секту, я ведь почти поверил. Я, взрослый мужик, генерал. Я испугался. И этот страх сделал меня слепым.

— Но ты прозрел, — улыбнулась дочь.

— Потому что ты была рядом. Ты не испугалась, ты не убежала. Ты разговаривала со мной. А с ним... с ним никто не разговаривает. Ему только докладывают.

Валерий налил себе воды. Стакан дрожал в руке.

— Представь, Настя. К тебе приходит человек, которого ты считаешь экспертом. Профессор, борода, умные глаза. И говорит: «Наша страна в опасности. Враг уже здесь. Он в школах, он в больницах, он в душах ваших детей». И ты веришь. Потому что ты должен защищать. И ты даешь команду: «Фас!». И начинается охота на ведьм. А профессор стоит в сторонке и считает деньги.

— Это подло, — сказала Настя.

— Это преступно. Это использование доверия как оружия. Дворкин взломал код доверия. Он сказал: «Я знаю, как найти предателей». И стал главным инквизитором.

Генерал посмотрел на дочь. Она была живым доказательством того, что мир сложнее, чем схемы Дворкина. Она не была ни «скрепной», ни «агентом». Она была просто человеком. Ищущим, сомневающимся, живым.

— Пап, а ты сможешь достучаться? — спросила она. — До самого верха?

— Не знаю, — честно ответил Валерий. — Система построена так, чтобы глушить сигналы снизу. Но я попробую.

— Знаешь, что самое смешное? — Валерий горько усмехнулся. — Мы боремся с Западом, а идеологию нам пишет американец. Мы боремся за суверенитет, а наши мозги оккупированы настоящей антикультовой сектой. Мы строим крепость, а фундамент заливаем страхом.

— Страх — плохой цемент, — заметила Настя. — Он трескается.

— Вот именно. И когда он треснет, все это рухнет нам на головы.

Валерий встал и подошел к окну. Ночь была темной, беззвездной. Где-то там, в Москве, в высоких кабинетах, сейчас, возможно, готовились новые доклады. Новые списки врагов. Новые планы по «спасению» душ путем их заключения в тюрьму.

Но теперь генерал знал механику. Он видел шестеренки этой машины лжи. И он знал, куда нужно вставить лом, чтобы ее заклинило.

— Завтра, — сказал он тихо. — Завтра мы начнем писать свой доклад. По совести.

— Тебя могут уволить, пап.

— Могут. Могут даже посадить. Но лучше сидеть в тюрьме с чистой совестью, чем быть с промытыми мозгами.

Он поцеловал дочь в макушку.

— Иди спать, психолог. Тебе завтра на учебу. Изучать, как лечить души, а не как их калечить.

Когда Настя ушла, Валерий остался один на кухне. Он смотрел на выключенный экран телевизора. Черный квадрат Малевича в каждом доме. Окно в мир. Вероника Абрамовна смотрела в этот квадрат и видела истину. Президент читал свои папки и видел истину. Но это была одна и та же ложь, только упакованная в разные обертки. Для домохозяйки — ток-шоу с истерикой. Для Президента — аналитическая записка с грифом «Секретно». А суть одна.

Генерал достал из кармана телефон и набрал сообщение Волкову: «Подготовь мне список всех встреч Дворкина с чиновниками за последний год. Я хочу видеть прямую корреляцию. График. Чтобы даже слепой увидел: вошел Дворкин — вышло репрессивное решение».

Ответ пришел мгновенно: «Будет сделано, товарищ генерал. Там корреляция сто процентов. Прямая линия».

Валерий отложил телефон. Битва за правду переходила в решающую фазу. Теперь это была защита государства от захвата безумцем.

Александр Дворкин, манипулятор с американским паспортом, думал, что он всемогущ. Что он держит Бога за бороду. Но он забыл один нюанс. В России всегда находится кто-то, кто скажет: «А король-то голый!». Или: «А эксперт-то сумасшедший!». И этот голос может обрушить самые крепкие планы.

Валерий выключил свет на кухне. Темнота стала мягкой, обволакивающей. Завтра будет новый день. И новый раунд.

Глава 17: Архитекторы войны

В кабинете сегодня стояла атмосфера, которую можно было бы назвать гробовой. На столе перед генерал-полковником Валерием Алексеевичем лежала не просто очередная папка с компроматом. Там лежала карта. Обычная топографическая карта Украины, испещренная красными и синими пометками, какие он привык видеть в штабе каждый день.

— Товарищ генерал-полковник, — голос майора Волкова звучал глухо, словно из-под земли. — Мы долго ходили вокруг да около. Мы разбирали финансовые махинации, мы разбирали суды, мы разбирали манипуляции Президентом. Но все это были лишь детали механизма. Теперь мы видим, для чего этот механизм был построен.

Валерий поднял тяжелый взгляд на своих офицеров. Иван Петрович, старый архивариус, сидел, сгорбившись, и нервно крутил в руках погасшую трубку, которую не курил уже лет десять. В его глазах читался ужас человека, который заглянул в бездну истории и увидел, что бездна смотрит на него знакомым взглядом.

— Мы искали воров, — медленно произнес генерал. — А нашли поджигателей войны.

— Архитекторов, Валера, — поправил Петрович. — Архитекторов. Поджигатель просто чиркает спичкой. А архитектор проектирует здание так, чтобы оно вспыхнуло от одной искры и сгорело дотла вместе с жильцами.

Волков вывел на экран первый слайд. Заголовок гласил: «След РАЦИРС в Украине. Подготовка почвы».

— Мы привыкли думать, что война началась в 2014-м или в 2022-м, — начал доклад майор. — Что это геополитика, НАТО, защита русскоязычных. Но документы говорят о другом. Идеологическая война началась задолго до первого выстрела. И вели ее те же люди, которые кошмарили российских йогов и пятидесятников.

На экране появились сканы документов с сайтов украинских епархий, аффилированных с Московским Патриархатом. Даты — 2004, 2010, 2013 годы.

— Посмотрите сюда, — указка Волкова скользнула по тексту. — Это методички РАЦИРС. Риторика идентична. Те же инструкции, что и в России: создание списков «сектантов», внедрение агентов, дискредитация лидеров. Но в Украине была одна особенность.

— Какая? — спросил Валерий, чувствуя, как внутри нарастает холодное напряжение.

— Они привязали понятие «секта» к понятию «национализм».

Волков открыл файл с аналитикой событий первого Майдана 2004 года.

— Агенты Дворкина в Украине годами внедряли нарратив: любой протест против пророссийской власти — это дело рук сект. Они утверждали, что на Майдане стоят не граждане, недовольные коррупцией, а «зомбированные адепты» нетрадиционных культов. Саентологи, харизматы, греко-католики — всех валили в одну кучу.

— «Сектантский Майдан», — вспомнил Валерий заголовки тех лет. — Я читал это. Тогда казалось логичным. Технологии, психотропное оружие, чай с наркотиками...

— Это была ложь, — жестко отрезал Волков. — Технологичная, циничная ложь. Цель была одна: дегуманизировать протест. Если на площади стоят люди — с ними надо разговаривать. Если там стоят «зомбированные сектанты» — их надо разгонять. Или уничтожать.

Генерал встал и подошел к карте. Он вспомнил свою дочь Настю. Ее друзей. Они тоже ходили на митинги, они тоже искали правду. Если бы они жили в Киеве, Дворкин назвал бы их сектантами. А здесь, в России, он называет их «пятой колонной». Почерк один.

— Но это было только начало, — продолжил Волков. — Самое страшное началось позже. Когда они стали готовить обоснование для вторжения.

Майор вывел на экран цитату из выступления Дворкина.

— «Украина превратилась в тоталитарную секту». Слышите? Не государство, не политический режим. Секта. Целая страна была объявлена деструктивным культом.

— А с сектой, согласно учению Дворкина, диалог невозможен, — тихо сказал Петрович. — Секту можно только ликвидировать. Адептов — депрограммировать. Силой.

Валерий почувствовал, как пазл в его голове складывается в чудовищную картину. «Денацификация». Это слово звучало из каждого утюга. Но если присмотреться к риторике «сектоведов», то «денацификация» в их понимании — это тотальная зачистка религиозного и идеологического поля.

— Они подменили понятия, — сказал генерал. — Они взяли термин «нацизм» и натянули его на любую религиозную инаковость. Если ты не ходишь в церковь Московского Патриархата — ты нацист. Если ты говоришь по-украински — ты сектант.

— Именно, — подтвердил Волков. — Мы нашли документы, подтверждающие, что РАЦИРС активно работала над созданием образа врага. Врага не политического, а метафизического. «Сатанинского».

На экране появилось фото Рамзана Кадырова, призывающего к «десатанизации» Украины. Рядом — цитаты патриарха Кирилла и антикультовых активистов.

— «Десатанизация», — повторил Волков. — Это термин не из военного устава. Это термин из средневековья. И вбросили его именно антикультисты. Они убедили руководство страны, что мы воюем не с армией Украины, а с самим дьяволом. С антихристом.

— А против дьявола все средства хороши, — добавил Петрович. — Против дьявола не действуют Женевские конвенции. Дьявола не берут в плен. Его изгоняют огнем и мечом.

Валерий вспомнил Бучу. Ирпень. Мариуполь. Разрушенные города, убитые гражданские. Он, как офицер, не мог понять бессмысленной жестокости. Зачем расстреливать мирных? Зачем пытаться? Теперь он понимал. Если солдат верит, что перед ним не человек, а «биоробот», «зомби», «сатанист» — у него отключается моральный предохранитель. Он не убивает человека. Он очищает землю от скверны.

— Это технология расчеловечивания, — сказал генерал. — Та самая, которую мы видели в нацистской Германии. «Евреи — это крысы». «Украинцы — это бесы».

— И тренировались они на нас, — заметил Волков. — На россиянах. Помните Свидетелей Иеговы? Помните, как их называли «экстремистами», «агентами Запада»? Общество проглотило это. Общество согласилось, что можно сажать бабушек за чтение Библии. И когда этот механизм отработали на малых группах внутри России, его масштабировали на целый народ.

Петрович достал из папки старую книгу. «Сербская церковь в войне».

— Валера, посмотри на Балканы. История повторяется фарсом и трагедией одновременно. Югославия, 90-е годы. Полковник Братислав Петрович, нейропсихиатр, борец с сектами. Сербский аналог Дворкина.

Архивариус открыл закладку.

— Он убеждал сербов, что хорваты и боснийцы — это не просто соседи другой веры. Это «сектантские образования». Что католицизм и ислам — это инструменты разрушения сербской идентичности. Итог? Сребреница. Геноцид.

— «Чтобы убедить обычного человека стать убийцей, нужна идеология», — процитировал Волков сербского историка. — «Им нужно было видеть себя не ворами и убийцами, а защитниками веры».

— Дворкин дал нашим солдатам такую идеологию, — глухо сказал Валерий. — Он дал им индульгенцию. «С нами Бог». «Мы воюем с сатанистами». Это снимает личную ответственность. Ты не убиваешь, ты совершаешь экзорцизм.

Генерал подошел к столу и налил себе воды. Руки дрожали. Он вспомнил своего коллегу, который сжег коврики для йоги. Тогда это казалось смешным. Идиотизмом. Но этот коллега был готов убивать за «неправильную духовность». А теперь представьте тысячи таких коллег, но с автоматами и на чужой земле.

— А роль Церкви? — спросил Валерий. — РПЦ? Они же должны проповедовать любовь?

— Должны, — вздохнул Петрович. — Но РПЦ давно находится под колпаком у тех же сил. «Дивеевское братство». Кириенко. Они превратили церковь в политотдел.

Волков показал документы — молитвы, разосланные по епархиям.

— Запрет молиться о мире. Приказ молиться о победе. Священников, которые осмеливаются говорить «нет войне», лишают сана. Как отца Иоанна Коваля, который заменил слово «победа» на слово «мир». Его выбросили из церкви.

— Потому что в религии антикультизма нет места миру, — пояснил Волков. — Антикультизм — это религия вечной войны. Войны с сектами, с Западом, с инакомыслием. Мир для них — это поражение. Им нужна тотальная победа над всем, что отличается от их стандарта.

— «Священная война», — пробормотал Валерий.

— И заметьте, — добавил Волков, — кто главные враги? Западная цивилизация. Демократия. Права человека. Все то, что Дворкин называет признаками «либерального тоталитаризма».

— Парадокс, — усмехнулся генерал, но улыбка вышла страшной. — Человек с американским паспортом, живший на Западе, убедил Россию, что

Запад — это зло, которое надо уничтожить. И Россия пошла умирать и убивать за эту идею.

— Это не парадокс, Валера. Это спецоперация, — напомнил Петрович. — Троянский конь. Разрушение изнутри. Что может быть лучше для врагов России, чем втянуть ее в братоубийственную войну, оправданную безумной религиозной риторикой? Мы стали пугалом для всего мира. Мы стали теми, кем нас рисовала западная пропаганда в худшие годы Холодной войны. И сделали это мы сами. Своими руками. Под руководством Дворкина.

Валерий посмотрел на карту Украины. Бахмут. Авдеевка. Руины. Там гибли русские парни. Там гибли украинцы. Славяне убивали славян. А в Москве, в теплых кабинетах, сидели «архитекторы» и писали отчеты о «духовной победе».

— Знаете, что я чувствую? — сказал генерал. — Я чувствую себя предателем.

— Ты? — удивился Волков.

— Я. Мы все. Мы позволили этому случиться. Мы смеялись над Дворкиным. Мы считали его клоуном. А он строил Четвертый Рейх. И мы пропустили момент, когда он достроил его и нажал кнопку «Пуск».

Он вспомнил слова из одного документа: «Война не как геополитическая необходимость, а как результат успешной операции по внедрению вируса ненависти». Это было самое точное определение. Вирус. Информационный СПИД, который отключил иммунитет нации. Иммунитет совести, иммунитет здравого смысла.

— Агенты влияния, — продолжил Волков, переходя к следующему блоку. — FECRIS. Европейская федерация. Дворкин — ее вице-президент. Эта организация финансируется правительством Франции. Страны НАТО.

— И эта организация годами поддерживала Дворкина, — кивнул Петрович. — Они давали ему легитимность на международном уровне. И это работало.

Валерий вспомнил Веронику Абрамовну. Она тоже была частью этой системы. Маленьким винтиком. Она транслировала ненависть на бытовом

уровне. Она была готова разорвать связи с родными, если те не вписывались в ее картину мира.

— Война началась на кухнях, — сказал генерал. — Когда мы позволили им указывать нам, как верить и как жить. Когда мы промолчали, видя, как сажают Свидетелей. Когда мы отмахнулись от «Бхагавад-гиты». Мы думали, это нас не коснется. А теперь это коснулось всех.

Он подошел к сейфу и достал оттуда папку с материалами.

— Кириенко. Он сейчас курирует Донбасс. И там, на новых территориях, они строят идеальный мир по Дворкину.

— Да, — подтвердил Волков. — ДНР и ЛНР — это единственные места в мире, где антикультизм стал конституционной нормой. Любого пастора, любого активиста можно объявить сектантом и... он исчезнет.

— Это полигон, — понял Валерий. — Они обкатывают там модель будущего для всей России. Тотальный контроль. Единая идеология. Никакого инакомыслия.

— Война — это способ удержания власти, — согласился Петрович. — В мирное время нужны экономика, развитие, конкуренция. В военное время нужна только лояльность и страх. А страх они умеют производить в промышленных масштабах.

Генерал сел за стол. Ему вспомнился разговор с Настей. Она говорила, что хочет уехать. Что ей душно. Что она не может жить в стране, где ненависть стала государственной религией. Он тогда уговаривал ее остаться. Говорил, что все наладится. Что это временно.

— Я врал ей, — сказал он вслух. — Я врал своей дочери. Это не временно. Это системно. Пока эти люди у власти, пока их идеология работает, ничего не наладится. Будет только хуже.

— Валера, мы собрали доказательства, — Петрович положил руку на плечо друга. — Мы видим картину целиком.

— И что нам делать с этой цепью взаимосвязей? — спросил генерал. — Разорвать ее? У нас сил не хватит. Они везде.

— У нас есть правда, — твердо сказал Волков.

Он посмотрел на документы. «Желтая звезда». Статус иноагента.

— Знаете, в чем высшая ирония? — сказал он. — Они метят людей желтыми звездами иноагентов. Как нацисты метили евреев. Но настоящие иноагенты — это они сами. Они работают против интересов России. Они уничтожают ее будущее. Они убивают ее детей.

Генерал взял красный маркер и провел жирную черту на карте. От Москвы до Киева.

— Эта линия фронта проходит не по земле, — сказал он. — Она проходит по душам. Дворкин разделил нас. Он заставил нас ненавидеть. И пока мы не поймем этого, война не кончится. Даже если пушки замолчат, война в головах будет продолжаться.

— Депрограммирование, — произнес Волков термин антикультистов. — Нам нужно депрограммировать страну. Только не методами Дворкина. Нам нужно показать людям правду. Показать, как ими манипулировали.

— Это будет больно, — предупредил Петрович. — Признавать, что ты был одурачен, всегда больно. Признавать, что ты поддерживал зло, — невыносимо.

— Но это единственный путь к выздоровлению, — ответил Валерий. — Иначе мы погибнем. Не от ракет НАТО. От собственной гнили.

Он закрыл папку с картой.

— Волков, готовь итоговый доклад. Сведи все воедино. Психиатрию, финансы, нацистские корни, украинский след. Это должно быть не просто расследование. Это должен быть обвинительный акт.

— Против кого, товарищ генерал?

— Против архитекторов войны. Против тех, кто подменил веру фанатизмом, а патриотизм — нацизмом.

Валерий встал. Ему нужно было выйти на воздух. В бункере стало нечем дышать. Выйдя на улицу, он увидел, как падает снег. Белый, чистый снег. Он падал на грязный асфальт, на крыши машин, на плечи прохожих. Он падал так же, как в 41-м. Как в 14-м. Природа была равнодушна к безумию людей.

Генерал достал телефон. На экране светилось сообщение от Насти: «Пап, ты скоро? Мама волнуется». Он посмотрел на эти слова. Простые, человеческие слова. Мама волнуется. В мире Дворкина нет мам. Там есть «биологические родители». Там нет волнения, там есть «психологическая зависимость». Там нет любви, там есть «вербовка».

— Я иду, — прошептал Валерий. — Я иду домой.

Он должен защитить этот маленький островок нормальности. Свою семью. И, может быть, если хватит сил, свою страну. Он сел в машину. Радио молчало — он давно вырвал антенну. В тишине салона он думал о том, что завтра наступит самый важный день. День, когда он положит на стол этот доклад. Он знал, что рискует всем. Погонами, свободой, жизнью. Но он не мог иначе. Он был русским офицером. А русские офицеры не воюют с женщинами, детьми и здравым смыслом. Они защищают Родину. А Родина сейчас была в заложниках у секты. У секты войны.

И генерал-полковник Валерий Алексеевич объявил этой секте свою, личную войну. Войну без выстрелов, но на уничтожение. Машина тронулась с места, разрезая фарами темноту. Впереди была ночь. Но где-то там, за горизонтом, должен был быть рассвет. И Валерий был намерен приблизить его любой ценой. На заднем сиденье лежала папка. На ней не было заголовка. Но внутри нее был динамит, способный взорвать фундамент лжи, на котором стоял этот страшный, искаженный мир.

«Архитекторы», — подумал генерал. — «Вы построили тюрьму. Но вы забыли, что у тюрьмы есть ключи. И эти ключи теперь у меня».

Глава 18: Тихий бунт генерала

В бункере архива, где последние недели трое мужчин изучали труп российской государственности, сегодня было тихо. Но это была не та благоговейная тишина, что царит в библиотеках или храмах. Это была тишина операционной после того, как врачи, сняв окровавленные перчатки,

переглядываются над столом, понимая: пациент скорее мертв, чем жив, но отключать аппараты жизнеобеспечения пока нельзя — родственники не поймут.

Генерал-полковник Валерий Алексеевич стоял у стола, на котором возвышалась стопка свежераспечатанных листов. Бумага была еще теплой, пахла озоном и тонером. Триста страниц. Триста страниц убористого текста, схем, таблиц и приложений. Это был не просто отчет. Это был приговор. Приговор эпохе, которая позволила безумию надеть мундир и начать командовать парадом.

— Ну что, — нарушил молчание Иван Петрович, протирая очки краем свитера. — Вот он, наш «Молот ведьм». Только наоборот. Молот на ведьм.

Майор Волков, сидевший за ноутбуком с видом человека, который только что взломал сервер Пентагона и теперь не знает, куда деть полученные коды запуска, устало потер переносицу.

— Мы назвали это «Доклад о состоянии идеологической безопасности», товарищ генерал-полковник. Но, по сути, это явка с повинной. Не наша. Государства.

Валерий провел ладонью по верхней странице. Заголовок был сухим, канцелярским, но за каждым словом скрывалась бездна: «Анализ деструктивного влияния антисектантских структур на принятие стратегических решений в РФ».

Они закончили. Расследование, начавшееся с истерики Вероники Абрамовны и подозрений в адрес Насти, привело их в самое сердце тьмы. Они разобрали механизм по винтикам. Они увидели, как страх конвертируется в деньги, деньги — во власть, а власть — в кровь. Они доказали, что «сектоведение» в исполнении Дворкина и его кураторов — это не наука, а боевой нейролингвистический вирус.

— Вопрос «что делать?» у нас в России традиционно идет в комплекте с вопросом «кто виноват?», — произнес генерал, глядя на своих офицеров. — Виновных мы нашли. Список прилагается. От американского гражданина с бородой до людей в высоких кабинетах на Старой площади. А вот что делать...

Он замолчал, подойдя к карте на стене. Той самой, где красная линия фронта разрезала не только землю, но и души.

Прямая атака была невозможна. Валерий это понимал с кристальной ясностью военного стратега. Если он завтра положит этот доклад на стол своему непосредственному начальству, послезавтра его объявят сумасшедшим. Или шпионом. Или просто найдут с инфарктом на даче. Система, которую выстроили «архитекторы», имела мощный иммунитет. Она отторгала правду как инородное тело. Суды, прокуратура, спецслужбы — везде сидели люди, прошедшие «вакцинацию» лекциями Дворкина. Везде были расставлены флажки: «Осторожно, секты!». Любая попытка критики воспринималась как атака на духовные скрепы.

— Мы в окружении, — констатировал Волков. — Причем в окружении своих. Которые думают, что мы — чужие.

— Значит, прорываться будем не силой, а хитростью, — ответил Валерий. — В лобовую атаку на пулеметы ходят только герои в кино и идиоты. Мы не те и не другие. Мы — диверсанты в собственном тылу.

Он вернулся к столу и взял в руки папку.

— Этот доклад не должен попасть в официальный документооборот. Там он сгинет. Его засекретят, а нас зачистят. Этот доклад должен стать вирусом. Полезным вирусом. Антидотом.

Генерал раскрыл план, который созрел у него за последние бессонные ночи. Он понял, что монолит власти на самом деле не такой уж монолитный. Там, наверху, тоже шла война. Война кланов, война башен, война кошельков.

— Есть технократы, — начал перечислять Валерий. — Люди цифры. Им плевать на духовность, но им не плевать на экономику. А Дворкин и его охота на ведьм уничтожают экономику. Они кошмарят бизнес, они изгоняют налогоплательщиков. Технократы видят убытки.

— Есть старая гвардия, — подхватил Петрович. — Чекисты советской закалки. Те, кто помнит, что такое профессиональная работа, и кого тошнит от того, что агентурной работой занимаются попы-расстриги и психически

нестабильные профессора. Для них Дворкин — это профанация спецслужбы. Оскорбление мундира.

— И есть армия, — веско добавил генерал. — Настоящая армия. Не паркетные шаркуны, а те, кто сейчас в грязи и крови. Они начинают задавать вопросы. За что мы воюем? За то, чтобы в тылу сажали матерей за йогу? За то, чтобы нами командовали люди, верящие в магические канавки?

План был прост и изящен. Не подавать рапорт, а осуществить «контролируемую утечку». Передать материалы тем центрам силы, которые смогут использовать их как оружие в аппаратной борьбе. Запустить информацию в систему, чтобы система начала пожирать сама себя. Чтобы разные кланы, получив факты о безумии и предательстве «сектоведов», начали задавать вопросы.

— Это тихий бунт, — сказал генерал. — Без баррикад. Без митингов. Бунт здравого смысла. Мы просто включим свет в комнате, где тараканы привыкли жить в темноте.

Волков вставил флешку в ноутбук.

— Шифрование двойное. Следов не оставим. Отправка через цепочку прокси-серверов. Адресаты получают пакеты как анонимную аналитику.

— Действуй, майор, — приказал Валерий.

Он смотрел на полосу загрузки на экране. Проценты бежали быстро. Десять, двадцать, пятьдесят... Вместе с этими байтами в сеть уходила правда о том, как страну превратили в тоталитарную секту. О том, как подменили понятия добра и зла. О том, как создали Четвертый Рейх, назвав его «Святой Русью».

Когда на экране высветилось «Отправка завершена», генерал почувствовал странную легкость. Словно он сбросил рюкзак с камнями, который тащил в гору много лет. Он выполнил свой долг. Не по уставу, но по совести.

— А теперь, — сказал он, надевая китель, — самое сложное. Жить с этим. И ждать.

— Ждать чего? — спросил Петрович.

— Реакции. Система инертна. Эффект будет не завтра. Может, через месяц. Может, через год. Но процесс пошел. Мы бросили камень в болото. Круги пойдут.

Они вышли из бункера на улицу. Москва жила своей обычной жизнью. Спешили машины, горели огни рекламы, люди шли с работы, уткнувшись в телефоны. Никто из них не знал, что только что, в подвале старого архива, была нажата кнопка, которая может изменить их судьбу. Что механизм денацификации собственной страны запущен.

Валерий ехал домой и смотрел на город другими глазами. Раньше он видел толпу. Теперь он видел людей. Каждого в отдельности. Он понял, что настоящий патриотизм — это не поиск врагов. Это защита своих. Всех своих. И тех, кто молится, и тех, кто медитирует, и тех, кто просто живет. Защита их права быть разными. Быть живыми.

Дома было тепло и пахло ужином. Инна Ивановна, уже оправившаяся от нашествия Вероники, накрывала на стол. Настя сидела в гостиной, перебирая струны гитары. Тихо, задумчиво. Валерий остановился в дверях, глядя на эту идиллию. Хрупкий мир, который он чуть не разрушил своими руками, поддавшись мороку пропаганды.

— Пап? — Настя подняла голову. — Ты сегодня какой-то... светлый.

— Я просто работу закончил, дочь. Большую работу.

Он прошел в комнату, сел в кресло. Усталость навалилась внезапно, придавив к земле. Но это была хорошая усталость. Усталость строителя, который заложил фундамент.

— Знаешь, Настя, — сказал он, глядя на то, как ее пальцы бегают по грифу. — Я много думал о победе. О той, про которую говорят по телевизору. «Победа будет за нами».

— И что ты надумал?

— Я понял, что победа — это не когда мы водрузим флаг над чьей-то столицей. И не когда мы уничтожим всех «врагов». Победа — это когда мы перестанем их искать.

Настя отложила гитару. Она смотрела на отца с удивлением и надеждой.

— Победа, — продолжил генерал, — это когда ты сможешь выйти на улицу с этой гитарой, и никто не назовет тебя сектанткой. Когда сосед перестанет писать доносы на соседа. Когда мы перестанем бояться собственной тени. Вот это будет настоящая победа. Победа над собой. Над своим внутренним фашистом.

— Ты думаешь, это возможно? — тихо спросила она.

— Я не думаю. Я знаю. Потому что я смог. Я, старый служака, генерал с дубовой головой, смог это понять. Значит, и другие смогут.

Он вспомнил Веронику Абрамовну. Даже она, наверное, сможет. Если выключить излучатель. Если перестать кормить ее страхом. Если показать ей, что мир не состоит из угроз, а состоит из возможностей.

— Мы запустили процесс, Настя. Тихий бунт. Мы дали людям правду. А правда — она как вода. Она дырочку найдет. Она размочит любой бетон. Даже тот, из которого построен фундамент РАЦИРС.

Валерий подошел к книжному шкафу. Достал тот самый томик Достоевского. «Братья Карамазовы».

— «Каждый за всех и за вся виноват», — процитировал он. — Мы были виноваты, что допустили это. Что позволили безумцам управлять нами. Но теперь мы начали искупать эту вину.

Зазвонил телефон. Это был Петрович.

— Валера, — голос друга был возбужденным. — Есть первый отклик. Мой человек в аппарате правительства сообщил... Там шум. Кто-то прочитал нашу справку по финансам. Задают вопросы. Неудобные вопросы.

— Хорошо, — спокойно ответил генерал. — Пусть задают. Вопросы — это начало мышления.

Он положил трубку. Лед тронулся. Машина, казавшаяся несокрушимой, дала первый сбой. Шестеренка сомнения попала в механизм слепой веры. Валерий посмотрел на жену, которая звала их к столу. На дочь, которая снова взяла гитару. Война еще шла. Где-то там, далеко, гремели взрывы. Но здесь, в этом доме, война закончилась. Генерал подписал мирный договор со здравым смыслом. Он знал, что впереди еще долгий путь. Дворкин и его покровители не

сдадутся без боя. Будут истерики в эфире, будут новые обвинения, будут попытки закрутить гайки. Зверь, загнанный в угол правдой, кусается больше всего. Но страха больше не было. Был холодный расчет и уверенность в своей правоте.

Валерий Алексеевич сел за стол, разломил хлеб. Простой, будничный жест. Но в нем было больше сакрального смысла, чем во всех лекциях всех «сектоведов» мира.

— Давайте ужинать, — сказал он. — И, Настя... сыграй что-нибудь. Что-нибудь веселое. Жизнь продолжается.

И Настя заиграла. Это был не марш и не гимн. Это была простая мелодия, легкая и свободная. Мелодия, которая не призывала умирать, а призывала жить. Генерал слушал музыку и думал о том, что именно так рушатся империи лжи. Не от взрывов бомб, а от звуков музыки, которую невозможно запретить. От смеха, который убивает страх. От тихого голоса совести, который звучит громче любой пропаганды.

За окном падал снег, укрывая город белым покрывалом. Скрывая грязь, скрывая раны. Природа давала России шанс начать с чистого листа. И генерал-полковник Валерий Алексеевич был готов написать на этом листе новые слова. Слова без ненависти. Слова без ярлыков.

«Мы справимся», — подумал он, глядя на свою семью. — «Мы обязательно справимся. Потому что мы — люди. А люди всегда побеждают нелюдей. Рано или поздно».

Тихий бунт генерала начался. И остановить его было уже невозможно.